

"Далекий мой, единственный...-«Не могу тебя забыть»]"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Татьяна Алюшина

Далекий мой, единственный...

Владимиру Валентиновичу Беляеву с благодарностью за поддержку и понимание посвящается

ЮЛЯ

Сложив на столе ладони и упершись в них подбородком, Юлька смотрела на улицу. Письменный стол, за которым она сидела, стоял возле окна, для правильного освещения, когда она работает, да и думалось ей лучше, глядя на неспешно текущую, никуда не торопящуюся Неву.

В мире под названием Санкт-Петербург шел снег. Огромные хлопья, послушные порывам ветра, метались за окном то в одну сторону, то в другую, то ровно падали, как сплошная белая завеса, и ей казалось, что она слышит тихий шорох опускающихся на землю снежинок.

Юля не любила зиму. Сейчас не любила. Она была уверена, что зима – это время для обдумывания жизни, легкого философствования. В тишине и уюте теплой квартиры, в сумеречной, неярко освещенной комнате. Когда знаешь, что на улице холодно и неуютно зыбко, надо обязательно сидеть в удобном кресле и предаваться осмыслению своей жизни, читать классиков, проецируя их мудрые мысли на себя и нынешнюю действительность.

Ничего обдумывать она не хотела, проецировать что-то там и уж тем более ковыряться в себе. Юлька столько всего передумала, что в мозгах что-то заклинило, какие-то проводки от чрезмерной нагрузки соединились не так, заблокировав умные мысли и правильные выводы, оставив только уже привычную, постоянную, как неизбежный холодный рассвет, боль.

Вчера они встретились с Карелией в кафе. Болтали обо всем, смеялись, как говорится: ничего не предвещало...

И вдруг Кара стала серьезной, задумалась, посмотрела куда-то вдаль и, переведя взгляд на Юльку, сказала:

- Ты живешь в странном мире. В мире, в котором не разрешаешь быть прошлому, не допускаешь будущее и в котором нет настоящего. Такое случается с людьми, когда они переживают трагедию, что-то вроде анестезии, но это состояние длится несколько недель, ну, может, пару месяцев. А ты зависла в нем надолго. Хватит, Юль, жить не живя, надо двигаться вперед!

- Как?

- Как угодно – правильно, неправильно, но вперед! У тебя такое яркое, жизнерадостное творчество, значит, в тебе есть внутренние резервы, силы, чтобы радоваться. Так реализуй их в жизни, а не только в своих проектах и картинах!

- Я попробую, – ответила, лишь бы уйти от неприятной темы, Юлька.

- Нет! Ты не пробуй – а возьми и сделай! Прямо сейчас! Сядь в тишине, подумай, проанализируй, что мешает тебе идти вперед. Изложи, в конце концов, на бумаге! Напиши историю своей любви, честно, без оправданий, обвинений и желания приукрасить! Напиши, прочти и сожги к чертовой матери! Если не поможет – повтори, еще раз, еще!

- Хорошо! - на этот раз пообещала Юлька.

Карелия всегда права. Она была настолько мудрой, что Юльке казалось порой, что подруга ясновидящая или экстрасенсша какая-нибудь, на худой конец, добрая колдунья. Ну в самом деле, нельзя же быть такой красивой и мудрой!

Юлька обладала чертой характера, которая страшно мешала и часто осложняла ей жизнь: если она что-то обещала, то обязательно делала это, хоть трава не расти!

Тяжело вздыхая от необходимости исполнения данного обещания, она промаялась целое утро, слоняясь из комнаты в комнату, оттягивая неизбежность исполнения. Занимаясь тем же оттягиванием, села за рабочий стол, долго и тщательно наводила порядок на нем, разложив эскизы и наброски в аккуратные стопочки, сдула несуществующую пыль с поверхности и, еще раз тяжело вздохнув, взяла лист бумаги.

Девственно-белый лист лежал перед ней в ожидании, пугая своей притягательностью, словно поторапливал: «Ну, давай, напиши что-нибудь!»

«А что?» - спросила себя она.

Юлька взяла ручку, посмотрела, задумавшись, в окно и решительно ринулась в эпистолярное излияние души, решив писать не раздумывая, а что придет в голову. С лету!

«Каждому человеку кажется, что его страдания, его боль, его любовь самые сильные, самые болезненные и никто другой и представить себе не может всей глубины переживаемого им. И от этого мы в своих страданиях ужасно и безнадежно одиноки.

Что мучает меня, что не дает жить и дышать во всю силу?

Обида? Непонимание? Или нежелание принять и смириться с той действительностью, которая сложилась совсем не так, как я себе придумала?

Любовь? Что от нее осталось, от моей любви?

Любовь обрастает мечтами, желаниями и надеждами, которые расцвечивают ее в самые невероятные краски, делая глубже, прекрасней, ярче! У меня были чудесные мечты!

Господи! Какие же красивые мечты были у меня!!! Но они улетели разноцветными воздушными шариками в голубое ясное небо, постепенно уменьшаясь в размерах и растаяв навсегда.

А семь месяцев назад ушла, безнадежно махнув рукой, надежда.

Что осталось у меня?

Только любовь...

Безнадежная, неосуществимая и от этого голая, безусловная. Без всяких условий.

Просто любовь...»

Юлька бросила ручку в раздражении.

- Не могу!

Она сложила ладони на столе, уперлась в них подбородком и посмотрела в окно на летящий снег.

Когда Юлька увидела его первый раз, было лето.

Замечательное, жаркое, бесшабашное дачное лето. Июль. Юльке исполнилось десять лет.

Каждый год родители снимали дачу в подмосковном поселке у одних и тех же людей. Большой дом был разделен на две половины – хозяйскую и ту, что сдавали дачникам, в последнюю которую входили четыре комнаты: две на первом этаже, две на втором, отдельная кухня и длинная открытая веранда. А еще они могли пользоваться всем огромным участком вокруг дома. Юлька обожала лето, эту дачу, поселок, своих дачных друзей, маму, папу, их друзей, хозяев дачи и их собаку с прозаическим именем Жулька! Все-все-все, что связано с дачным летом, Юлька обожала!

В мае она начинала по сто раз в неделю спрашивать родителей, не забыли ли они договориться с Ярцевыми о даче. После майских праздников все ее друзья по даче начинали активно перезваниваться, договариваться о встречах и важных летних планах. Дней за десять до отъезда Юлька начинала собираться, и к моменту, когда все необходимые вещи стояли в коридоре и папа давал команду: «Все! Выезжаем!», она уже торчала у дверей и переминалась в нетерпении с ноги на ногу, как резвый молодой конек.

Самым страшным наказанием для девочки было обещание родителей отправить ее на юг, к морю!

Когда ей было восемь лет, родители решили оздоровить дочурку и повезли в Крым, в пионерский лагерь. Юлькины слезы и мольбы не смогли повлиять на их решение. Какой-то знакомый врач настоятельно порекомендовал родителям такой летний отдых для дитя, напугав попутно всяческими ужасами о московской экологии. В те времена это понятие было не в ходу и мало кто обращал на это внимание, но врач, что б ему пусто было, попался «продвинутый», впрочем, как и Юлькины родители.

У папы сердце обрывалось, когда Юлька стенала и упрашивала не отправлять ее в этот лагерь.

- Папочка! Ну, пожалуйста! – рыдала Юлька. – Не хочу я это море, я на дачу хочу!

- Марина! – не выдерживал папа, обнимая дочку и вытирая ей слезы. – Может, черт с ним, с лагерем? Смотри, как ребенок убивается!

- Игорь! – стояла на своем мама, напуганная страшилками о том, чем дышит ее ребенок в течение года. – Так нельзя! Позагорает, поплавает, иммунитет укрепит!

Она забирала дочь из рук мужа, прижимала к себе и уговаривала:

- Юлечка! Тебе понравится. Ты ведь никогда на море не была, а там очень красиво. И ребят много, познакомишься, подружишься!

- Не хочу! – плакала Юлька. – У меня друзья на даче есть, они меня ждут!

С приближением дня отъезда сцены рыданий и уговоров повторялись с большей частотой и насыщенностью Юлькиными рыданиями, уговорами, обещаниями, ультиматумами, ну, по полной программе. Папа готов был сдаться, видя дочкино трагичное лицо, но мама оставалась

непреклонна. Она сама повезла Юльку на юг, чтобы сдать с рук на руки и посмотреть лагерь, в который отправляли любимое чадо.

Не сумев разжалобить родителей и добиться своего, чадо поступило другим образом. На второй день пребывания в замечательном лагере (а кто спорит: замечательный, с огромным парком, пляжем, питанием, ну и всем остальным) Юлька заболела. Ее положили в изолятор с температурой сорок градусов. Перепуганная мама металась по врачам, пытаясь выяснить, что за болезнь приключилась с дочерью. Те пожимали плечами – а бог его знает? На простуду не похоже, в море дети еще не купались, может, такая реакция на солнце?

Мама быстро собрала девочку, и в тот же день на самолете они вернулись домой в Москву, где странным образом непонятная болезнь мгновенно исчезла. И уже на следующее утро Юлька оглашала дачные окрестности здоровым криком молодого павиана.

Родители, стоя на веранде дома, наблюдая встречу дочери с друзьями, сопровождаемую криками неподдельной радости воссоединения, обсудили ситуацию.

- Дурацкая была идея! – сказала мама.

- Да, – согласился папа – И врач этот тоже дурацкий! И мы с тобой хороши! Ну что переполошились? Оздоровливается она и здесь, без всякого моря и крымского солнца!

- Нет, ну какова! – восхитилась мама. – Не мытьем, так катаньем! И ведь умудрилась заболеть до температуры! А?

- А ты думала, – рассмеялся папа. – Она же рыжая, вся в прабабку, а та всегда добивалась чего хотела!

- Нет, ты посмотри, куда вся болезнь девалась! Орет, как будто только с пальмы слезла! – и мама звонко рассмеялась. – А все-таки Юлька у нас молодец! Ну, действительно, на черта ей это море сдалось, если она здесь целый день на воздухе, мы ее с трудом есть и спать загоняем; и речка, и лес, и друзья тут, и дела у них свои всякие «важные».

С тех пор, если Юлька умудрялась схватить пару в школе, или прогулять уроки, или натворить что-нибудь, то последним предупреждением и самым страшным из возможных наказаний было обещание родителей отправить ее летом к морю вместо дачи. И эта совсем уж крайняя мера устрашения способна была приструнить ее надолго.

Было лето. Июль. Стояла жара.

Юльку загнали домой обедать, и она все торопила родителей, расслабленных и несуетных в выходной на даче.

- Ну, давайте скорее! Меня же все ждут! – просила девочка, помогая родителям накрывать стол на веранде.

Она как угорелая моталась из кухни на веранду, кидая на стол вилки-ложки, хлебницу, салфетки.

- Юля, не торопись, все равно, пока спокойно не поешь, никуда не пойдешь. Ты же знаешь! – говорила мама.

- Ладно, – вздыхала Юлька.

Конечно, речка, велики, друзья никуда без нее не денутся, но уж очень эти обеды и ужины мешали грандиозным планам компании, всегда почему-то оказываясь не вовремя.

Юлька торопливо ела, умудряясь при этом рассказывать о проделках, которые они устраивали. Мама с папой смеялись, забыв отчитать дочь за рискованные приключения, солнце шпарило, из радио, висевшего в кухне, доносилась какая-то песня, и в это время...

Юлька, сидевшая за столом лицом к ступенькам, ведущим на веранду, увидела Его и замерла, не донеся ложку с супом до рта, который так и остался открытым.

Он поднимался по трем скрипучим деревянным ступенькам и был похож на древнегреческого бога! Юлька как раз сейчас штудировала книгу «Легенды и мифы Древней Греции» и совершенно точно знала, как выглядят эти боги!

Капли срывались с замершей на полдороге ко рту ложки и падали в тарелку с супом, обдавая футболку мелкими брызгами.

Время для Юльки остановилось! И куда-то исчезли все звуки. И весь мир куда-то тоже делся.

Она смотрела, широко раскрыв глаза, на самого красивого на свете мужчину!

Вообще-то он был обыкновенным, ну не совсем уж обыкновенным, скорее, очень интересным мужчиной, но тогда он казался ей невероятным, сказочным красавцем!

Что там принц! Принцы это так, ерунда – сыновья королей, которые неизвестно когда сами станут королями, особенно если папаши в добром здравии! Да и хлипкие они, ходят в штанах в обтяжку и в коротеньких (ободранных, что ли?) плащиках на плечах. Юлька сама видела, когда родители водили ее на балет, да и в книгах все эти принцы изображены тоненькими, худенькими. Нет, это не то!

Вот невесть откуда взявшийся незнакомец... Это да! Высокий, большой, даже солнце загородил!

- Здравствуйте! – улыбнулся «бог».

И время потекло дальше, и звуки вернулись: из радио опять доносилась песня, капли, срываясь с ложки, громко шлепались в суп, из-за забора Серега кричал:

- Юлька, давай быстрее!

- О, Илья! – обрадовался папа, вставая со стула.

Он пожал «богу» руку, приобнял его и похлопал по спине.

- Молодец, что приехал!

- Здравствуй, Ильюша! – улыбнулась мама. – Садись скорее за стол.

Юлька переводила взгляд с одного взрослого на другого. Как это родители с ним так запросто? Он же бог!

- Дочка, доедай! – сказала мама.

- Здравствуйте, Юля – поздоровался с ней (с ней!) «житель Олимпа». – Наконец я с вами

познакомлюсь. Ваш папа про вас много рассказывал.

- Что? - пропищала потрясенная Юлька.

- Да разное! - рассмеялся он.

Мама усадила гостя за стол возле Юльки, поставила перед ним прибор и налила ему суп в тарелку.

- Меня зовут Илья, - представился «небожитель».

- Вы похожи на греческого бога! - выпалила Юлька и уронила ложку в суп, на этот раз вызвав фонтан брызг.

- А что, действительно! - согласился, смеясь, папа. - Кудри, нос с небольшой горбинкой, синие глаза. Похож!

- Юля сейчас изучает Древнюю Грецию, - пояснила мама. - И всех и все сравнивает с ней. Давай, красавица, неси тряпку и вытри со стола последствия своего знакомства с богами.

Юлька быстро-быстро сбегала в кухню, схватила тряпку, вытерла стол, бросила тряпку куда-то в угол, уселась на место и восхищенно уставилась на гостя.

- Должен вас разочаровать, Юлечка: я не бог и даже не грек. Увы! - улыбнулся он ей невероятной красоты улыбкой, подогревая воображение девочки до предела.

- А почему тогда вы говорите мне «вы»? - спросила Юлька, отказываясь расставаться со своей убежденностью.

- Так проявляют уважение к малознакомым людям и старшим по возрасту или должности, - пояснил папа. - Илья человек воспитанный. И насколько я помню, мы с мамой старались и тебе привить хорошие манеры.

- А! - вспомнила Юлька о том, что ей пытались «привить» родители. - Мне надо спросить о погоде? - уточнила она. - Как погода в Греции?

Он рассмеялся.

- Юлечка, вот честное слово, я не грек и уж тем более не один из их богов! Я самый что ни на есть настоящий русский. Кстати, древние греки были блондинами в основном, я для них темноват, а вот вы подходите - рыжие там часто встречались, особенно среди богинь.

- Слава богу, она не изучает Средневековье! - заметила мама. - А то бы потребовала, чтоб ты надел латы и продемонстрировал меч. Дочка, ты, кажется, спешила?

- А? - отвлеклась от созерцания Ильи Юлька. - Ничего, я не тороплюсь!

- Да? - не поверила мама. - А мне показалось, что тебя ждут.

Юлька, вспомнив о своих важных делах с друзьями, подскочила и тут же плюхнулась назад. Она разрывалась между желанием бежать доигрывать и страхом, что, как только она уйдет, этот уже не бог, как выяснилось, исчезнет.

- Так! - распорядился папа. - Давай, ешь второе и можешь идти гулять.

- А вы не уедете? – спросила она у Ильи.
- Нет, – ответил за него папа. – Илья приехал отдохнуть, и нам надо с ним поработать.
- А вы кто? – допытывалась Юлька.
- Я ученик вашего папы, мы вместе работаем, он мой научный руководитель.
- А! – кивнула головой Юлька.

Доспехи бога стремительно тускнели, делая гостя ближе и реальней.

- Вы его аспирант?
- Не совсем, я его сотрудник.

Папа отвлек Илью от разговора с Юлькой, и они стали обсуждать какую-то только им понятную тему. А девочка, неотрывно глядя на гостя, быстро справилась со вторым блюдом.

- Юля! Да что с тобой? – спросила мама.
- Mam, он очень красивый, правда?
- Кто? Илья? – уточнила мама.
- Ну да!
- Похоже, Илья поразил твое воображение, – улыбнулась мама.
- Поела? – поинтересовался папа. – Все, иди, тебя друзья ждут!

Юлька подскочила, скороговоркой поблагодарила за обед и ринулась вниз по ступенькам с веранды, но остановилась уточнить тревожащие детали.

- Вы когда уезжаете?
- Илья останется с ночевкой, – ответил вместо него папа и обратился к гостю: – Баньку затопим, посидим, поговорим. Мне очень понравилась твоя идея, надо обсудить.
- Хорошо! – обрадовалась Юлька. – Ну и, если вы все-таки не бог, давайте на «ты»!
- Согласен! – рассмеялся Илья.

Юлька умотала, но каждый час забегала под разными предлогами: воды попить, переодеться, взять велик, оставить его, на самом же деле проверяя, не делся ли куда Илья. В выдвигаемую им теорию о своем якобы простецком русском происхождении слабо верилось – ну как может этот красавец оказаться кем-то простым!

После целого дня активных игр и занятий Юлька обычно спала как убитая, даже не ворочалась во сне, вырубаясь на лету, не успев донести голову до подушки. Но сегодня она никак не могла уснуть – ну вот никак! Ворочалась, вздыхала, ужасно беспокоясь, что подозреваемый на роль бога все же исчез. Да, сейчас! Будет она переживать бездейственно! Юлька достала фонарик из-под подушки, где хранились всякие «важные» мелочи: большой ржавый гвоздь, красивый камешек, записка от Вовки, который ей нравился до сегодняшней исторической встречи с

божественным Ильей, следующего содержания: «Юлька выходи мы тебя ждем», сломанные наручные часы и много еще разного.

Включив фонарик, она отправилась в гостиную, где на диване устроили на ночь Илью. Решительно подойдя к спящему, Юлька посветила ему в лицо. Надо же убедиться, что гость на месте!

Он проснулся, заслонил рукой лицо от луча света и спросил:

- Юль, это ты? Что случилось?

- Ничего, я хотела проверить, не испарился ли ты! - ответила она.

Илья рассмеялся, сел и похлопал по дивану рукой, приглашая ее сесть рядом.

- Садись.

Юлька проворно забралась на диван.

- Мы ведь уже выяснили, что я не древнегреческий бог, а вполне живой и реальный русский.

- Я так, на всякий случай - объяснила Юлька.

Он погладил ее по волосам и спросил:

- Откуда у тебя такие красивые рыжие кудри?

- Говорят, от прабабушки, папиной бабушки. Я ее видела только на фотографии, но она не цветная, и какие у прабабушки там волосы, непонятно. А почему ты раньше не приходил? Папины аспиранты у нас часто бывают, а тебя я ни разу не видела.

- Так сложилось. Вы далеко живете, а я рядом с институтом, где мы работаем. Поэтому, если мы засиживаемся там допоздна, то идем ко мне домой.

- А ты один живешь?

- Нет, с родителями. Ну, Рыжик, давай спать. Обещаю, что утром все еще буду здесь.

Он помог ей слезть с дивана, чмокнул в макушку. Развернул к выходу и легонько подтолкнул.

- Иди. Спокойной ночи.

- Угу, - пробормотала Юлька и поплелась к себе в комнату.

Как только она удостоверилась в наличии объекта на месте, на нее навалилась непреодолимая сонливость.

Юлька была рыжей. Огненно-рыжая, непослушная, вся в кудряшках копна волос, с которой могла справиться только мама, заплетая ее в косички, ужасно раздражала Юльку и доставляла массу хлопот.

- Мамочка, - просила Юлька, терпя пытку косичками. - Давай пострижем эти волосы коротко-коротко!

- Тогда ты вся будешь в мелкую кудряшку. Ты этого хочешь?
- Не очень, - вздохнула Юлька. - Но и терпеть это мне надоело!
- Юлька, да за такие волосы большинство женщин душу бы продали, а тебе они достались даром!
- Зачем душу, я и так отдам с удовольствием!
- Вот вырастешь, станешь девушкой, тогда и оценишь, какое богатство имеешь! - успокаивала мама.

Юлька родилась с ярким, морковного цвета чубчиком. Папа таял от умиления и любви, когда ему вручили пищащий сверток первый раз.

- Марина! Надо назвать ее Лилией! - вздыхал от счастья папа, рассматривая дочь. - Она такая беленькая, нежная, и волосики рыжие, прямо рыжая лилия!
- Да какая лилия?! - смеялась мама. - У нее уже сейчас характер, как у «предводителя краснокожих», а ты - лилия!

Папа не желал слушать никакой критики в адрес дочурки, его «нежного цветочка». Родители, а с ними и бабушки с дедушками, долго спорили, как назвать чадо. Папа упорно стоял на своем, аргументируя «Лилию» нежностью и прелестью ребенка.

- Она же просто принцесса! - ворковал он, не выпуская дочку из рук.

Остальные высказались категорически против такого имени и любых других цветочно-розовых вариантов.

- Хорошо! Тогда давайте назовем Юлией, как бабушку, раз она так на нее похожа! - сделал уступку папа.
- Да господь с тобой, Игорь! - всплеснула руками папина мама. - Ты что, бабушку не помнишь? У нее был такой взрывной характер! А уж сколько крови она попортила мужчинам!
- Вот и хорошо! Значит, девочка сможет за себя постоять! - обрадовался будущей перспективе папа. - Но моя дочь такой не станет! Она нежная, тихая, настоящая принцесса! Правда, Юлечка?
- Агу! - ответил ребенок.
- Вот видите! Она отзывается на Юлю! - просиял родитель.

Мама выразительно подняла глаза к потолку, стараясь не рассмеяться.

Очень скоро папа понял, как ошибался в оценке характера «нежного цветочка»!

Юлька росла энергичным, шустрым, не в меру любопытным ребенком с бойцовским, упертым и целеустремленным характером. В восемь месяцев она начала ходить, перед этим ползая так быстро, что родители частенько за ней не поспевали. Девочка лезла везде, познавая мир в кратчайшие сроки, умудряясь с молниеносной скоростью доставать, рвать, ломать, пробовать на зуб все, что попадалось ей на пути, пользуясь любой малейшей расслабленностью

родителей, не уследивших за дитятей. Папа хватался за голову, когда, собираясь на работу, обнаруживал расшнурованными свои туфли (любимое Юлькино занятие – расшнуровывать все, что имело шнурки и попадалось ей под руку). Самое страшное испытание для опаздывающего на работу отца заключалось в том, что найти сами шнурки было невозможно, куда она их девала, оставалось загадкой.

Вершина постижения Юлькой мира, можно сказать, научного мира, а заодно и степени терпения отца случилась в полуторагодовалом возрасте. Девочка мгновенно забралась на письменный стол с помощью стула, стоявшего между ним и диваном, на котором она мирно играла, пока папа не отвлекся буквально на пару минут. Этого времени ей вполне хватило, чтобы залезть на стол, обследовать бумаги, лежавшие на нем, и... сделать свои детские «важные» дела на доклад для научной конференции.

Папа стонал и опять хватался за голову, а мама смеялась, убирая следы «катастрофы».

- Игорь, может, ребенок дал свою оценку твоему докладу? Наверное, тебе следует над ним еще поработать.

В общем, ребенок рос и развивался, доставляя родителям море радости и вынуждая их поддерживать спортивную форму с помощью бега по пересеченной квартирной местности в не всегда удачных попытках вовремя поймать дитя.

В то лето Илья появлялся у них на даче очень часто, каждые выходные, а иногда и среди недели. У них с папой была какая-то важная работа, впрочем, сколько Юлька помнила, у папы всегда была важная работа.

Юлька любила Илью самозабвенно, со всей страстностью своей рыжей натуры. Родители, будучи людьми мудрыми, не позволяли себе подшучивать над данным обстоятельством, понимая, что само пройдет, и стараясь не нанести ребенку душевную травму. Дачные Юлькины преданные друзья принимали данный факт, собственно, попробовали бы не принять – рулила парадом в их компании Юлька (а кто же еще?). Тот, кто попытался бы зло шутить, вполне мог остаться и без зуба или приобрести «бланш», навеки потеряв Юлькину дружбу.

Юлька бегала встречать свой объект повышенного обожания к электричке, когда знала, что он должен приехать, прихватив, конечно же, всю компанию, доводя людей на платформе криками и проделками до предынфарктного состояния. Продавщицы мороженого и пирожков, а с ними и бабульки, торговавшие огородными дарами, спешно закрывали торговлю, завидев Юльку с друзьями, и небезосновательно – от греха подальше. Словом, приезд Ильи Адорина по степени шума и народного ликования неизменно был обставлен не хуже, чем градоначальника какого.

Этой же компанией, но уже с Илей они ходили на речку, в лес, загорали, играли в волейбол. Юлька слушала их непонятные разговоры с отцом – наука, наука и, как водится, еще раз наука! Но она слушала, только бы посидеть рядом!

Потом, спустя годы, став взрослой, вспоминая то лето, Юлька поняла и оценила, насколько правильно и тактично вел себя Илья. Он не делал вид, что не замечает обожания девочки, не шутил, не говорил всякие глупости по этому поводу, а главное – не смущался! И всегда повторял, что его самолюбию очень льстит, что такая очаровательная девочка одарила его своим вниманием, умело переводил все их разговоры в игру, в шутки или начинал рассказывать захватывающие, удивительные истории, легенды, которые Юлька и ее друзья могли слушать часами! Он был молодец! Но Юлька поняла это уже потом, а тогда она любила не столько его, сколько само состояние любви, ведь все маленькие девочки когда-то бывают в

кого-то влюблены!

Однажды, проявляя свое безудержное чувство, она чуть не угробила родного отца.

Юлька знала, что в этот день должен приехать Илья, но во сколько именно появится божественный, было неизвестно. Папа сказал:

- Приедет, обещал, в течение дня, точного времени не знаю.

Чтобы не пропустить тот счастливый момент, Юлька устроила игры с друзьями в непосредственной близости от своей калитки. И все-таки она его прозевала!

Ребята всей компанией понеслись на соседнюю улицу, лишь на несколько минут, посмотреть, как тетя Зина, местная жительница поселка, ловит в огороде свою сбежавшую козу. Насмеявшись над уморительными проделками животного, которое умудрилось скакать по огороду, не забывая при этом то петрушки отщипнуть, то кусок капусты с грядок под громкие крики хозяйки, ругавшей безобразницу на все лады, друзья вернулись к Юлькиному дому. И тут Юлька увидела, что калитка широко открыта, Илья с мамой сидят на ступеньках веранды и о чем-то разговаривают.

Юлька рванула к любимому, не заметив отца, который, оседлав каменный столбик (к таким столбикам крепились створки ворот), приделывал какое-то приспособление. Да что там отца - она вообще вокруг никого не видела, кроме Ильи: ни мамы, ни отца, ни сидевшей на ее пути Жульки, которая выбрала папу хозяином и, когда тот появлялся на улице, не отходила от него дальше, чем на два метра. В данный момент преданная псинка сидела возле ворот, задрав морду, и не сводила глаз с папы, от счастья виляя хвостом.

- Илья!!! - заорала Юлька.

От неожиданности папа вздрогнул, потерял равновесие, попытался схватиться руками за опору, но руки у него были заняты инструментами, и с криком «О, черт!» Игорь Дмитриевич рухнул на землю. А Жулька с перепугу завалилась на бок, истошно заверещав.

- Парит наш орел, - сказала Юлька, удивившись упавшему с неба к ее ногам непонятно откуда взявшемуся отцу.

Она сделала пару робких шажочков к нему, наклонилась и спросила:

- Пап, ты жив?

- Не знаю, - простонал он, вставая на четвереньки.

Удостоверившись, что отец живой, Юлька аккуратно обошла его по дуге и понеслась дальше к Илье, а мама кинулась к упавшему мужу.

Встретились они на полдороге. Юлька, не сводившая взгляда с Ильи, обнаружила препятствие в виде мамы, только когда столкнулась с ней. Мама, сбитая с ног рыжей торпедой, приземлилась на грядку с петрушкой.

- Ой! - пискнула Юлька и побежала дальше, не останавливаясь.

И, наконец добравшись до конечного пункта, кинулась гостью на шею.

- Привет, Илья!

- Может, нам ее в хор отдать? - спросил папа, вставая и потирая ушибленный бок.

- В церковный! - поддержала мама, вылезая из грядки. - Голосище, как у попа!

Игорь Дмитриевич Расков, Юлькин папа, был доктором наук, преподавал студентам и занимался научной работой в другом институте, академическом. Юлька знала из разговоров взрослых, что папа очень талантливый ученый. Илью те же взрослые тоже называли талантливым и подающим большие-пребольшие надежды. Он являлся кандидатом наук и занимался научной работой вместе с папой, под его руководством, еще с тех времен, когда был студентом.

И так сложилось, что друзья родителей, собиравшиеся у них на даче почти каждые выходные, а иногда и в будни, в большинстве своем оказались учеными. Они часто и помногу спорили и говорили о вещах, совершенно непонятных Юльке. Сидя за столом часами, иногда так увлекались, что, доказывая правильность некоторых мыслей, писали что-то на салфетках, порой изводя целые пачки за один разговор.

Юлькиной энергии и неумного воображения хватало и на то, чтобы отвлечь от научных дебатов и втянуть в свои игры и замыслы академических мужей и дам. То она придумала театральную постановку сказки «Двенадцать месяцев», а так как ролей было много, девочка задействовала и друзей родителей помимо собственной компании. Ученые мужи бросали свои научные споры и с удовольствием вырезали, клеили и мастерили костюмы и декорации. С не меньшим энтузиазмом учили текст и репетировали, порой так увлекаясь, что забывали об основных участниках представления - детях. После триумфального показа постановки последовали другие спектакли: «Золушка», «Белоснежка и семь гномов», где, кстати, одного из гномов играл академик. Между прочим, роль ему удалась.

Взрослым до такой степени это понравилось, что они и сами стали придумывать какие-то постановки, пародии - все то, что в театральной среде называется «капустник».

Но всегда, всегда на роли главных героев Юлька назначала Илью, а сама, соответственно, играла главных героинь. А какие еще могли быть варианты?

Костюмы и декорации Юлька придумывала сама.

Когда ей было года три, она разрисовала все доступные ей места на стенах квартиры. Папа с мамой пришли с работы и, зайдя в свою спальню, остановились, впад в небольшой шок - стены комнаты в Юлькин (тогда еще, слава богу, маленький) рост были раскрашены зеленой акварельной краской, изображавшей траву.

- Мам! - закричал папа. - Что это такое?

С Юлькой тогда сидела бабушка, потому что родители работали: папа в двух своих институтах, а мама в его же институте преподавала студентам английский.

- Что? - пришла бабушка на зов сына с Юлькой на руках, такой же зеленой, как и трава на стенах.

- Вот это что? - показал папа на стены, а посмотрев на счастливо улыбающуюся дочь, указал и на нее. - И это?

- Юлечка нарисовала траву. Правда, здорово получилось?
- А ты куда смотрела, когда она рисовала? - спросил папа.
- Как куда? Я ей помогала. Одна она бы с таким объемом работы не справилась, - гордо ответила бабушка.
- А что, мне нравится! - вступилась мама. - Живенько так, как в поле.
- Как в дурдоме! - проворчал папа. - Все зеленое, и Юлька тоже!
- У ребенка явный талант! - восхищалась бабушка. - Ей надо обязательно заниматься рисованием!
- А можно не на обоях? - взмолился папа.
- У нее масштабное видение! - рассмеялась бабушка.

Мама с папой смирились - да пусть рисует, где хочет, может, действительно талант. Так Юлька, получив полную свободу и, что самое важное, перестав посягать на папины бумаги как на предмет, где можно рисовать, стала размалевывать стены квартиры.

Родители от этого безобразия только вздыхали, но терпели. На ремонт у них не хватало ни сил, ни времени, но надо было как-то ликвидировать ее художества. Папа придумал гениально простое решение, и через год после «первой травы» в спальне, когда стены закончились и дитя стало поглядывать на его рабочий стол в поисках бумаги, он обклеил все стены снизу белым ватманом - рисуй, ребенок!

И малышка рисовала. Много и с удовольствием.

Когда Юлька стала постарше, ее отдали в художественную школу, и родители, вздохнув с облегчением, все-таки сделали ремонт.

Поэтому никого не удивило, когда она смастерила из старых выцветших штор сказочно красивый театральный занавес, разрисовала костюмы и придумала декорации. Юлька была инициатором, постановщиком и главным художником всех дачных спектаклей, а впрочем, во многом и самой их дачной жизни.

Так замечательно и от этого несправедливо, невероятно быстро пролетело то лето, когда ей было десять лет и она первый раз встретила с Ильей.

ИЛЬЯ

Илье Андреевичу Адорину было в то лето двадцать пять лет.

Он увлекся и начал заниматься наукой еще в школе. Ему было до такой степени интересно, что он зачитывался толстенными научными книгами как художественной литературой. Влежку поступив в институт, как нынче говорят подростки - не парясь, он учился с постоянным ощущением радости. И уже на втором курсе он занялся научной работой под руководством Игоря Дмитриевича, тогда еще кандидата наук. А дальше по обычным накатанным рельсам - на четвертом курсе Расков выбил ему ставку лаборанта, чтобы тот мог немного подработать, на пятом Илья сдал два экзамена на кандидатский минимум. Блестяще защитил диплом и на его основе написал кандидатскую, через год сдал профилирующий экзамен, а потом и защитился.

Нельзя сказать, что Илья любил дело, которым занимался, – такая постная формулировка не может передать всех тех чувств, ощущений, которые он испытывал, работая.

Он жил этим, дышал, состоял из этого, всегда держа в голове формулы, алгоритмы, а находя верное решение, испытывал такие невероятные по накалу чувства, которые не с чем даже сравнить.

Сто раз прав был Бернард Шоу, когда сказал: «Интеллект – это страсть, и Декарт получал больше удовлетворения и удовольствия, чем Казанова!»

Да, да! Именно так! Это страсть, предощущение победы, когда чувствуешь: вот сейчас, вот где-то близко, вот так правильно – и получаешь, делаешь! И все звенит внутри, ликует, и сил в тебе, как в десятерых, и хочется прыгать до потолка, и приходит невероятное, искрящееся состояние полного счастья!

И снова поиск, трудный, мучительный, интересный.

Это была его жизнь. И он так ее любил, что ни за какое сокровище в мире не согласился бы променять на что-то еще!

То лето, когда Илья первый раз приехал на дачу к Расковым, было особенно замечательным. Они с Игорем Дмитриевичем бились над одной ну никак не поддающейся проблемой и вдруг, всего за неделю, кардинально поменяв подход и описание, расщелкали ее! Это было так здорово и неожиданно!

Илья чувствовал себя победителем, героем, абсолютным чемпионом! И влюбленность в него бесшабашной, искренней, непосредственной Юльки словно явилась ознаменованием этой победы.

С женой Игоря Дмитриевича, Мариной, Илья был знаком давно, она преподавала в их институте английский и знала Адорина со второго курса, когда тот начал работать с ее мужем, а вот их дочь Юльку он увидел впервые, но слышал о ней и ее проделках от нежных родителей ой как много.

Разумеется, она оказалась необыкновенной девочкой. Ярко-рыжие волосы, закручивающиеся в кучеряшки, голубые восторженные глаза, худенькие ручки-ножки и белая, как алебастр, кожа, на удивление, без единой веснушки. Внешне вроде самая обыкновенная, необыкновенной ее делали цвет волос, глаза и именно этот оттенок кожи, а еще ум, чувство юмора, неиссякаемая энергия и явные задатки таланта художника.

Она так искренне, открыто и безапелляционно была в него влюблена, как только может быть влюблена маленькая девочка, что сначала Илья даже перепугался, но Марина с Игорем его успокоили:

– Да пройдет! Это у девочки подростковый возраст начинается, ей непременно надо в кого-то влюбиться, и обязательно во взрослого. Юлька у нас эмоциональная – сегодня любит, завтра нет.

Он старался вести себя как можно тактичнее, чтобы не обидеть ненароком, не задеть ее чувств. Но усмехался и качал головой, когда ловил себя на том, что скучает по этому Рыжику и торопится к Расковым, чтобы услышать встречающее его неизменно восторженное: «Илья приехал!» И подхватить с разбегу на руки, покружить, чмокнуть в рыжую макушку. Юлька любила его неподдельно и совершенно безусловно. Он впитывал в себя это, понимая, что вряд

ли какая-либо женщина будет его так любить: чисто и по-детски честно.

Илья с удовольствием, впрочем, как и все взрослые, принимал участие во всех ее задумках и проектах. Рисовал, делал костюмы, наносил «черновую» краску на декорации, оставляя основные штрихи творцу. С Юлькой и ее дачными друзьями ходил в лес, на речку, где плавал наперегонки, нырял вместе с ними со старой ивы в воду, играл в волейбол, гонялся за непослушной соседской козой, умудрявшейся непонятно каким образом выдернуть колышек, вбитый в землю, к которому была привязана.

А вечерами они часто сидели на ступеньках веранды, и Илья рассказывал им о Египте и Риме, о Дании и Норвегии, о фараонах и римских императорах, о викингах и Наполеоне.

И такое это было прекрасное лето!

Следующее лето начиналось так же замечательно и радостно, но оказалось омрачено его приездом с девушкой. После этого все стало как-то не так.

Игорь Дмитриевич в пятницу вечером, по обыкновению, пригласил его.

- Ну что, Илья, давай рванем к нам на все выходные. А в понедельник вместе поедem в институт. Хозяин обещал баньку к вечеру затопить, напаримся, а завтра шашлык организуем.

- Было бы здорово! Но, увы, я в выходные встречаюсь с девушкой.

- Так бери ее с собой! Еще лучше, отдохнете на природе, у нас теперь летняя пристройка есть, хозяйева специально сделали для наших многочисленных гостей.

- А Юлька как же? - осторожно спросил Илья.

- А что Юлька? По-моему, ей самое время понять, что ты взрослый мужчина и в ухажеры ей не подходишь. Пора ей найти другой предмет для обожания. Может, она тебя уже разлюбила, вы за зиму всего три раза виделись.

Но Игорь Дмитриевич ошибался, опять недооценив характер дочери.

ЮЛЯ

Юлька ждала это лето особенно нетерпеливо, как никогда.

Ну еще бы!

Ведь летом обязательно, обязательно приедет Илья к ним на дачу! И повторится все, как в прошлом году: речка, спектакли, походы в лес, а вечерами они будут сидеть на веранде, и он будет рассказывать что-нибудь, а она будет держать его за руку! И счастье устроится в ее сердечке теплым котенком.

Он приехал, только не в первые выходные июня, а в следующие. С диким криком африканского туземца: «Илья приехал!» Юлька понеслась к калитке, в которую он входил.

Она уже часа полтора не уходила от дома, дожидаясь их с папой приезда. Юлька кинулась Илье на шею, обвила его, как обезьянка, руками и ногами, он рассмеялся, покружил ее, поцеловал в макушку.

- Привет, Рыжик! Как я рад тебя видеть! Ты стала еще красивей! - сказал он и поставил ее на землю.

- Идем, идем скорее! - торопила Юлька, ухватив Илью за руку. - Мама давно стол накрыла, а вас все нет!

- Подожди, Юль, я не один.

Он сделал шаг в сторону, пропуская вперед незнакомую девушку и Игоря Дмитриевича.

- Может, с отцом поздороваться? - спросил папа.

- Привет, па! - быстро ответила Юлька и чмокнула отца в щеку.

- Познакомься, Юля, это Инга, - представил девушку Илья.

- Здравствуйте, - улыбнулась та.

Симпатичная, стройная блондинка лет двадцати, Юльке она категорически не понравилась. Совсем и сразу.

- Вы сестра Ильи? - ехидно спросила Юлька, тряхнув рыжими кудряшками, выбившимися из хвоста.

- Нет, - удивилась девушка.

- Давайте за стол! - позвала с веранды мама. - Вы и так опоздали.

Она наблюдала встречу дочери с Ильей и его спутницей и поспешила вмешаться, на всякий случай. Даже не на всякий, а на данный конкретный - уж зная-то свою дочь!

За столом папа с Ильей, наверное, первый раз не говорили о работе, стараясь сгладить напряженную атмосферу, которую создала Юлька.

Она молчала с того момента, как ей представили девушку, старательно и подчеркнuto изображая хорошие манеры: пользовалась вилкой и ножом, вытирала поджатые губки салфеткой, тщательно пережевывала еду, придерживаясь имиджа пай-девочки. Родители, наблюдая сей спектакль, тревожно переглядывались, понимая, что это не к добру.

- Юля, - предприняла попытку остановить бурю мама. - Тебя Вова звал в кино.

- Спасибо, мама, - ответила «очень хорошо воспитанная» девочка. - Этот фильм я уже видела, я не пойду.

- Какой спектакль ты наметила ставить? - спросил папа, выступая с мамой в тандеме в попытке предотвратить неизбежное «выступление» доченьки.

- Я пока не придумала названия, - чинно ответила она, глядя на Ингу, - это о злой ведьме, которая украла принца у его невесты и околдовала.

- Юля, к чему такие страсти? - спросила мама не только о спектакле, усмехнувшись.

- Не беспокойся, мамочка, там все заканчивается хорошо: ведьма сгорела, а влюбленные остались вместе! - обращаясь лишь к Инге, произнесла она.

- Тебя вон твоя команда у калитки ждет, - указала мама в сторону ворот.

- Да, я иду, - согласилась Юлька, поднимаясь из-за стола.

- Ну, слава богу! - не удержал папа вздох облегчения.

Не тут-то было! Это он сильно поспешил с выводами.

- Скажите, Инга, а вы на электричку не опоздаете? - спросило дитя.

- Скорее всего, нет, - спокойно ответила девушка. - Мы с Ильей уедем в воскресенье.

- Значит, вы останетесь у нас ночевать?

- Да, - кивнула Инга и вопросительно посмотрела на Илью.

- С Ильей? - уточнила девочка.

- Юля! - грозно призвал к порядку папа. - Не хаами!

- Я просто спрашиваю, - не испугалась папиного гнева дочка и опять обратилась к Инге: - У вас любовь?

- Ну... - оторопела от прямого наезда девушка.

- Понятно! - кивнула Юлька. - Лучше было бы вам уехать, Инга, а то мало ли что! Ну, я пойду!

И Юлька, предупредив соперницу, неторопливо-горделивой походкой зашагала к калитке.

Уж кто-кто, а девушка Инга на всю жизнь запомнила ту поездку. Вот сто пудов!

На следующее утро Юлька не поздоровалась и вообще не разговаривала с Ильей и его девушкой. Не удосужила! Сразу после завтрака убежала одна, без верных друзей, на речку и больше часа сидела под ивой, что-то обдумывая.

И придумала. А кто бы сомневался!

Сначала на девушку Ингу «случайно» упала со второго этажа стоявшая на окне банка с «радикально черной» масляной краской, которая стояла на окне, «забытая» Юлькой. Все суетились, ахали, охали, отчищая одежду гостыи. Юлька, будучи ребенком прямолинейным, в этой суете участия не принимала. Затем у дамы, мирно отдохавшей от неприятных волнений утра в гамаке, в волосах обнаружилось десятка два репейников. Девушка чуть не рыдала, доставая колючки из волос, а Илья, помогая Инге, старался успокоить ее.

Обнаружить Юльку для предания справедливому наказанию, ибо иных кандидатов на такую пакость не наблюдалось, родители не сумели. Немного успокоившись, взрослые занялись шашлыком. Приехали еще трое гостей, папины друзья, стало весело, шумно, и за разговорами, накрытием стола, шутками об инциденте забыли. Девушка Инга кокетничала с двумя вальяжными учеными мужами, между делом демонстрируя и подчеркивая свои права на Илью. Она поглаживала его, прижималась к нему якобы невзначай, в разговоре брала за руку - короче говоря, показывала: это мой мужчина. В общем, Инга расслабилась.

А зря!

Правильно рассчитав время, Юлька заявила, когда все уже сидели за столом и шашлык был на «подходе», поздоровалась с приехавшими гостями, ответила на многочисленные вопросы о грядущем спектакле, что-то перекусила на бегу.

- Мы с тобой потом поговорим! - строго пообещала мама.

Юлька вертелась возле стола, играла с Жулькой, но, как только услышала, что Илья уговаривает Ингу сходить на речку искупаться, быстро и незаметно для всех убежала.

- Пойдем, поплаваем! - предложил Илья своей девушке.

- Да ты что, вода еще холодная.

- Здесь речка мелкая, она быстро прогревается, холодно только в глубоких местах. Идем.

- Ну, хорошо, - согласилась девушка.

Когда парочка шла по улице к речке, мимо них, рассчитав момент, на большой скорости пронесся на велике Вовка, прямо по огромной луже, оставшейся после ночного дождя, обдав грязной мутной водой Ингу с головы до ног. Всю.

- Да что это такое?! - возропала девушка на весь поселок. - Здесь живут не дети, а хулиганы какие-то!

- Теперь точно надо в воду! - рассмеялся Илья - И лучше в одежде!

Но в одежде Инга не стала входить в речку. Раздевшись на берегу, они зашли в реку, и Инга попыталась на мелководье вымыть грязь из волос.

- Надо пойти туда, к иве, там глубоко, и ты все сразу смоешь, - предложил Илья.

- Я плавать не умею! - недовольно ответила Инга.

- Я тебя подержу!

И тут на берег, как горох из стручка, высыпала вся Юлькина компания, ребята побросали велики, разделись и с радостными криками ринулись в речку.

- Мы с вами будем купаться! - «осчастливил» перспективой Вовка, он же мастер по скоростному разбрызгиванию луж.

- Нет уж! - забеспокоилась Инга. - Идите купаться в стороне от нас! Мы сами!

- Да ладно! Вместе веселее! - крикнула Ленка, Юлькина подружка, и плюхнулась в воду рядом с Ингой.

- Дети! Немедленно отойдите от нас! - приказала девушка.

Дети, игнорируя требования нервной дамочки, брызгались, толкались, смеялись и в один миг, как бы невзначай, вытолкали Ингу на глубокое место.

- Ой! - закричала она. - Здесь дна нет!

И в этот момент возле нее с ивы «бомбочкой» прыгнул в реку Серега.

Когда перепуганную, отплевывающуюся, наглотающуюся речной воды Ингу Илья вынес на берег, Юлька была почти удовлетворена.

Почти.

Окончательная точка в разборках с соперницей была поставлена поздним вечером. Когда Илья с Ингой отправились в «летние апартаменты», чтобы возлечь на «ложе любви». Подпиленные Юлькой еще днем ножки тахты подломились, и конструкция с грохотом рухнула, как только парочка «возлегла» на нее.

- Ну, все! С меня хватит! Это не ребенок, а монстр какой-то! Куда ее родители смотрят?! - кричала возмущенная девушка, выбираясь из обломков «ложа».

- Инга, не кричи, ты всех разбудишь! - смеялся Илья.

- Пусть слышат! Это их дочь хулиганка, ее надо в колонию для несовершеннолетних отдать!

- Что ты несешь? - перестал смеяться Илья, поразившись. - Она ребенок, которого обидели, и защищается как может!

- Ребенок! - возмутилась Инга.

Она встала напротив него, уперла руки в бока в воинственной позе:

- Да эта девица влюблена в тебя, как кошка, и вытворяет черт-те что! А вы все здесь ей потакаете!

Илья шагнул к Инге, схватил за локти и, сильно тряхнув, сказал предупреждающе холодным, пугающим тоном:

- Прекрати немедленно!

Он хотел добавить еще что-то, но в дверь к ним постучал Игорь Дмитриевич, с перепугу выбежавший на шум из дома в одних пижамных штанах.

- Илья, что у вас случилось? Мы слышали грохот и крики!

- Ничего страшного, Игорь Дмитриевич, - ответил, глядя в глаза Инге, Илья. - Упала тахта.

Юльку наказали, сурово, как не наказывали никогда, запретив все на целую неделю: гуляние, купание, общение с друзьями и гостями. Разрешалось только читать нужную по школьной программе литературу и рисовать - это уж как дышать!

Приговор папа огласил утром, поставив Юльку перед потерпевшей.

- Ты поняла? - спросил он.

- Да, папа! - кивнула ничуть не расстроенная Юлька.

- Извинись перед Ингой!

Юлька набрала воздуха в грудь, посмотрела на папу, на маму, перевела взгляд на Илью и ответила:

- Нет! Я ее предупредила!

- Юля! - угрожающе взревел отец.

- Нет! - подскочили и опали рыжие кудряшки от отрицательного жеста головой. - Вы меня наказали, вот и прекрасно! Признаю себя виновной, но не извиняюсь!

Юлька развернулась и ушла, оставив взрослых разбираться дальше без нее.

Инга требовала немедленного отъезда с «гостеприимной» дачи. Расковы уговаривали девушку остаться, ученые мужи и дама, проспавшие вынесение «приговора» и бывшие не в курсе вчерашней эпопеи, предлагали ей махнуть на всякую ерунду рукой и лучше тяпнуть с утречка наливочки или чайку.

Барышня дала себя поугovarивать и уже расслабилась в приятной компании, но Илья лишил ее этого удовольствия. Он проводил Ингу до станции и посадил в электричку, а сам вернулся. Ему надо было поговорить с Юлькой.

Она сидела под деревом и читала внеклассную литературу, заданную на лето. Илья сел рядом.

- Давай поговорим, - предложил он.

- О чем?

- Мне не следовало ее привозить. Извини.

- Но у тебя же есть девушки, все равно, привозишь ты их к нам или нет?

- Есть.

- Просто я маленькая, а ты взрослый мужчина, мне мама объясняла еще в прошлом году, - печально сказала Юлька.

- Да, ты пока маленькая, но скоро вырастешь и станешь очень красивой девушкой, и у тебя будет свой взрослый мужчина.

- Но у меня есть ты! Я вырасту, а ты все еще будешь взрослым мужчиной! - не согласилась Юлька.

- Тогда я стану уже старым мужчиной. Тебе нужен будет кто-то помоложе! - усмехнулся Илья.

- Но я тебя люблю! Зачем мне помоложе? - удивилась Юлька.

- Я тоже тебя люблю, Рыжик, как дочку, как младшую сестренку. Понимаешь?

- Но это неправильно!

Он обнял Юльку за плечи, притянул ее голову к себе, поцеловал в макушку, успокаивая.

- Нет, Рыжик, только так и правильно, а все остальное неправильно, но ты, слава богу, пока этого не понимаешь.

Она не понимала, и ей очень хотелось плакать. Юльке казалось, что сейчас, в этот момент, уходит что-то важное из ее жизни, что-то, что уже никогда не вернется. И не будет уже такого

яркого и звездного лета и таких радостных, бесшабашно-рискованных игр. Что-то большое и значительное исчезало, растворялось, оставляя незаполненную пустоту.

- Это уходило мое детство, - прошептала Юлька, глядя на падающие снежинки за окном.

Прошлое втянуло ее в себя как-то незаметно. И неотвратимо.

Прошлое, которое она помнила всегда до запахов, звуков, неуловимых движений, незначительных, но очень важных мелочей, обрывков песен и снов и своих внутренних ощущений.

Может, этот белый лист, на котором она неуклюже попыталась что-то написать, объяснить самой себе, подтолкнул ее к воспоминаниям, а может, пришло время просмотреть прошлое, как фильм, и отпустить...

- Да, уходило детство, - вздохнула Юлька. - Оно не сразу ушло в тот момент, еще парочку фортелей я выдала, но оно уже прощалось.

После этой Инги все стало уже не так.

Юлька не бросалась к Илье навстречу, когда он приезжал, не оглашала окрестности радостным ором, а степенно здоровалась, подставляя щечку для дружеского поцелуя. И все-таки и это лето было замечательным. По-своему, совсем по-другому, но замечательным.

Были в ее жизни речка с нырянием, ставшие традиционными спектакли, игры, волейбол, походы в лес, первые поцелуи с мальчиками и первые влюбленности в их дачной компании. Девочка выросла, менялась, начиная ощущать в себе призывы женственности, забывая повадки «вождя краснокожих».

Зимой Юлька выдала одну из своих выходок, становившихся более редкими по мере взросления.

Усаживаясь за стол ужинать с родителями, она серьезно заявила:

- Когда мне исполнится шестнадцать лет, я выйду замуж за Илью!

- О как! - воскликнул папа.

- Почему именно в шестнадцать? - спросила мама.

- Можно было и в четырнадцать, конечно, - рассуждала серьезно Юлька. - Как Ромео и Джульетта, но время сейчас не то, и в четырнадцать не по закону.

- По закону и в шестнадцать нельзя, - сказала мама.

- Значит, штудируем «Вильяма нашего Шекспира». А тебе не рано? - поинтересовался папа.

- Ромео и Джульетта в четырнадцать лет уже любили друг друга и поженились! - возразила Юлька.

- Да. Но если ты внимательно читала, то помнишь, чем это закончилось, - заметила мама.

- А если Илья не захочет на тебе жениться? – спросил папа.
- Как это не захочет? – поразилась Юлька. – Я же его люблю!
- Ну а если он тебя не любит, а любит кого-то другого? Такой вариант ты не рассматривала? – улыбнулся папа.
- Нет, не рассматривала, да и глупости это! Кого же ему еще любить?
- Действительно, кого? – усмехнулась мама.
- Ладно, Марин, – успокоил жену папа, – до шестнадцати время есть, может, она тогда что другое придумает.
- И не надейтесь! – заявила весьма решительно дочурка. – Только Илья! И никаких других вариантов!

Юля улыбнулась, вспомнив тот разговор и свое решительное заявление. Она убрала лист и ручку в ящик стола, сходила на кухню, заварила себе крепкий чай с лимоном и вернулась в комнату. Убрала стул, поставив на его место кресло, забралась на него с ногами, обхватила кружку ладонями и посмотрела в окно. Она разрешила себе воспоминания, смирилась с их навязчивым вторжением и погрузилась в прошлое.

Еще пару лет родители снимали летом дачу, но Илья приезжал к ним все реже и реже, да и гостей почему-то поубавилось, и настал тот год, когда родители не смогли себе позволить весь летний сезон за городом и сняли дачу только на месяц. Тогда Илья был у Расковых всего один раз.

В стране творилось черт-те что, и в науке, естественно, тоже. Это угнетало взрослых и отражалось на детях. В том году уже не ставили Юлькины знаменитые спектакли, не разрисовывали костюмы и декорации и не предавались такому бесшабашному, развеселому летнему отдыху.

Взрослые все чаще вздыхали, беседуя за столом, и с тревогой спрашивали друг у друга: «Что же дальше будет?» Не сдавалась одна Юлька. Конечно, она не понимала, что происходит в стране, да и не задумывалась над этим в силу своего возраста, но девочка, как и родители, чувствовала тревогу, правда, по иному поводу: они совсем перестали видеться с Ильей, что, понятное дело, не устраивало энергичную, бескомпромиссную «невесту».

Перемены не обошли стороной и их семью. Страна стремительно нищала, и Игорь Дмитриевич, стараясь заработать хоть какие-то деньги, практически не бывал дома. Он преподавал, руководил лабораторией, набирал дополнительные часы лекций, писал статьи, брался даже за заказные разработки. Юлька его почти не видела – отец приходил, она уже спала, а уходил, она еще спала. Мама взяла несколько учеников для частных уроков помимо работы в институте, тоже загрузившись сверх меры. Так что Юлька жила самостоятельной жизнью, практически не видя родителей. Но и ее график учебы был не менее плотным – после общеобразовательной она бежала в художественную школу, в выходные преподаватели вывозили их на этюды в Подмоскowie. А еще девочка увлеклась реставрацией и два раза в неделю ездила в студию при институте реставрации.

Но деятельную Юльку не устраивало, что из-за героических подвигов взрослых выжить в этих

условиях хотя бы нормально, не обнищав и не сдавшись окончательно, она совсем не встречается с предметом своей любви.

Юлька стала выкраивать время и ездить к папе в институт. Первый раз, когда она там появилась, она всем мешала, путаясь под ногами и стараясь быть поближе к Илье, отвлекая его всякими вопросами и заглядывая в глаза, так она соскучилась. Отец быстренько выпроводил дочурку, но Юлька и не думала обижаться. В следующий раз она привезла с собой папку с листами и, устроившись в уголке, тихонько рисовала Илью, немного папу и других его сотрудников. Они были настолько погружены в свою работу, что часто забывали о ее присутствии, а обнаружив девочку сидящей в уголке, поражались, как это шумная и энергичная Юлька может так долго не привлекать к себе внимания.

Но и поездки в лабораторию становились все реже, а вскоре прекратились вообще. Состыковать Юлькины свободные часы (а чаще прогуливаемые из обеих школ для встречи с Ильей) с совершенно сумасшедшим графиком работы папы и Ильи стало невозможно.

Следующие три года они почти не виделись с Ильей.

И тем не менее, несмотря на все трудности, папа за это время получил звание профессора, а Илья защитил докторскую диссертацию, ну а Юлька нашла новый способ общения – девочка решила звонить по вечерам Илье по телефону.

Поначалу разговоры были непродолжительными: «Привет, как дела, а я сейчас рисую...», но постепенно Юлька стала рассказывать о своих делах, проблемах, больших и малых победах, и беседы затягивались на полчаса.

Поскольку все это происходило ближе к полуночи, потому что раньше Илья домой не возвращался, то Юлька, прячась от родителей, требовавших, чтобы в столь позднее время она уже спала, брала трубку телефона с собой в комнату, забиралась на кровать, устраивалась поудобней и названивала каждые десять минут, ожидая, когда «жених» придет домой. Но Илья выдвинул свои условия.

- Рыжик, я ужасно устаю, давай договоримся так: я прихожу домой, принимаю душ, ужинаю и, если в состоянии еще что-то говорить, звоню тебе сам. Договорились?

- Ну хорошо, – согласилась Юлька.

И он звонил, иногда только раз в неделю, но звонил же! Если трубку брал кто-то из родителей и Юлька слышала: «Илья, привет!», то неслась с громким криком: «Это мне!»

Папа с мамой переглядывались, улыбаясь и тихо радуясь, что у дочки детство еще не закончилось и она все так же по-девчоночьи влюблена в Илью. Но постепенно и эти телефонные разговоры становились все реже, а через год прекратились совсем.

Как-то незаметно основной кормилицей в семье стала мама. Она давала частные уроки, попутно вспомнила второй язык, немецкий, который изучала в институте, и начала давать еще и уроки немецкого. Мама очень не хотела бросать работу в институте, но вынуждена была сократить часы до минимума, уделяя большую часть времени частным урокам, несравнимо более денежным. Она возвращалась домой очень поздно и совершенно без сил. А в выходные ее ученики приезжали к ним домой.

Как ни старался и что только не придумывал папа, чтобы зарабатывать достойно, это было нереально в тех условиях, которые сложились в стране.

Ну не мог же он наизнанку вывернуться, ей-богу!

А науку бросить папа просто был не в силах.

Однажды Юлька случайно подслушала разговор родителей. Она бултыхалась в ванне, а они пили чай на кухне. При «замечательной» звукоизоляции наших квартир, стремящейся к идеальной, то есть беспрепятственной, Юлька слышала родителей, словно сидела рядом с ними. Сначала она не обращала внимания, что они там говорят, но, услышав возмущенный голос отца, наострила уши.

- Господи! Марина, это маразм какой-то! Я вроде не глупый человек, но не в состоянии понять, уложить в своем мозгу то, что они делают! Как можно гробить основу государства - фундаментальную науку?! Это бред какой-то! Даже при самых диктаторских режимах огромные средства вкладывались в науку! Это же козлу понятно, что уровень развития государства, его значимость в мире зависит от его научных достижений! Через год-два в стране не останется ни серьезных лабораторий, ни главных стратегических направлений, ни молодых ученых, на которых должен быть основной упор в любых разработках! Все! Все коту под хвост! Разбазариваем людей, таланты к чертовой матери! Ведь бегут хрен знает куда!

- Игорь, Игорь, ну не рви ты себе сердце! - уговаривала его мама. - Если все так плохо, может, и бог с ней, с наукой? Может, пойдешь к Ивлеву? Он тебя зовет к себе работать.

- Нет, Марин, я не могу. Да и не хочу! Я свою работу не брошу! Пусть хоть все развалится! Надеюсь, до полного дебилизма мы не дойдем и Академию наук на распустят к чертовой матери! Я не могу, понимаешь? Я только это умею и хочу делать, а если перестану, наверное, сдохну сразу!

- Игорь, ну, чего ты? Чего ты вдруг так завелся?

- А, - безнадежно ответил папа. - Сегодня сообщили, что снова сократили бюджет нашей программы. Скоро мы станем из канцелярских скрепок оборудование делать, чтобы хоть что-то работало! Марин, мне же тошно, я у тебя, как иждивенец, на шее! Ты вкалываешь, как раб на плантации, а женщина не должна так работать!

- Ой, да ладно! - рассмеялась мама. - Мне моя работа нравится.

- Даже если она тебе очень нравится, это неправильно, что ты вкалываешь как каторжная и кормишь меня. Я себя уже и мужиком чувствовать перестаю!

- Ну, с этим ты поспешил! - весело ответила мама.

Они замолчали ненадолго.

«Целуются», - поняла Юлька.

- Ты знаешь, - сказал папа, - ведь самое страшное, что дальше будет только хуже.

- Что именно? - уточнила мама.

- Я не начну больше зарабатывать, хоть на голову встану, все идет к тому, что финансирование в любой научной области будет только сокращаться.

- Ну и ладно, выживем, чего уж теперь! Ты, Расков, нас пятнадцать лет кормил, холил и

лелеял, может, теперь мой черед настал.

- Мне это не нравится! - ответил папа. - Ужасно не нравится!

- Игорь, - тихо и очень серьезно спросила мама, - тебе ведь необходимо заниматься своим делом, ты ведь действительно без этого жить не сможешь?

- Да, Маринка, не смогу, - вздохнул папа.

- Значит, тема закрыта. А знаешь что, я, пожалуй, уволюсь из института. Буду только частные уроки давать, у меня прибавится времени, возьму еще парочку учеников. А? Как думаешь?

- Тебе не жалко бросать институт?

- А что делать? За те копейки, которые мне там платят, даже чихать стыдно, не то что преподавать. Может, времена изменятся, вот тогда и вернусь.

- Мариночка, решай сама, а я тебя во всем поддержу! Но если ты собралась уходить, да еще учеников брать, у меня есть условия: ты должна заканчивать пораньше, чтобы не идти домой черт-те во сколько, по темным улицам, и обязательно освободить пару дней, ну, или хоть один, для себя. Бог с ними, с деньгами, всех не заработаешь, а загнуться от такой нагрузки вполне можно. Да и не голодаем же мы! Если совсем уж припрет, что-нибудь придумаем!

- Согласна! - сказала мама. - Слушай, а как Илья поживает?

- Трудно поживает, как и все мы. Крутится, как белка в колесе, подрабатывает где может, статьи за наших «халявщиков» пишет, программы левые, а куда деваться? В прошлом месяце нужно было оборудование починить, полетело, родимое, от старости. Деньги мне на ремонт обещали дать, но месяца через три, не раньше. А что это значит?! Если на нем вся работа идет, следовательно, три месяца простоя! Так Илья, ничего мне не говоря, где-то ночами грузчиком работал, принес деньги. Вот, говорит, на ремонт. Я ахнул, откуда, спрашиваю, а он смеется: подкачал мускулатуру. Боже мой! Доктор наук на научную аппаратуру подрабатывает грузчиком по ночам! Черт знает что!

- Не заводись снова, Игорь! Он молодец, нашел же выход из положения.

- Да! - возмутился папа - Но так и надорваться можно! Он же работает по двадцать часов в сутки! Не спит ночами, смеется - совмещаю, говорит, умственный и физический труд. Мускулатуру действительно, знаешь, какую накачал! Но это все мешает, отвлекает от науки - когда физические перегружаешься, не до умственных изысканий! А у него голова светлая, он очень талантлив!

- Все, все! Игорь, хватит! Об этом можно часами говорить и изводить себя ощущением бессилия! Я считаю, что ты делаешь все правильно, и очень тобой горжусь! Ты не бросаешь дело всей жизни, не предаешь ни себя, ни своих учителей и, главное, свою работу. А это важно. Ведь можно уехать за границу, податься в коммерцию, как многие твои коллеги, и оттуда рассуждать о пропащей российской науке и том беспределе, который у нас творится. Как говорится: с сытой тарелки по-барски хаять все, чем занимался, по сути предавая. А ты молодец, я тебя люблю, Расков, и уважаю!

- Щас загордюсь! - предупредил папа и рассмеялся.

Юлька выбралась из остывшей уже воды, села на край ванны и тихонько заплакала, так ей

стало жалко папу, маму и Ильюшку.

После подслушанного разговора Юлька долго ходила задумчивая, присматриваясь к тому, как они живут. Она как-то не обращала внимания на быт и все родительские проблемы, занятая учебой и своими картинками. Оказалось, что сложно живут, трудно. Родителей никогда не было дома, создавалось впечатление, что они приходили только спать, работая и в выходные, как в будни. Как при такой занятости мама еще умудрялась вести все хозяйственные дела, оставалось загадкой.

Юлька ругала себя последними словами – ну как можно быть такой невнимательной? Почему она даже не задумывалась, насколько трудно приходится родителям? Но длительное самобичевание было не в ее натуре, чего винить-то себя – действовать надо!

И девочка решила, что возьмет на себя домашние дела!

Как обычно, если Юлька за что-то бралась, то вкладывала в задуманное весь свой энтузиазм и энергию. Начала она с готовки еды.

Это была еще та эпопея!

Первым приготовленным ею блюдом стал борщ. Будучи дочерью ученого, она подходила к решению проблемы с научной дотошностью. Найдя на книжной полке фолиант по кулинарии, Юлька проштудировала рецепт, выписала на листочек все нужные ингредиенты, взяла из шкапулки в родительской спальне деньги, предназначенные на хозяйство, которые всегда держали там, и отправилась в магазин.

Ее немного смутило, что для обычного борща потребовалось так много продуктов, но сие девочку не остановило – надо так надо! Следуя написанному рецепту, она достала самую большую кастрюлю и приступила к делу.

Папа обычно после работы встречал маму возле метро, чтобы та одна не ходила по темноте, и они возвращались домой вдвоем. В тот вечер пришедшие в десять часов родители застали картину активной деятельности дочери во всей, как говорится, красе неопикуемой!

Да уж, готовка затянулась, чего Юлька никак не ожидала. Но это-то ладно!

- Ух ты! Какие запахи! – восхитился папа с порога, когда они с мамой вошли в квартиру.

- Юля, мы дома! – крикнула мама и спросила, тоже уловив запах еды: – Что, бабушка приходила?

- Не-ет! – раздался непонятный голос дочери из кухни.

- Что это с ней? – спросил папа, помогая маме снять пальто.

Родители зашли в кухню и замерли на пороге...

На плите стояла огромная кастрюля, плита же представляла собой странное зрелище, похожее на сюрреалистическую картину: вся ее поверхность была засыпана мелко нарезанными овощами – капуста, морковь, свекла и немного лука, – сверху этот «салат» был залит местами томатной пастой. Все имеющиеся горизонтальные поверхности в кухне, в том числе и холодильник, были заставлены грязными кастрюлями, сковородками и тарелками. В раковине стояла кастрюля, сверху которой красовался дуршлаг, застеленный марлей, через которую,

видимо, процеживали что-то, из-под него торчали ручки двух разделочных досок. Не попавшим на плиту «салатом» был «припорошен» кухонный пол, для полноты картины тоже получивший красные брызги томатной пасты.

Посередине кухни, на табурете, поставив ноги на перекладину, сидела любимая дочь, на коленях у нее лежала раскрытая здоровенная кулинарная книга.

Дочь плакала, не горько, а скорее обиженно.

- Впечатляе-е-ет! - присвистнул папа, обозрев кухню.

- Юлечка, что случилось? - спросила мама с порога.

- Я готовила-а борщ, - ответила обиженно та, вытирая слезы. - Я хотела-а помочь, вы так много ра-ботаете, вот я и ре-шила, что стану готовить на всех! Это был сюрпри-из!

- Ну, сюрприз-то как раз удался! - усмехнулся папа.

- Так что ты плачешь, солнышко? - поспешила обнять рыдающую дочурку мама.

Она обняла Юльку, расцеловала в щеки и вытерла ей слезы.

- Я не знала, что придется так долго готовить, и для этого столько много всего надо!

- Ну, ничего, - успокаивала мама. - Это же первый раз, все приходит с опытом.

Папа прошел к плите, старательно обходя по дороге красные пятна томатной пасты на полу, поднял крышку с кастрюли и понюхал содержимое.

- Пахнет замечательно!

- А еще! - заревела громче Юлька. - Я только потом прочитала-а, там, в конце, написано-о, совсем мелким шрифтом, что рецепт рассчитан на двенадцать челове-е-к!

И Юлька уткнулась маме в плечо, орошая слезами ее кофту.

- Ну, что же ты плачешь, милая! - рассмеялась мама. - На двенадцать так на двенадцать! Будем есть всю неделю! Это же ты готовила! - Она погладила Юльку по голове, снова вытерла ей слезы и на всякий случай поинтересовалась: - Он хоть съедобный?

- Не знаю-ю! Я не пробовала-а! - не могла остановить слезы обиды Юлька.

Но, невзирая на сопутствующие приготовлению разрушения, борщ получился! И был очень, очень вкусный!

После того как, закатав рукава, они втроем вымыли кухню и сели за стол, папа торжественно разлил по тарелкам первый кулинарный шедевр дочери, призвав:

- Вкушать с особым осознанием, ребенок старался!

И первым геройски попробовал.

- Юлька! Вкуснотища! - обрадовался он.

Мама с Юлькой, до этого момента внимательно и весьма настороженно смотревшие на него в ожидании вердикта, поспешили присоединиться к трапезе.

Они съели все по добавке, а потом долго сидели за столом, разговаривали и смеялись. Подбодренная и успокоенная, сытая и вполне собой довольная «кухарка» рассказывала и в лицах изображала, как ходила за покупками. Каждой из продавщиц, у которой она брала продукты, простая Юлька объясняла, что собирается готовить борщ, и никак не могла понять, почему женщины вздыхают и жалостливо на нее смотрят, а одна спросила: «Семья большая?» – жалостливо-сочувственно.

- Обычная, – ответила Юлька.

Родители громко смеялись, а когда вспомнили, какую картину разрушения застали, придя домой, то хохотали уже все втроем до слез.

Юлька быстро научилась готовить, обходясь без таких глобальных разрушений, как первый раз. За этим последовали другие домашние дела. Юлька настояла на покупке стиральной машины, заявив родителям в ультимативной форме:

- Нам немедленно нужна стиральная машина!

- Юля, она стоит бешеных денег! – ответила мама.

- Ничего! Нам с тобой некогда. Да и это прошлый век какой-то – стирать руками! Вы давайте, откладываете деньги, потерпим. Будем макароны есть, хлеб с водой!

- Это ты перегнула! – возразил папа.

- Если надо, то и хлеб с водой, но машинка нужна! – решительно отвергла любое сопротивление Юлька.

Крайние меры не понадобились, обошлись как-то без вынужденной диеты, и через три месяца машинку купили.

Постепенно Юлька с присущей ей решительностью взяла на себя все домашнее хозяйство, приобретая попутно командирские замашки и голос. Если раньше в доме только папа искал вещи, крича на всю квартиру: «Марина! Где моя синяя рубашка?» – вместо рубашки можно вставить любую вещь, которая ему требовалась в данный момент и которую без мамы он никак не мог найти, даже если та лежала прямо перед ним, – то теперь и мама, и папа по всем бытовым вопросам апеллировали к дочери:

- Юля, где моя юбка?

- Юлька, где мой пиджак?

- Юль, что купить из продуктов?

- Дочь, мне надо постирать свитер, я его чем-то заляпал.

И так далее по списку обычных бытовых будней. Юлька, почувствовав свою сверхзначимость, иногда позволяла себе «порулить» родителями, правда, редко, особенно ей разгуляться не давали. Из всех домашних дел больше всего она не любила мыть посуду и гладить, эти две задачи мама и папа распределили между собой.

Юлькина помощь оказалась столь своевременна и бесценна! Мама стала намного лучше выглядеть, исчезли круги под глазами от вечного недосыпа и перегрузок, перестали болеть ноги. Она даже как-то помолодела. А папа стал меньше терзаться мыслями о маме, не нарадуясь на сознательную дочь.

Быструю, деятельную Юльку домашние хлопоты особенно не напрягали и не нагружали. Энергии в ней было на троих, поэтому она успевала справляться со всеми делами и со своей учебой.

А вот с Ильей дела обстояли плохо, вернее, не с ним самим, а с их общением. Не было этого общения, и все! Они очень редко разговаривали по телефону, новости о его жизни Юлька узнавала у папы, и они не виделись почти год. Год! Ужас!

Встретились они на Юлькином дне рождения. Ей исполнилось шестнадцать лет.

Юлька позвонила ему, пригласила на торжество и заставила поклясться, что он придет.

- Конечно, Рыжик, обязательно! - пообещал Илья.

За последний год Юлька сильно изменилась. Она выросла, оформилась и превратилась из нескладного подростка в очаровательную девушку. Тоненькая фигурка, высокая красивая грудь, черты лица так и остались самые обыкновенные, красавицей не назовешь, но рыжие волосы, вспыхивающие на свету разными оттенками, от осенних тонов до огненных всполохов, белая кожа и голубые глазищи делали ее облик неординарным, запоминающимся, это уж точно!

При такой яркой внешности Юлька могла позволить себе любые цветовые сочетания в одежде - рыжим все прощалось!

Но на свой день рождения она отказалась от цветных одежд. В ожидании самого главного гостя, ради которого все и затевалось, если уж честно, Юлька серьезно подготовилась к торжеству, поставив родителей в известность о своем наряде.

- Мама, пап, - заявила Юлька, войдя поздно вечером к ним в спальню. - Я решила, что буду в маленьком черном платье, которое рекомендовала иметь в своем гардеробе всем женщинам Коко Шанель!

- Не рановато? - спросил папа.

- Нет, в самый раз! - решительно отвергла возражения она.

- Юль, ты предупреждаешь для профилактики, чтобы нас инфаркт не хватил, когда мы увидим тебя в новом наряде? - поинтересовалась шутливо мама.

- И для того тоже, а заодно хочу попросить денег на эту красоту и на туфли к ней.

- Да пожалуйста! - сказала мама. - С тобой-то надо пойти, посмотреть, что ты там выбрала?

- А ты можешь?

- На неделе нет, только в воскресенье, - вздохнула мама.

- Тогда я сама.

- Бог в помощь! - благословил папа. - Мы твоему вкусу доверяем.

Ох, знал бы он, на что неосмотрительно подписывается!

Последствия своего опрометчивого разрешения и доверия родители обнаружили непосредственно в торжественный день, когда менять что-то оказалось уже поздно!

С утра Юлька ходила в парикмахерскую, где ей уложили волосы в красивую прическу в ее любимом греческом стиле, которая шла ей необычайно. Пользуясь руководством женского журнала, она сделала себе легкий, но очень эффектный макияж.

Празднование наметили на воскресенье, поэтому родители взяли на себя все хлопоты по накрытию праздничного стола.

- Дочь, пойдешь переоденься, сейчас уже гости придут, - напомнила ей мама, расставляя тарелки на столе.

Юлька надела платье, дорожные колготы с блестящим эффектом, купленные специально к новому наряду, туфли, тоже новые, и выплыла торжественно к родителям.

- О господи! - только и смогла выговорить мама, схватившись за сердце.

- Что случилось? - испугался папа, поспешив на возглас жены.

Он вошел в комнату, неся в руках блюдо с нарезкой, и замер, не дойдя до стола, уставившись на дочь.

- Та-ак! - протянул он и, помолчав несколько секунд, повторил: - Та-ак!

Расставив руки в стороны, Юлька медленно поворачивалась, демонстрируя себя со всех сторон. Платье из эластичной ткани обтягивало ее как вторая кожа, длинные рукава непонятным образом держались на плечах, переходя на груди в глубокое декольте и... вырез на спине до талии, кончался этот кусочек ткани на середине бедер. Картину дополняли черные туфли «лодочки» на каблуке сантиметров десяти.

- Юль, а ты платье надеть не забыла? - поинтересовался ошарашенный папа - Или юбку к этому трико?

- Юлька, что это такое? - прошептала мама.

- Ясно! Красоту не оценили! - возмутилась Юлька. - Поясню для деревни: это платье! То самое торжественное платье!

- Для платья, тем более торжественного, в нем метра три ткани не хватает, - ответил папа, придя в себя и наконец поставив блюдо на стол.

- Ну, вы что?! - обиделась Юлька. - Разве не красиво?

- Красиво! - согласилась мама. - Только слишком взросло, неожиданно и дерзко! Почти на грани пошлости.

- Ну что вы мне праздник портите! - чуть не расплакалась Юлька, расстроившись.

- Юлечка, просто мы не ожидали! - постаралась успокоить дочку мама. - Ты вдруг оказалась

такой взрослой, красавица! А мы все думаем, что ты ребенок.

Папа подошел к Юльке, обнял, поцеловал в щеку любимую дочурку и прижал к своему боку.

- Да уж, для моих нервов это перебор! Ты совсем взрослая и очень красивая!

- Мам, - примираясь с родителями, произнесла Юлька, - насколько на грани пошлости?

- Далеко, далеко до нее! - успокоила мама и тоже обняла дочь.

Они постояли втроем, обнявшись, и папа спросил:

- Может, побудешь еще маленькой, а?

- А как же любовь-морковь, поцелуи? - спросила Юлька.

- О господи, еще и это! - испугался папа. - Давай поступательно, Юль, дай пережить отцу шок с переодеванием.

- Ладно! - рассмеялась она.

Раздался звонок в дверь, начали прибывать гости. На удивление, бабушки и дедушки весьма спокойно восприняли внучкино преобразование во взрослую девицу, не в пример родителям заценили и даже похвалили не без гордости.

Юлька неслась к дверям на каждый звонок, надеясь увидеть Илью, и всякий раз не могла скрыть разочарование, когда оказывалось, что это не он. Мама пригласила всех за стол:

- Один гость запаздывает. Но мы его ждать не будем.

Произнесли первый тост, чокнулись шампанским, но Юлька мрачнела с каждой минутой. Да где же он?!

В дверь позвонили.

Громко отодвинув стул, Юлька вскочила и побежала в коридор. Она подождала пару секунд, перевела дыхание и неторопливо распахнула дверь.

С огромным букетом белых роз в одной руке и пакетом, из которого торчало горлышко шампанского, в другой на пороге стоял Илья и широко улыбался.

Увидев Юльку, Илья не смог ничего произнести, улыбка медленно сошла с его лица. Несколько мгновений он потрясенным взглядом рассматривал ее с головы до ног и обратно. Юлька же наслаждалась произведенным в полной, пожалуй, даже переполненной, мере эффектом. Наконец Илья спросил с сомнением:

- О господи, Рыжик, это ты?

- Это я, Ильюша! - рассмеялась Юлька и, ухватив его за руку, державшую букет, втащила Илью в прихожую. - А цветочки, я так полагаю, мне?

- Конечно, - не придя в себя от увиденного, ответил Илья. - Тебя не узнать! Совсем барышня и очень красивая!

- А поцеловать именинницу! - напомнила она и подставила щечку.

Илья быстро чмокнул ее и отстранился.

- Давай я цветочки поставлю, - сказала Юлька, всю кокетничая с ним.

- Ах да! Поздравляю тебя, Рыжик!

- Проходи скорее, уже все за столом, - играла Юлька новую роль.

И пошла по коридору, демонстрируя длинные ноги и голую спину. И шла она, как плыла, легкой пружинистой походкой.

Чтобы так продефилировать, Юлька тренировалась несколько дней. Она именно так все задумала! И то, как Илья, увидев ее, обалдеет от ее красоты и взрослости, и то, как она пойдет от него этой походочкой, демонстрируя свое неземное очарование! И платье, и туфли, прическа, макияж, даже колготы - все это было задумано ею именно и только для него. Чтобы он увидел и понял, что Юлька уже взрослая, а не сопливая девчонка и ее можно любить всерьез!

И сработало, сработало!

Входя в свою комнату, Юлька быстро глянула на Илью. Каким взглядом он ее провожал! Не тем, которого она ожидала, - влюбленным, восхищенным, - скорее наоборот, Илья смотрел как-то сурово, но ведь смотрел! Юлька быстро захлопнула дверь в комнату, скинула туфли и, прыгая от счастья, пропищала, зажав рот, чтобы не услышали:

- И-и-и!!!

Получилось, получилось!

- Ура! - сказала шепотом Юлька напоследок.

Быстро надев туфли, схватила вазу и пошла в кухню, поставить цветы.

Но, к великому сожалению и разочарованию Юльки, Илья пробыл совсем недолго. Где-то через час он извинился, объяснив, что у него сегодня еще какая-то работа, встал из-за стола. Юлька пошла его проводить. Ей сразу стало все неинтересно: платье, туфли и этот дурацкий день рождения.

Ну почему, почему он уходит? Она ведь так ждала!

- Ну почему ты уходишь? - спросила обиженно Юлька.

- Рыженький, у меня работа. Извини, пожалуйста, - ответил Илья, надевая плащ.

- Это несправедливо! - ныла Юлька. - Мы не виделись год, а ты пришел всего на час!

Илья достал из кармана пиджака маленькую бархатную коробочку и протянул ей.

- Поздравляю тебя, Юлечка, еще раз! Это очень важная дата - шестнадцать лет.

Он притянул ее к себе, обнял и поцеловал в макушку, как в детстве.

- Ты стала сногшибательной девушкой! Помнишь, я обещал когда-то, что ты будешь красавицей? Вот ты ею и стала.

Он вздохнул, отодвинул от себя Юльку, посмотрел на нее внимательно, поцеловал в лоб и ушел.

А Юлька заплакала.

Она прошла к себе в комнату, скинула туфли, залезла с ногами на кровать и, вытирая слезы, открыла коробочку.

Там лежала тонкая золотая цепочка с кулончиком в виде сердечка из бирюзы, окаймленного золотым ободком. Очень нежное девичье украшение, бирюза была голубой, того же цвета, как ее глаза. Юлька перестала плакать, надела цепочку, погладила ладонью сердечко и решительно сказала себе:

- Он ведь не просто так мне его подарил? Значит, мы еще будем встречаться! И часто-часто!

Она вытерла слезы, встала с кровати, поправила макияж у зеркала, надела туфли и пошла к гостям праздновать дальше свое шестнадцатилетие и начало новой, взрослой жизни.

Юля поставила на стол пустую, остывшую чашку, погладила бирюзовое сердечко, которое никогда не снимала с того далекого дня рождения, и тихо произнесла, глядя в окно:

- И она не замедлила начаться первым самым большим, горьким разочарованием.

Ну, тогда-то ей казалось, что это катастрофа! Горе, конец всей жизни!

Через полгода после ее дня рождения Илья женился.

Когда папа за семейным ужином сообщил новость, Юлька замерла от ужаса.

- Как женится? - прохрипела она сразу севшим голосом. - Этого не может быть!

- Почему не может? - не понял папа. - Давно пора, ему уже тридцать один годок, сколько можно в холостяках ходить?

- Ну что ты, доченька? - спросила мама, погладив ее по руке. - Папа прав. Илье давно пора жениться. Что ты расстроилась, неужели твоя детская влюбленность не прошла?

- Это не детская влюбленность! - крикнула Юлька и, вскочив со стула, выбежала из кухни.

Два дня она была сама не своя: молча ходила по комнате из угла в угол, сосредоточенно о чем-то размышляя и отказываясь обсуждать с родителями свои переживания.

- Я сейчас не могу об этом говорить, мне надо подумать! - отвечала она на их попытки разговорить дочь.

Ничего она тогда не надумала, только чувствовала жгучую обиду и несправедливость. Как же так? А я? Как же я?

Юлька забросила домашние дела, не в состоянии отвлечься от своих переживаний, лишь часами рисовала картину за картиной, все больше в красных тонах.

В день бракосочетания Ильи, на которое, конечно же, пригласили Расковых, Юлька встала перед зеркалом и сказала, глядя на собственное отражение:

- Я справлюсь! И потом, у меня целых полтора года впереди, может, к тому времени он разведется!

В таком боевом настроении она отправилась с родителями в ЗАГС.

Невеста Ильи Юльке не понравилась, кто бы сомневался! Ее звали Лена, высокая, стройная, если честно, красивая... и беременная, что было заметно даже в подвенечном платье, скроенном так, чтобы скрыть данное обстоятельство.

Вот это Юльку доконало!

Когда она поняла, что у Ильи скоро появится ребенок и он совершенно окончательно и безнадежно женится, Юлька почувствовала такое горе! У нее что-то сжалось в груди и стало так больно, что она никак не могла вдохнуть. Юлька не помнила, как прошла регистрация брака, не помнила дорогу в ресторан, где отмечалось торжество. Сквозь пелену наворачнувшихся слез она вообще ничего не видела, занятая только тем, чтобы не разрыдаться.

Вот уж дудки! Ей не одиннадцать лет, и плакать она не будет!

Она не подошла к молодоженам, чтобы поздравить, наоборот, старалась держаться как можно дальше и вообще не смотреть в их сторону. Потом Юлька отвела в сторону папу и попросила денег на такси, чтобы уехать домой.

Он перепугался не на шутку, увидев выражение ее лица.

- Юлечка, ты заболела, тебе плохо?

- Плохо, - призналась она.

- Тогда мы сейчас все вместе поедem домой!

- Нет, не надо! - испугалась Юлька, ей хотелось побыть одной. - Я сама доеду и спать лягу.

- Игорь, что у вас случилось? - подошла к ним мама.

- Юлька плохо себя чувствует.

- Юлечка, что у тебя болит? - забеспокоилась мама и потрогала лоб дочери.

- Я просто хочу домой! - сдерживаясь из последних сил, произнесла она.

- Идем, - сказал папа. - Я посажу тебя в такси.

- Я сама, вы идите за стол, уже тосты произносят.

- Ну ладно, - сдался папа.

Проходя вдоль длинного свадебного стола, Юлька вдруг притормозила, подумала секунду, цапнула бутылку шампанского и, сопровождаемая изумленными взглядами сидевших гостей, из-под носа которых увела выпивон, вышла из зала.

- Вот возьму и напьюсь, назло всем! - сказала она гардеробщику.

- Ну, ну, - ответил дедок, передавая ей куртку.

Юлька расплакалась в такси, и плакала так горько, отчаянно, что водитель, посматривающий на пассажирку в зеркало заднего обзора, не выдержал и спросил:

- Девушка, что у вас случилось? Может, помощь нужна?

- Нечем мне помочь! - пожаловалась Юлька.

Она влетела в квартиру, захлопнула с размаху дверь и, сев на пол, зарыдала, уже не сдерживаясь. Пережив первый приступ самых горьких, самых отчаянных слез, Юлька поднялась и пошла в кухню открывать шампанское.

Как надо его открывать, она не знала, потому что раньше только наблюдала, как делают это другие. Громко хлопнув, пробка выскочила из пальцев и, ударив в потолок, улетела куда-то за холодильник, пена с шипением вырвалась из бутылки, заливая стол и стекая на пол. Юлька посмотрела бутылку на свет - осталось больше половины.

Впрочем, ей хватило. Можно сказать, с лихвой!

Не обращая внимания на растекающуюся лужу, она взяла бокал и пошла в свою комнату, включила все освещение - люстру, торшер и бра над кроватью, - достала из стола заветную папку, в которую складывала портреты Ильи, нарисованные с натуры или по памяти, расставила и разложила их на столе и на полу.

Затем налила в бокал шампанское до краев, специально ожидая, когда опустится первая шапка пены, чтобы налить полный-полный бокал. Удовлетворившись результатом, Юлька подняла вверх бокал и произнесла тост, обращаясь к смотревшему на нее со всех рисунков Илье:

- Поздравляю тебя с женитьбой, а себя со смертью всех моих надежд!

И выпила залпом!

Оказалось, что пить шампанское залпом - это экстремальный вид особого спорта! Она чуть не задохнулась, давась пузырьками, норовившими вернуться на исходную позицию - в бокал - вместе с жидкостью, их образовавшей.

Но Юлька стойчески, упорно выпила. Икнула. И налила еще.

Она села на стул и, потягивая теперь уже не торопясь шампанское, принялась рассказывать нарисованному Илье, как она его любит... и как он ее предал.

Юлька не запомнила, что тогда говорила его изображению, она сразу опьянела и болтала без остановки, запивая шампанским текущие по лицу слезы, все время попадавшие на губы, отчего вкус у него становился солоно-сладким.

Вот странное дело, ни одного слова из того своего монолога она не помнила, а этот солоно-сладкий вкус запомнила на всю жизнь.

Родители, встревоженные Юлькиным непонятным недомоганием, ушли пораньше из ресторана, чтобы проверить, как дочка себя чувствует и все ли с ней в порядке.

Проверили! Мама и папа нашли Юльку в ужасном состоянии.

От переживаний и рыданий она сразу и тяжело опьянела от двух бокалов шампанского. Никогда до этого не пившей Юльке казалось, что она умирает. Нет, она, конечно, не была пай-девочкой, пробовала шампанское и раньше, и вино. Но только пробовала! Несколько глотков под бдительным оком родителей, ну, с друзьями тайком в школьном дворе, но это были только глотки, чтобы понять вкус. А так, чтобы залпом да целых два бокала шипучего напитка, и на голодный желудок!

Папа с мамой бросились спасать неразумное дитя.

Для начала ее требовалось раздеть, потому что она не потрудилась снять даже обувь. Юлька отталкивала их руки, стонала, плакала, жаловалась на что-то.

- Боже мой, Игорь! - плакала мама вместе с дочкой, стягивая с нее юбку и колготки. - Мы с тобой идиоты! Зачем мы потащили ее на эту свадьбу?!

- Давай это потом обсудим, сейчас надо привести Юльку в чувство и уложить спать!

- Господи, ну кто же мог знать, что у нее все так серьезно! - не могла остановиться мама.

- Марин, потом все переживания!

Папа сделал горячий, очень крепкий и сладкий чай и, не обращая внимания на пьяные Юлькины возражения, влил в нее целебный для такого состояния напиток. Потом отнес ее на руках в ванную и держал, пока мама поливала голову дочери из душа чуть теплой водой. После чего тело транспортировали на кухню и усадили на стул.

У протрезвевшей на пару градусов от родительских стараний Юльки полярно поменялось настроение, став бесшабашно веселым.

- О, родители, это вы, привет! - обрадовалось дитя, обнаружив папу с мамой.

- Ну что, процесс отрезвления пошел! - усмехнулся папа. - Ребенок заметил родителей!

- Игорь! - попеняла мама и обеспокоенно спросила: - Юлечка, тебе получше?

- Да мне хорошо! Что вы переживаете? - пьяно-бодрым голосом проговорила Юлька. - Все нормально! Найду себе ровесн... ровесн... в общем, молодого и влюблюсь! И к черту этого Илью!

- Конечно, найдешь, конечно, влюбишься, - соглашалась мама, вытирая ей полотенцем волосы.

Папа держал сидящую на стуле дочку за плечи, чтобы не свалилась.

- И пусть живет со своей Леночкой! И на здоровье! - шумела она.

- Игорь, надо еще чаю! - обратилась мама к отцу поверх Юлькиной головы.

Папа кивнул, соглашаясь, отпустил дочкины плечи и шагнул к плите. Юлька стала заваливаться набок.

- Стоп, стоп! - подхватила дочь мама.

- А я, мамочка, - продолжила рассуждения Юлька, - буду жить с ров... - вспомнив, что не справилась с этим словом, она махнула рукой, - с молодым! А Илья станет сморщенный весь и ста-а-аренький!

И скорчив рожицу, Юлька показала руками, каким стареньким он станет.

- Вот и хорошо, вот и правильно, - согласилась с ней мама, как с тяжелобольной.

Папа присел перед Юлькой на корточки и стал поить дочку новой порцией чая. Она покорно сделала несколько глотков, но отодвинула от себя папины руки, державшие кружку, почувствовав, что все силы у нее закончились.

- Только сначала мне надо его разлюбить, - тяжело вздохнула Юлька.

И уснула. В одно мгновение.

Много лет спустя мама рассказала ей, как они тогда долго сидели с отцом рядом со спящей Юлькой, рассматривали портреты Ильи и разговаривали шепотом.

- Что ты об этом думаешь? - спросила мама.

- Об этом? - папа протянул ей один из портретов. - Только то, что наша дочь очень талантлива, она так точно уловила все мелочи и выбрала ракурс.

- Ну, о ее способностях мы давно знаем, я спрашиваю о сегодняшней истерике.

- Это была не истерика, Мариш, - вздохнул папа, - она оплакивала свою любовь.

- Как мы с тобой просмотрели? Почему не поняли, что она любит его по-настоящему, сильно?

- Наверное, потому, что не хотим признать, что наша дочь уже выросла. Нам все казалось, что Юлька маленькая и эта ее восторженная влюбленность пройдет сама собой. Как у всех девочек.

- Как думаешь, она справится?

- В этом я не сомневаюсь. Вопрос только в том, что она решит для себя, сможет ли разлюбить его и как много времени ей на это понадобится, и получится ли обратить внимание на другого.

- Ох, Игорь! Она такая бескомпромиссная, эмоциональная и, как выяснилось, страстная. Если любит, так уж любит, а если нет, то все, бесполезно надеяться. Я так боюсь, она может запросто сломать себе жизнь с этой дурацкой безответной любовью!

- Да ладно, не драматизируй раньше времени! Ей только шестнадцать лет. Еще сто раз влюбится и разлюбит!

- Дай-то бог! - вздохнула мама. - Игорь, а Илья догадывается, что она так его любит?

- Нет, конечно. Он Юльку любит как дочку, как сестренку и не подозревает о ее страстях. И это к лучшему, а то, если б знал, начал бы оберегать, жалеть, стал бы более внимательным к ней. У Юльки появился бы повод для надежды.

- Может, ты и прав, - с сомнением сказала мама. - Но, наверное, лучше бы было ему сказать, чтоб они не виделись и по телефону не разговаривали больше. С глаз долой, как известно...

- Да они и так почти не видятся и не разговаривают, а сейчас тем более, у него семья, скоро ребенок будет. Все у Юльки пройдет, вот увидишь, наша дочь перерастет эти страсти-мордасти. Ей скоро не до того будет, поступит в институт, а там студенческая жизнь, новая компания, новые знакомства. И про Илью даже вспоминать перестанет.

Мама с нежностью посмотрела на спящую дочку и усмехнулась:

- Да, сегодня Юлька была «хороша»! Как она показывала, каким стареньким Илья станет!

Родители тихонько рассмеялись, чтобы не потревожить сон нерадивого дитяти.

- Идем, - сказал папа, - пусть спит. Завтра девочка поболует с похмелья.

- Зато теперь узнает, какими бывают последствия.

Да уж! Последствия не замедлили проявиться!

Юльке было так плохо поутру, когда она проснулась, как не было никогда, даже в том дурацком пионерском лагере в Крыму!

Папа с мамой лечили дочурку всякими народными средствами от трудной национальной болезни под названием «похмелье», или в просторечии - отходняк. Юлька стонала, каялась, обещала, что больше никогда в жизни...

Но день, вынужденно проведенный в постели по причине отсутствия сил, головной боли, позывов к рвоте, оказался неожиданно продуктивным: она приняла важное решение и одну рабочую установку. Юлька решила жить дальше, забыв про Илью, и дала себе месяц времени на то, чтобы разлюбить его.

Юля усмехнулась. Встала с кресла, взяла кружку со стола и пошла на кухню. Раз уж выдался свободный от работы день - не рисовалось ей под нахлынувшие воспоминания, - а вот приготовить что-либо вполне можно, не мешая мыслям течь так, как им хочется. Она уже давно не готовила кулинарных шедевров, перебиваясь чем-нибудь простецким. Кирилл обожал и очень ценил Юлины фирменные блюда, которых у нее имелось множество, но на это очень часто не хватало времени.

Она решила вдруг его сегодня побаловать.

ИЛЬЯ

Поняв, что третий раз перечитывает один и тот же документ и не улавливает ни фига информации, Илья бросил листы на стол и откинулся в кресле. Он обвел взглядом кабинет и вдруг почувствовал, что если прямо сейчас не уйдет отсюда, то взорвется.

Раздражение на работу, на партнеров, на бесконечные встречи, переговоры и рутину бизнеса нарастало в нем как снежный ком. Илье так все осточертело! Он как-то держался, стараясь сосредоточиться, взять себя в руки, откровенно недоумевая, откуда взялось это настроение.

«Ничего не хочу! Обрыдло! - подумал Илья. - Да что же это такое?! С чего бы это?»

За последние недели он потерял интерес ко всему, наверное, и к самой жизни, и как бы ни возмущался сейчас, обманывая себя, Илья знал, когда и почему это началось.

Ну конечно, знал!

- Ладно! - решительно заявил он самому себе и хлопнул ладонями по столу. - Раз пошла такая песня...

Резко поднялся, собрал документы со стола, некоторые положил в портфель, остальные сунул в сейф, надел пальто, взял портфель и вышел в приемную.

- Оля, - требовательно обратился он к молоденькой секретарше, - отмените все встречи на сегодня. Меня ни для кого нет!

- Илья Андреевич! - перепугалась секретарша. - У вас сегодня встреча в министерстве!

«Да пошло оно!» - подумал с раздражением Илья, но решил секретаршу не пугать своими настроениями.

- Найди Колобова, пусть он съездит! А лучше пусть договорится перенести встречу.

- Вас по мобильному искать?

- Нет, меня никак не искать!

- Но как же?.. - лепетала все-таки перепугавшаяся Оля.

«А никак!» - мысленно ответил ей Илья, выходя из приемной.

Очувившись в квартире, Илья бросил на столик в прихожей портфель, снял ботинки, пальто и пошел в кухню, по дороге стянув с себя пиджак, галстук и не глядя кинув их на стул. Достал из холодильника бутылку минеральной воды, сделал несколько больших глотков прямо из горлышка и, посмотрев в окно, спросил у себя, а может, у кого-то еще:

- Чего ж так хреново-то, а?

Да знал он чего! Знал!

И от этого ему становилось совсем мутно на душе.

Юлька! Маленький замечательный Рыжик!

Илья поставил бутылку с водой на стол, прошел в гостиную, лег на диван и посмотрел в потолок. Он подумал, что уже много лет, когда вспоминает о ней, чувствует себя виноватым. Это чувство стало привычным, неизменным, похожим на застарелую хроническую неизлечимую болезнь. Вот не должен человек жить с постоянным ощущением вины! У нас сильнейший инстинкт самосохранения, который притупляет, а потом и вовсе выключает это чувство, заменяя его сначала робкими попытками самооправдания, постепенно насыщая оправдание аргументами и уверенностью в своей правоте и победным аккордом уничтожая в уме остатки любого обвинения себя. Длительное чувство самообвинения разрушительно для психики, и любой человек рано или поздно найдет себе оправдание, чтобы не сойти с ума.

Только вот у Ильи не получалось оправдать себя.

Он вспомнил, как увидел ее первый раз.

Она смотрела на него, замерев, как под гипнозом, расширившимися от восторга голубыми

глазищами. С остановившейся на полдороге ко рту ложки в ее руке капли падали назад в тарелку, обдавая Юлькину футболку брызгами.

Илья влюбился в эту девочку сразу, как в родную младшую сестренку, как влюбляемся мы в маленьких детей по необъяснимым нам причинам, совпадая с ними в чем-то подсознательно.

Какая же она тогда была очаровательная! Маленький рыжий чертенок, ни минуты не сидевший на месте, живая, как ртуть. Умненькая, быстрая, веселая, с целым ворохом идей и планов, заражавшая энергией и энтузиазмом всех вокруг и втягивавшая их в свои проделки и выдумки!

Юлька как огонь – везде и много! Ее рыжая шевелюра выстреливала то там, то здесь в пространстве с невероятной скоростью, сопровождая свое перемещение громкими возгласами. Иногда казалось, что Юлька находится в нескольких местах одновременно.

Маленькая, тоненькая, со сбитыми коленками и локтями, с постоянно облезавшим носом, мгновенно сгоравшим на солнце, с огромными голубыми глазами, всегда восторженно сиявшими, находившаяся в вечном процессе реализации своих идей, пребывая от всего, что окружало ее, в чувстве «пре» – превосходно, прекрасно, преинтересно, прездорово и так далее.

Родной, чудный, замечательный Рыжик. И она была влюблена в него! Уж точно не как в брата.

Юлька, Юлька!

Господи, какое же это было лето! Он точно знал, что больше никогда в его жизни не случилось такого потрясающего, искрящегося радостью лета!

Илье было двадцать пять, кандидат наук, и занимался он тем, что нравилось ему до восторженного щемления в груди, аж дух порой захватывало! А впереди ждало все только лучшее! Он знал это, чувствовал и жил с глубоким убеждением, что впереди много долгих интересных лет, наполненных радостью побед, открытий, непременных прорывов в науке. А как же! Они занимались с Игорем Дмитриевичем новым и весьма перспективным направлением и уже добились интересных, неожиданных результатов.

Господи, какое же это было замечательное ощущение – спокойная уверенность в будущем, в себе, в своих силах и возможностях!

Тебе двадцать пять, ты уже чего-то достиг и точно знаешь, что достигнешь еще очень многого, и втайне ото всех гордишься собой, внешне скромничая и небрежно отмахиваясь от похвалы, а впереди звонкое, радостное – и успехи, и звания, и материальная стабильность!

Он до сих пор помнил то состояние души, и воспоминания о том лете были раскрашены для него в яркие цвета, сопровождаемые веселыми голосами, смехом, солнцем. И тугой комок возникал в груди, вызывая боль и сожаление. Сожаление об утраченном, о чем-то, что навсегда, безвозвратно потеряно.

Илья сел на диване, потер лицо, изгоняя тоскливые мысли.

«Чаю, что ли, выпить или чего покрепче?» – подумал отстраненно. Он заставил себя встать с дивана и не спеша пошел в кухню.

– Коньяку, что ли, хлопнуть?

«Ну, коньяку так коньяку – все равно не поможет».

Илья достал из бара бутылку, плеснул немного в бокал, стоявший там же, взял его в руку и подошел к окну, рассматривая улицу.

Он сам все испортил на следующее лето.

Зачем, какого черта он приволок на дачу Ингу?! И почему именно ее?

Илья уже миллион раз задавал себе эти вопросы и не знал на них ответов.

Почему Ингу? Наверное, потому что встречался в тот момент именно с ней и был увлечен, и секс с ней оказался весьма хорош. Даже очень! Девушка Инга отличалась отсутствием комплексов и довольно «крутыми» родителями, хотя в те времена это называлось как-то по-другому. Они буйствовали в постели, Илье в ней многое нравилось, в тот момент он находился в состоянии, когда мужчина еще не все познал в новой подруге и с увлечением занимается открытиями. Будучи влюблен (немного, не до умопомрачения, конечно), заинтригован, с энтузиазмом познавая постельные радости с новой подругой.

Почему? Почему он не привез к Расковым Катерину, например, с которой встречался до Инги? Катя молодец, она умела найти общий язык со всеми и наверняка подружилась бы с Юлькой, стала бы принимать активное участие во всех ее начинаниях, спектаклях, она и сама еще была восторженной, как девчонка, в свои двадцать два года.

Но к Катке Илья уже остыл в то время и легко расстался с ней.

Он же далеко не дурак и видел все пассы и ходы Инги, но ему было пофиг – жениться он на ней не собирался, ни на ком не собирался в то время, упаси господь! Видел и расщелкивал все ее матримониальные планы, посмеиваясь про себя. Девочка сделала на него ставку.

А то!

Молодой ученый с большим блестящим будущим (об этом говорили все, кого она расспрашивала из его окружения) – то, что надо для стабильной, сытой, благополучной жизни.

Барышня оказалась неглупой, события не форсировала и начала атаку с постели, стараясь так привязать Илью к себе, чтобы он и не помыслил от нее сбежать.

Ой, да все понятно и ясно! Он подыгрывал, ничего не обещал, как водится, и получал кайф от телесных утех. А почему нет? Нормальное, иногда сволочное, но ведь нормальное поведение молодого здорового мужика. Да ладно!

Женщин в жизни Адорина всегда имелось предостаточно. Они Илью любили: какие-то делали ставку на него, какие-то нет, были и одноразовые встречи, случались и длительные.

Всякие.

Впрочем, как в жизни каждого нормального мужчины.

Но Инга в силу своего эгоизма не понимала, да и не могла понять отношений, сложившихся у Ильи с Юлькой. И делить его не собиралась ни с кем, даже с маленькой девочкой.

А Юльке досталось первое, такое болезненное и несправедливое разочарование. Илья вытирал

ей слезы, успокаивал и чувствовал ее боль, как свою, ему казалось, что он видит, как уходит от нее детство – разворачивается к ним, сидящим вдвоем под деревом, спиной и уходит.

Его маленький замечательный Рыжик, как же он ее обидел тогда, не поняв, не предугадав, как тяжело ей будет.

Идиот! А вроде умным считался, кандидат наук! Черт бы все побрал!

Если честно, то Илья еле сдерживал хохот, когда Юлька осуществляла свои каверзы. Надо признать, это было весьма изобретательно и смешно на самом деле.

Доставая колючки из волос Инги, специально сел сзади, чтобы та не видела, как он широко улыбается, стараясь не расхохотаться в голос. Илья понял, что задумала эта компашка, когда затащила девушку на глубину под иву, но почему-то не остановил ребят. А бог его знает почему!

Наверное, Илье самому хотелось сбить со своей дамочки спесь и излишнюю надменность, а особенно уверенность, что все, она его захомутила. А может, в силу некой мелкой подлянки в душе? В общем, не остановил, дав детям осуществить проказу, а мог бы остановить, чтобы не усиливать конфликт. И Вовка этот с великом, тоже было нехило задумано!

Да уж, Юлька великий организатор!

А апогей с тахтой!

Это ж сколько надо было пилить эти ножки?! И главное, рассчитать все правильно, вот что значит дочь ученого!

Ах, Юлька, Юлька!

Отправив возмущенную дамочку в Москву и поговорив с Юлькой, он потом целый день ходил сам не свой. Тихая, грустная боль Юлькиного прощания с бесшабашным детством, как заноза, ныла у него в сердце. словно он терял что-то свое, бесконечно дорогое и ценное.

Поздно вечером, когда наказанная по всем правилам воспитательного процесса Юлька и оставшиеся на ночь гости уже спали, они втроем – Игорь, Марина и он – сидели на веранде, пили грузинское сухое вино и покатывались со смеху, вспоминая, что Рыжая натворила с Ингой.

- Больше я сдерживаться не мог и ржал, как больной, когда рухнула тахта, – сквозь смех говорил Илья.

- А колючки в волосах! – подхватила Марина. – Когда я увидела, то успела только извиниться и как рванула за угол, чтобы посмеяться от души! По-моему, Инга обиделась.

- Не бери в голову, – отмахнулся Илья.

- А вдруг ты на ней женишься, она же нам вовек не простит, – произнесла Марина.

- На ней я точно не женюсь! Да и рано мне еще!

- Не скажи, – возразил Игорь, – двадцать пять уж, пора бы!

Илья рассмеялся.

- Я бы подумал над этим, да пока не встретил такую, как твоя Марина!

Они давно уже обращались друг к другу на «ты». Супруги Расковы были старше Ильи лет на десять, и отношения с ними у него сразу сложились не просто дружеские, а близкие, как с родными людьми. Нет, естественно, когда он учился у Игоря Дмитриевича, то обращался к нему почтительно, с глубоким уважением, на «вы» и по имени-отчеству, как положено. Но, познакомившись ближе и подружившись, они как-то незаметно перешли на «ты», чему очень содействовала Марина с ее открытостью.

Илья допил коньяк, оставшийся в бокале, и покачал головой, улыбаясь.

- Молодец, Рыжик!

Конечно, молодец!

Все свои чувства и эмоции она выражала прямо, не пытаясь играть или изображать что-то. Юлька не умела быть расчетливой, хитрой и тем более фальшивой. Ее неистовая рыжая натура требовала только настоящего проявления чувств, без всякого подтекста.

Как же ему было хорошо, когда маленькая Юлька любила его детской, чистой, наивной любовью! Не то чтобы ему это льстило, нет, не совсем так: он принимал это девчоночье чувство как награду, как дополнительное подтверждение собственной удачливости, избранности, ну и, если честно, все-таки как одно из доказательств своей мужской самости и исключительности.

Молодой, глупый стрекозел!

Закрутилась, завертелась последующая действительность, происходящая в стране, разбивая вдребезги, в кровь всю его глупую самоуверенность и чувство защищенности, а вместе с ними и будущее, такое, казалось, блистательное, значимое, проторенное и понятное.

Как в песне Розенбаума: «Что же ты сделала с нами, Родина? Или не видишь? Да не слепая ты вроде бы! Родина, Родина, Родина...»

А что сделала?

Быстро и шумно сломала все до основания, как водится, и выбросила своих детей, как рыбу, на сушу хлюпать жабрами в слепой и глупой надежде на жизнь.

Он и хлюпал, и хрипел, став двух-, трехжильным! Сцепив зубы, сказал себе: я не уйду из науки и не уеду за границу искать сытой ученой жизни!

Сколько боли! Сколько сломанных хребтов, жизней прошло через его поколение! Сколько, казалось, сильных мужиков сдавалось, пропадало в этом перевороте жизни!

Илья имел собственное, образное определение перестройки и последовавшему за ней времени. Как ученый, он определял это так: напряжение в системе превысило критический уровень, и система рухнула - прорвало фоновые трубы, и на свет рвануло с огромной скоростью и давлением накопленное дерьмо, сметая на своем пути слабые объекты.

А то, что слабыми объектами оказалось все население бывшего Союза, правильные и неправильные малые системы, рэволюционеры (именно так, через «э»), открывшие канализационные трубы, не удосужились заметить.

Да к черту эти рассуждения!

Если заново переживать то, что произошло, пропуская через сердце, – другим путем такая боль, к сожалению, не ходит, – оплакивать все глупости, сделанные в те годы правительством и народом в одной упряжке с ним, можно крышей поехать! Или взвыть от тоски по безвозвратно утраченному.

Он вкалывал, как раб, в те годы. Приняв решение, что не уйдет из науки и не бросит любимое дело, Илья вынужден был подрабатывать где только можно: грузчиком, сторожем, писать студентам курсовые и дипломы, делать «левые» программы, писать упакованным халявщикам научные статьи в журналы, ночами заниматься извозом на старенькой отцовской «копейке». Он брался за любой заработок, который подворачивался.

А Юлька стала ему звонить каждый день, вернее, ночь, дома Илья появлялся в одиннадцать в лучшем случае. Остыв от работы, порой и говорить-то не мог, но слушал ее всегда с удовольствием, как дуновение теплого, освежающего ветерка из чудесного прошлого был для него Юлькин голос. Тогда он волевым решением урегулировал эти разговоры, звонил только сам, если был в состоянии еще разговаривать.

Он не удивлялся и не смущался, ловя себя на мысли, что торопится домой: принять душ, поесть, лечь на кровать и позвонить Юльке. Илья нуждался в этих разговорах, как в воздухе, как в утверждении жизни, наперекор всему, как пробивающийся через асфальт росток деревца. Но постепенно он стал звонить все реже и реже, упухиваясь так, что еле дотаскивался до дома, часто среди ночи или под утро. А иногда и вообще приходилось, не заходя домой, идти с одной работы на другую.

Еще раньше Юлька приезжала к ним в лабораторию, но там он был так занят, что почти не замечал ее. Позже, рассматривая нарисованные ею портреты, поражался и очень ею гордился.

У нее очень здорово получалось!

Лица, образы смотрели с Юлькиных рисунков как живые, схваченные в момент какого-то действия, движения. Ясно как день, что она очень талантлива, и Илья не скрывал своего восхищения ею.

Но и Юлькины приезды в лабораторию, и их ночные разговоры по телефону – все пожрала и отняла сумасшедшая реальность, бесконечное, изматывающее зарабатывание хоть каких-то денег, попытки выжить и, сцепив зубы, не уйти из науки.

Илья иногда тосковал по их встречам, ее бесшабашной, заражающей энергии, горящим голубым глазам, задорной улыбке, сбитым коленкам, проказам, по звонкому смеху, вечно выбивающимся из косы кудряшкам. Он скучал по этому маленькому рыжему бесенку.

А жизнь шла своим чередом, в изматывающей беготне за копейку и все такой же радостной, несущей огромное удовлетворение научной работе. В девушках, меняющихся периодически, входящих в его жизнь и уходящих по-разному: кто с истериками и обвинениями, кто незаметно и тихо, кто с влюбленностью и отчаянием.

Так незаметно, стремительно пролетел год и наступил Юлькин день рождения.

Шестнадцать лет.

Игорь предупредил Илью заранее:

- Через месяц у Юльки день рождения. Сегодня утром она нам с Мариной напомнила. Думаю, тебе на этот раз не отвертеться от приезда в наши дали, Юлька тебя ждет.

- Я помню, - скупно ответил Илья.

Он не просто помнил - он не забывал!

Он уже месяц откладывал деньги. чтобы купить ей подарок и обязательно (обязательно!) букет самых лучших цветов.

А как же!

Это ведь Рыжик! Маленькая любимая девочка. Родненькая, как говорит его мама про Юльку, которую его родители обожали, как родную внучку. Наверное, это самое правильное определение - родненькая - маленькое, жизнерадостное рыжее солнышко, звоночек, всегда восторженно принимающий мир и Илью. Родной ребенок, дочка, сестра, все вместе - родной человечек!

Илья сразу решил подарить что-то золотое: колечко, сережки или цепочку. Он освободил полдня и обошел ближайšie к институту ювелирные. Но ему ничего не понравилось, как говорится, «не легло на душу». Он и сам не знал, что конкретно ищет, но это должно было ей подходить. А вот что?

Так как оставалось свободное время, а подарок он не купил, Илья созвонился со своей девушкой, и они договорились встретиться на Арбате. Свидание проходило мирно и чинно, с традиционной розой, кофе и неспешной прогулкой, до тех пор, пока он, подчиняясь импульсу, не завернул в ювелирный.

Девушка расчувствовалась, покраснела от удовольствия, решив, что его интерес к витринам в магазине имеет прямое отношение к ней. Илья старался по мере сил быть галантным и, ничего не объясняя спутнице, сказал только, что ему надо кое-что посмотреть.

Ну действительно, не обижать же даму!

И вдруг, в самом углу правой витрины, он увидел кулон. Илья даже замер, почувствовав, что это Юлькино украшение! Не очень большой бирюзовый кулончик, сделанный в форме сердечка, окаймленного золотым ободком. Илья увидел, как на ее белой коже лежит это сердечко, подчеркивая цвет глаз.

Забыв о спутнице, он тут же купил кулон и цепочку к нему, а вспомнил о девушке только тогда, когда продавщица передала ему бархатную коробочку.

- Почему ты решил, что мне подойдет бирюза? - услышал Илья голос за спиной.

О господи, он про нее совсем забыл!

- Это не для тебя, - не сразу сообразив, что говорит, ответил Илья.

Она обиделась, поджала губки и не разговаривала с ним весь оставшийся вечер.

Да и к черту!

Адорин опаздывал, но все-таки заехал домой принять душ и переодеться, тихо радуясь предстоящей встрече, улыбался, покупая для Юльки большущий букет белых роз, коробку

конфет, шампанское. Улыбался всю дорогу, пока добирался к Расковым в Чертаново, представляя, как она закричит: «Илья!» и кинется ему на шею, а он обнимет ее, зароется носом в рыжие завитушки, всегда пахнущие свежестью и какими-то травами. И пусть не надолго, лишь на мгновение, вернется ощущениями в то лето. Они будут болтать обо всем и ни о чем, Юлька покажет ему свои картины, поделится своими маленькими проблемами.

В предощущении радостной встречи Илья нажал кнопку звонка, продолжая улыбаться.

Двери распахнулись.

Адорин увидел Юльку, и что-то горячее, дурманящее ударило в мозг, в пах одновременно, стирая блаженную улыбку с лица.

Он обалдел!

И не сразу ее узнал. Перед ним стояла девушка, которая напоминала маленькую Юльку, но другая. Совсем взрослая, стройная, с высокой полной грудью, длинными ногами, в маленьком черном платье, подчеркивающим все изгибы и линии фигуры, на высоких каблуках, с красивой прической.

Нет, это просто не могла быть Юлька!

И Илья понял сразу, с ходу, что безумно ее хочет! Всю!

Хочет так, как только может хотеть мужчина женщину! Со всей неистовостью, безудержно, осатанело, неким идущим через века инстинктом, скрытым под налетом цивилизованности.

Прямо здесь! Прямо сейчас! Всю!

У него пересохло в горле, не подчиняясь приказам ума, организм вел себя весьма однозначно, точнее, одна, конкретная, его часть.

Илья не помнил, что говорил, как поздравлял ее, как вошел в квартиру, все усилия разума и воли он направил на то, чтобы справиться с этой неожиданной, как шквал, своей реакцией.

Юлька забрала у него букет и, расстреливая остатки его жалкой силы воли, повернулась и пошла по коридору. Илья был не в силах оторвать взгляда от этих стройных длинных ног, покачивающихся бедер, упругой попки, узкой, выгибающейся по-кошачьи спины, с ужасом осознавая, что совсем тонкая, неосязаемая грань отделяет его от полного помешательства.

Юлька скрылась в своей комнате, и он смог перевести дух.

«Бежать на хрен отсюда!» – в панике подумал Адорин.

Он вспотел от усилий преодолеть себя и понять, что это такое с ним сотворилось. Илья сел за стол рядом с Игорем, стараясь не смотреть на Юльку. Но она пристроилась рядом, постоянно задевая его то локтем, то коленом, вызывая маленькие локальные взрывы в местах соприкосновения, естественно, отдающиеся в центр тяжести мужского тела.

Ни говорить, ни есть, ни пить он уже не мог, все силы уходили на жесткий самоконтроль, борьбу с естественным и... больным, горчащим самообвинением.

Наконец, сославшись на срочную работу, Илья поднялся из-за стола, извинившись за краткий визит, и поспешил к выходу.

Юлька пошла его проводить.

В ее глазах, полных непролитых слез, стояло такое разочарование, что на одно малюсенькое мгновение Илья подумал: а не послать ли все куда подальше? И прижать ее к себе, почувствовать, поцеловать?

«Нет! Нет! Совсем с ума сошел?!» – одернул себя он.

Тут Илья вспомнил о своем подарке и, сцепив челюсти, так, что стало больно зубам, заставил себя рассмотреть в ней того маленького рыжего десятилетнего чертенка, которого нежно и глубоко любил, как родного ребенка.

Он отдал ей коробочку с подарком и уже совсем по-другому, как дитя, прижал к себе Юльку и поцеловал в макушку, но через пару секунд, почувствовав девушку всем телом, быстро отодвинул ее от себя и ушел.

Дом, где он жил с родителями, находился почти в центре, рядом со станцией метро. Илья вышел за две остановки до своей, решив пройтись, остыть и подумать.

Он постоял на выходе из метро, не обращая внимания на спешащих и толкающих его людей, запрокинул голову и посмотрел в неудобное небо, затянутое низкими темными тучами. Потом засунул кулаки в карманы плаща и медленно побрел по направлению к дому.

Он испугался!

А какой нормальный мужик не испугался бы на его месте?!

Вот именно!

Почувствовав отчаянно-неистовое желание, такое, которое уже и не мог вспомнить, когда чувствовал, а скорее всего, вообще никогда не чувствовал – сумасшедшее, лишаящее разума, ударившее в голову.

И к кому?!

Ладно бы это оказалась незнакомая девушка, встреченная на улице, пусть даже совсем молоденькая, как Юлька, на которую он обратил внимание, отметив все прелести молодого гибкого тела, немного помечтав, так, слегка, как любой нормальный мужик, который при виде симпатичной женщины всегда в боевой готовности и легком предвкушении «а может быть...». Но девочка, которую считал чуть ли не дочкой, которой заплетал косички, мазал йодом разбитые коленки и вытирал сопли-слезы!

Он обругал себя всеми возможными словами и даже мысленно побоялся произнести тот эпитет, которым обычно это называется.

Илья испугался. Очень! Такого просто не может быть!

Юлька стояла у него перед глазами, в этом чертовом черном платице, и Илья прямо физически чувствовал, как разрывается его душа пополам между желанием и всеми «нельзя», «невозможно» и «запретно».

Он обругал всех: в первую очередь себя за непонятно откуда взявшуюся страсть, Марину с Игорем, которые позволяют дочери так одеваться, и, конечно же, саму Юльку. Ну, ее-то

вообще больше остальных: за то, что выросла, за то, что вызвала в нем столь обжигающее желание, – за все! Илья вдруг подумал: а ведь не в нем одном она может будить такие страсти, – и его прошиб холодный пот от ужаса! Он даже остановился, когда представил себе кучу мужиков, облизывающихся на его Юльку.

Ну уж нет!

И тут же одернул себя, очередной раз обозвав козлом.

«Маразм! Это шиза! Нет, нет! Не думать, не вспоминать и ничего не анализировать. Просто бежать! Больше никаких встреч и разговоров по телефону, никаких! Есть у тебя Оксана, вот и радуйся!»

Оксаной была та самая барышня, которая обиделась на него за покупку кулона.

«Ничего, – подумал Илья, – как обиделась, так и разобидится. Шампанское, цветы, конфеты и большой трах на всю ночь! Секс, секс и еще раз секс! И все пройдет!»

Он развернулся, не дойдя до дому, поймал такси и поехал к Оксане мириться.

Как вести себя с женщинами, даже обиженными, Адорин знал очень хорошо. Поэтому уже через полчаса после своего приезда к девушке – как полагается, с полным джентльменским набором ухаживания – он уложил ее в постель и неистовствовал почти до утра. А когда дама заснула, утомленная его сексуальным буйством, Илья курил в кухне, и было ему так тошно, как не было никогда.

Он брал девушку сильно, мощно, под ее удивленные возгласы, надо отметить, весьма радостные, и начинал снова, шептал разную ерунду, уговаривал и опять брал. И все это время у него перед глазами стояла Юлька.

Вот такой, понимаешь, марлизон!

Нет, Оксана его не спасет! Это он понял, сидя той ночью в холодной темной кухне, не зажигая света. С Оксаной у него уже все перегорело: неинтересно, скучно и, увы, не заводит!

Надо что-то новое, чтобы влюбиться, загореться и выбросить из головы мысли о девочке Юле!

Через месяц, или около того, Адорин познакомился с Леной. Они встретились самым банальным образом: на дне рождения одного из сотрудников Ильи. Олег, виновник торжества, накрыл небольшую «поляну» в лаборатории для коллег. К ним на праздник пришла его девушка с подругой.

Вот этой самой подругой и была Лена. После коллективной посиделки Илья вызвался проводить барышню до дома. Так они и стали встречаться. Затянуть ее сразу в койку Илье не удалось, пришлось пройти весь путь ухаживания, который он постарался свести, по мере сил, к минимуму. Девушка ему понравилась и скоро чем-то зацепила. Леночка была умненькой, симпатичной, младше его на пять лет и работала в другом НИИ лаборанткой. Оказалось, что с ней можно поговорить о его работе, поверхностно, естественно, не вдаваясь в теории и формулы, но и за это большое спасибо, с другими своими девушками Адорин такого удовольствия не имел, так как они весьма далеко отстояли от науки.

И в постели у них с Леной все замечательно происходило. В общем, Илья, как говорится, «повелся»: увлекся, влюбился и был весьма доволен жизнью. Данной стороной жизни.

Только потом он понял, что стремился именно к этому – влюбиться, увлечься, хотелось, конечно, до одури, но уж как получилось, так получилось, и то хорошо. Он бежал от Юльки, от мыслей о ней, по традиции вышибая клин клином, потому и ухнул с разбегу в новые отношения, иногда искусственно их подхлестывая и что-то додумывая, сочиняя, изгоняя из себя любые воспоминания о взрослом Рыжике.

А Лена, и близко не догадываясь о его резонах и мыслях, вела их отношения, как ей казалось, к весьма логическому завершению – к женитьбе.

И случилось то, что должно было. Однажды она сообщила ему, что ждет ребенка.

- Ты уверена? – задал традиционный тупой мужской вопрос Илья.

- Да, уже два месяца, – потупившись, пролепетала Леночка.

«Как меня угораздило?» – удивился Илья.

Он всегда был аккуратен и осторожен в этом вопросе, не собираясь жениться и попадать в подобную ситуацию. Но как в таких случаях говорится: «Одно неудачное движение, и ты отец!». Куда ж теперь деваться?

Он в первый момент не понял, куда клонит девочка Лена, и мысли о женитьбе, по обыкновению, не промелькнуло в его голове. Но родители Ильи строго отчитали сына.

- Ты должен немедленно жениться на девушке! Как порядочный мужчина! – сказал отец.

- Ильюшенька! – обрадовалась мама. – Это же так замечательно, у тебя будет ребенок! Мы уж с отцом устали ждать, когда ты женишься и у нас появятся внуки!

Разговоры о его женитьбе велись регулярно в требовательно-просящей форме.

- И жить мы будем здесь все вместе, в нашей двухкомнатной квартире, – сопротивлялся и ворчал Илья.

- Ну и что! Зато мы поможем вам с ребенком и с хозяйством! – успокаивала мама. – И не думай увиливать! Мы с тобой разругаемся вовек! Леночка такая хорошая девочка, милая, добрая! Нам с отцом она очень нравится. И тебе уже тридцать один год, Илья!

Сопровивлялся он недолго. Ну, в самом деле, возраст, да и сам виноват, что ж теперь. И если он сейчас не женится, то придется снова с кем-то знакомиться, встречаться-влюбляться. И что? Так до бесконечности?

А ребенок – это действительно замечательно! Значит, решено!

Илья хотел и не хотел, чтобы на свадьбу пришла Юлька.

И оба эти желания были одинаково сильными. Илья соскучился по ней и мечтал увидеть, уговаривая себя, что та страсть, которую он испытал на Юлькином дне рождения, – простое кратковременное помешательство, и все прошло, оставив его чувства прежними, как в былые времена. Но вместе с тем он боялся и не хотел этой встречи, потому что думал: «А вдруг не прошло? Вдруг это всерьез и надолго?» И что тогда делать? Как с этим жить? Чувствовать себя последним растлителем малолетних? Человеком, предавшим близких друзей?

Он представить не мог, что случится, если кто-то догадается о его чувствах. А если эти кто-то

будут Расковы? Что? Застрелиться?

Предсвадебная суета и каторжное зарабатывание денег на данное мероприятие отвлекли Илью от этих темных, тревожных мыслей. Один бы он не потянул сие торжество, но помогли родители, его и Ленины.

Илья сразу увидел Юльку, как только семейство Расковых вошло в ЗАГС, где будущие супруги Адорины ожидали часа своей регистрации. Юлька не подошла к ним с Леной, чтобы поздравить, и вообще держалась за спинами гостей, и он мысленно поблагодарил Юльку за это.

Не фига у него не прошло! Черт бы все побрал!

Не прошло, и стало еще сильнее, глубже. Он не просто ее хотел как женщину, как прекрасное гибкое тело, он хотел ее всю! Всю, с ее голубыми глазами, рыжими непокорными кудрями, с ее жизнеутверждающей энергией, с картинками, мыслями, девичьими глупостями, задорным смехом и настоящим, на всю катушку, умением жить, с детскими воспоминаниями, разбитыми коленками, с ее мироощущением – со всем на свете, что было Юлькой! Твою мать!

Она смотрела на него через весь зал большими обиженными глазами, и его выворачивало наизнанку от этого взгляда. Он заметил, как Юлька споткнулась взглядом о Ленин беременный животик, стиснул зубы и, не осознавая, что делает, сильно сжал ладошку невесты.

- Ой, Илья, ты что? – вскрикнула Лена. – Мне больно!

- Извини, извини, – пришел он в себя, поцеловал и погладил обиженную ладошку. – Я волнуюсь.

- Не бойся, Адорин, это не страшно, – рассмеялась Леночка и прошептала ему на ухо: – Никто тебя бить не будет, папа не захватил ружье!

Илья натянуто улыбнулся шутке, поцеловал Леночку в щеку, повернувшись спиной к Юлькиному голубоглазому приговору.

«Не смотреть на нее! Даже не думать, что она здесь!» – приказал он себе.

Из-за жесткого контроля над своими мыслями Илья и не заметил, как официально стал мужем.

Во время процедуры бракосочетания в переполненном людьми помещении не улыбались только два человека – жених и Юля Раскова, остальные пребывали в блаженно-радостном настроении, соответствующем торжественному моменту.

В ресторане, прилепив улыбку к губам, Илья кивал, благодарил за поздравления, что-то отвечал, принимал подарки, но видел только рыжий всполох среди рассаживающихся за столы гостей.

Потом он наблюдал, как Юлька о чем-то говорила с Игорем, отведя его в сторону, как подошла к ним Марина, и с облегчением и горечью смотрел, как Рыжик уходит.

«Уходи, Юлечка! Скорее! – провожая ее взглядом, думал он. – И, пожалуйста, больше не приходи в мою жизнь!»

Все! Теперь он муж, у него вроде бы любимая жена.

Первые месяцы семейной жизни ему очень помогало то, что он работал по двадцать часов в сутки. Илья так был загружен, что ни на мысли, ни на глупые сожаления не оставалось ни времени, ни сил. Постепенно он привык, втянулся в семейный быт и чувствовал себя в нем комфортно, порой удивляясь: отчего он боялся женитьбы?

А потом родился Тимошка, и в жизни Ильи все изменилось, расцвело такими красками и чувствами, о которых он и не подозревал!

Адорин так любил своего сына, что каждый раз, когда брал малыша на руки, что-то сжималось внутри и перехватывало горло от нежности, любви и страха за него.

ЮЛЯ

У Ильи и Лены родился Тимофей!

Этот человечек изменил жизнь не только своих родителей, бабушек и дедушек, но и Юлькину, примилив девушку с потерей Ильи и его совсем другой жизнью.

Когда Лена родила, счастливый и слегка поддатый папаша обзвонил всех друзей и родственников, гордо и шумно сообщив о выдающемся событии.

- У меня сын родился! - орал он в трубку, позвонив Расковым. - Мы все, и вы в том числе обязательно, едем забирать маму с ребенком из роддома!

- Поздравляю, Ильюша! - обрадовалась Марина и, заражаясь его настроением, тоже прокричала в трубку: - Когда забирать?

- Я сообщу, будьте готовы!

Лену с малышом выписали через пять дней. Расковы собирались на торжественную встречу, и мама осторожно поинтересовалась у Юльки, выразив их с папой тревогу:

- Юлечка, может, тебе не надо ехать?

- Не переживайте, родители! - весело ответила Юлька. - Все мои глупые влюбленности в Илью в прошлом! Вы оказались правы, это было детство!

Папа переглянулся с мамой и спросил:

- Ты уверена, Рыжик? Может, поосторожничаем?

- Ерунда! - отмела их сомнения Юлька. - Честное слово, все прошло!

Решение, принятое в вынужденно проведенный в постели похмельный день, Юлька воплощала в жизнь со всей страстностью.

«Он только мой друг! Только друг, и больше никто! - повторяла она, как заклинание, целый месяц, а для большей убедительности добавляла: - И не самый близкий друг, теперь не самый!»

Расковы опоздали и подъехали к роддому в такси, когда Лена с ребенком, окруженная родными и друзьями, стояла на крыльце. Новорожденного передали Илье, а молодую маму завалили букетами цветов, кто-то тут же открыл шампанское, все смеялись, радовались, бестолково рассаживались в машины. Юлька энергично протолкалась в центр, смеясь,

поздравила и расцеловала Илью и Лену и вручила ей огромную связку гелиевых воздушных шариков.

Праздник должен быть праздником! Поэтому и шарики, решила Юлька. Все встречавшие заталкивали их в машины, но они норовили ускользнуть, вызывая взрывы смеха, когда кто-то кидался ловить непослушный разноцветный шарик, быстро улетающий в небо.

Так же бестолково, шумно, суетясь, гости выбирались из машин, приехав к дому Адориных. В этой радостной суете Юльке, первой выпорхнувшей из машины, сунули в руки ребенка, упакованного в одеяльце, перевязанное голубой лентой.

Юлька замерла, перепугавшись, что что-то не то сделает, но сразу успокоилась, приподняла край одеяльца и посмотрела на малыша.

Он спокойно лежал, не спал и... улыбался! Представляете?! Это маленькое чудо, пяти дней от роду, улыбалось!

У Юльки что-то тоненько зазвенело внутри, и навернулись слезы восторга! Она полюбила Тимошку сразу, с ходу, как только взглянула в его личико и увидела эту улыбку!

Прекрасный, самый важный и чудесный человечек на земле!

Очень осторожно прижав его к себе, Юлька внесла Тимошку в квартиру и уложила на кровать, не слыша и не замечая суеты вокруг.

Ее оттеснили от кровати, развернули одеяльце на ребенке, родные и друзья столпились вокруг малыша, ахая и охая от восторга. Она стояла в стороне и боялась расплескать полученное сокровище: ощущение прекрасного, нежного и радостного, вошедшего в ее жизнь.

В метро, когда Расковы возвращались домой, Юлька притихла и думала: «Справилась! И вела себя как нужно – только друг! Приняла участие в празднике, поздравила, дружески расцеловала, и все!»

От этой бравады ей стало тоскливо.

«И полюбила этого маленького человечка! Сразу! Как и его папашу когда-то! И ни черта я его не разлюбила! И не разлюблю, хоть всю жизнь буду повторять, что он мне только друг! Теперь стало еще хуже!»

Она не плакала. А зачем? Слезы ей не помогут, выплакать то, что болит, невозможно, как и изгнать из себя безнадежную любовь. Значит, надо привыкать с этим жить.

Для бескомпромиссной и деятельной Юльки жизнь с проблемой внутри, у которой нет решения, – как смертельный, расстрельный приговор. Как пишут в милицейских протоколах: «Умер от ран, несовместимых с жизнью». Вот и у нее появилась такая рана.

Несовместимая.

Но жить все-таки приходилось.

И, приняв новое «важное» решение – не думать об этом, не чувствовать, не вспоминать (болит, ну и пусть себе болит), – Юлька жила дальше, занятая насущными проблемами: окончанием школы и поступлением в институт.

При поступлении не обошлось без приключений.

Юлька решила поступать в Суриковский. Собственно, ни у кого и сомнений не было куда – естественно, она станет художницей, ну не программистом же!

Художественную школу Юлька окончила с отличием, в десятом классе увлеклась дизайном интерьеров, ходила в студию дизайна и твердо знала, чем хочет заниматься в жизни.

Вот в таком замечательном, утверждающем настроении она пришла подавать документы в институт. В поисках приемной комиссии Юлька остановила какого-то молодого человека и спросила с серьезным лицом:

- Где у вас тут на художников принимают? На этих, Серовых да Репиных?

- А здесь! – в тон ей ответил мужчина.

- Понятненько! Значится, отсюда Церетели выходят!

- Ну, кому как повезет! Говорят, для этого талант нужен, – съязвил незнакомец.

- Ой, да ладно! – отмахнулась Юлька, «кося» под простоту. – Тут мазнул, там слепил чегой-то, вот тебе и талант!

- Может, вам в другой институт надо, барышня? Боюсь, что «мазнул» и «слепил» здесь, как говорится, «не канают»?

- Не-а! – не согласилась Юлька.

Она достала из сумки яблоко, внимательно его рассмотрела и пояснила тоном капризной дурочки:

- В художники хочу! – и смачно откусила от яблока.

- Да уж! – удрученно вздохнул молодой человек и указал рукой направление. – Приемная комиссия там.

- Премного благодарна! – не вышла из образа Юлька.

Незнакомый молодой человек оказался преподавателем, принимавшим у нее экзамен по рисунку. Когда он увидел Юльку, входившую в аудиторию вместе с остальными абитуриентами, то схватился за сердце.

- Барышня! – возроптал экзаменатор. – Может, вы пробовать не будете? Зачем терять время, мое и свое? Шли бы в педагогический!

- Нет! – решительно ответила Юлька. – Пробовать я буду!

И сдала экзамен на «пять»!

И понеслась ее студенческая жизнь среди оторванных бесшабашных художников. При Юлькиной неординарной внешности, организаторских способностях, неиссякаемой энергии, юморе и жизнерадостности она сразу оказалась в центре внимания своего курса, а скоро и всего института.

Юлькина неуемность, умение заразить окружающих собственными идеями и их исполнением и огромное желание быть занятой так, чтобы и намек на мысли об Илье не прошелестел в головушке, напоминая о хронической внутренней боли, вызывали новые задумки и втягивали ее в разные проделки.

Вспомнив свои детские постановки, заразив идеей массу народа, она воплотила в жизнь такой новогодний концерт, что пришлось его показывать много раз. Разговоры о потрясающем концерте, который подготовили первокурсники, гремели по всему институту, приходил смотреть ректор, сидел в первом ряду и смеялся громче остальных.

Она принимала участие во всех бомондовских институтских тусовках, а как-то предоставила свое тело для бодиарта двум старшекурсницам, которых пригласили для этого на крутую вечеринку модельеров. Юльку там много раз фотографировали в разрисованном виде. Две ее фотографии попали в один из глянцевого журналов, где печатался обзор этой вечеринки, сопровождаемый снимками.

Журнал Юлька торжественно продемонстрировала родителям, чем довела любимого папу до предынфарктного состояния.

- Дочь! - возроптал отец. - Ты совсем с ума сошла! Ты же голая!
- Не голая, - смеялась Юлька, - на мне краска! Много краски!
- А мне нравится, - заступилась мама. - По-моему, красиво получилось, и трусики на ней есть.
- Красиво?! - возмутился папа. - На всю страну голой грудью протрясла!
- Да ладно, па! Классно же получилось! - не испугалась отцовского гнева Юлька. - Ну, признайся!
- Красиво, я не спорю, - нехотя согласился он. - Но видеть на фотографиях голую дочь - это выше моих сил!
- Не журишь, отец! - хохотала Юлька. - Видеть красиво разрисованную голую дочь совсем не стыдно! Тем более за слоем краски груди почти не видно!

Юлька «зависала» в студенческой общаге, принимая участие в спорах, сопровождаемых спиртным (ну, без него никак, тем более в студенческих общагах), песнями под гитару, рисованием «на спор», кто быстрее и талантливее, и всеми попутными развлечениями.

Однако Юля Раскова ни в кого не влюблялась, избегала поцелуев и любых намеков на интим. И никогда ни с кем не спала, несмотря на всю бесшабашную разудалость художественной среды, помноженную на студенческое отсутствие комплексов.

С ней заигрывали, приставали, намекали и говорили открытым текстом, всячески пытались затянуть в постель, но Юлька вела себя грамотно: не напивалась, ни с кем из юношей не оставалась наедине и не попала ни на одну «подставу».

Нахрапистые попытки ее соблазнить или откровенно затащить в койку очень скоро прекратились, уступив место настойчивым, серьезным ухаживаниям, однако она все переводила в шутку, отделяваясь загадочной фразой:

- Я встречаюсь только с любимым мужчиной.

Парни решили, что у нее есть кто-то вне стен института, и отстали, стараясь сохранить с ней хорошие отношения.

Вот так весело, шумно, разухабисто, порой на грани фола, протекал первый год Юлькиной студенческой жизни, что, впрочем, никак не мешало ей великолепно учиться. Она успевала все: и учиться, и ударяться в «разгуляево», и выполнять хозяйские домашние дела, как и раньше.

На лето строились грандиозные планы. Они со своей студенческой компанией собрались в Крым, под Симеиз. Осваивать туристический отдых в палатках и попутно рисовать – места там сказочные и пейзажи необыкновенные, а заданий по рисунку хватало. Поездка намечалась на июль, сразу после сессии.

Но этим планам не суждено было осуществиться.

В Юлькину жизнь снова ворвался Илья, одним махом перечеркнув все ее титанические усилия, направленные на то, чтобы забыть его.

Это несправедливо! Она так старалась, она заняла себя выше головы учебой, развлечениями, веселой компанией, студенческой жизнью! Ей почти удалось этот год, после рождения Тимошки, не думать и не вспоминать об Илье, стараясь превратить свою жизнь в большую обезболивающую таблетку!

И вот опять!

Ну за каким чертом так складывается эта дурацкая жизнь?! А она вообще несправедлива, по определению! Беда, которая случилась у Адориных, подтверждала и утверждала закон несправедливости жизни!

ИЛЬЯ

Илья всегда торопился домой, чтобы взять поскорее Тимошку на руки, расцеловать, поносить его по квартире, уложить самому спать. Ради этого он стал приходить домой обедать, чтобы подольше побыть с сыном – урвать у беспросветной жизни несколько счастливых минут.

Вот как Илья его любил!

В отупляющем беге за заработком он долгое время не замечал, что в семье не все ладно. Началось с того, что у Ильи не сложились отношения с тестем и тещей. Не то чтобы они его ненавидели, но и особой любви не испытывали. Ленины родители все чаще начинали поругивать зятя за то, что он мало зарабатывает.

Не такого счастья они желали дочери, не такого!

– Бросал бы ты, Илья, свою науку! – говорил тесть, когда они с тещей приходили навестить внука. – Бегаешь целыми днями, дома не бываешь, а заработка чуть! Я могу тебя пристроить к своему знакомому, в фирму, им программисты нужны.

– Я не программист! – заводился Илья. – Тогда уж лучше мясником на рынок, там у вас знакомых нет?

– Нет! – повышал голос тесть. – А что ты возмущаешься? Я дело говорю!

- Действительно, Илья, нельзя же так много работать, как ты, и так мало получать, - подхватывала теща. - Ну, ученый ты, и что? Ученые нынче не в чести, да и нищие все, даже академики!

Илья взрывался, уходил из-за стола. Эти разговоры становились настойчивее и агрессивнее. Лена полностью разделяла мнение родителей, но старалась давить на мужа не так уж прямолинейно, а заводила разговор исподволь.

Как-то Илья вернулся с работы около часа ночи, жена не спала, ждала его.

- Мне надо с тобой поговорить, - сказала она, подавая поздний ужин.

- Что-то с Тимошкой? - испугался Илья.

Он теперь все время пугался за сына, нормальное состояние любящих родителей. Тимошке было уже полгода, упитанный, весь в детских перетяжках, улыбающийся большую часть времени, крепыш. Чудо-ребенок!

- Нет, нет, с ним все в порядке, - успокоила его Лена. - Я сегодня разговаривала с Ирой, она предложила мне работу.

- Какую? - спросил он.

- В том-то и дело, что это очень интересная и хорошо оплачиваемая работа!

У Леночки горели глаза от представляемой перспективы, и Илья понял, что она уже все решила.

- Лен, у нас же Тимка.

- Ильюша! - заторопилась она выложить свои резоны. - Это очень, очень интересно! Понимаешь, у Иркиных знакомых своя туристическая фирма, и там совершенно случайно освободилось место. На него миллион желающих, мне очень повезет, если я завтра успею выйти на работу раньше всех претендентов!

- Завтра? - удивился он.

- Да, завтра! - решительно ответила Лена.

- И что же это за работа расчудесная такая?

- Сопровождающим групп за границу! Английский я знаю, а остальное, Ирка сказала, не сложно, я быстро научусь.

- Это значит, что ты будешь уезжать на несколько недель? А как же Тимошка?

- А что Тимошка? Он останется с бабушкой, мама твоя на пенсии, грудью я его не кормлю. Буду скучать, конечно, но ведь такой шанс не всем выпадает!

- Подожди, - остановил поток восторгов Адорин. - Значит, ты будешь постоянно в разъездах, а маленький ребенок останется без мамы? Я правильно понял?

- Илья, я все решила! - сказала она, отменяя любые возражения. - Во-первых, я никогда нигде не была, такая возможность посмотреть мир да еще деньги за это получать - подарок судьбы! А

во-вторых, это хорошие деньги! Посмотри, как мы живем! Ты сутками работаешь, тебя постоянно нет дома, а денег как не было, так и нет! Мы во всем себя ограничиваем, копейки эти дурацкие считаем! Я себе не то что платье, колгот лишние купить не могу!

- Лен, Лен! Остановись! Не так уж мы и бедствуем, и колготы ты себе лишние не покупаешь, потому что у тебя их пар десять нераспечатанных лежит! Ты уж не усердствуй очень, стараясь меня унизить. Ладно?

Ленка смутилась. Она перегнула и понимала это. Двадцатичасовой рабочий день Ильи приносил неплохие, по нынешним временам, деньги, конечно, далеко не такие, как мечталось, но не бедствовали Адорины уж точно!

Илья разозлился, однако взял себя в руки, стараясь не пустить раздражение в разум и быть объективным.

- Я не против того, чтобы ты работала, если ты так решила и хочешь этого, но мне кажется, Тимошка еще слишком маленький, ему мама нужна. Может, когда ему годик исполнится, тогда подумать о работе?

- Тогда поздно будет, и я это место уже не получу! Я вообще-то не советуюсь с тобой, а ставлю в известность о том, что завтра выхожу на работу.

- Тогда чего ты от меня хочешь? Благословения? - спросил он устало.

- Я хочу, чтобы ты меня понял и поддержал.

- Я свое мнение высказал. Тимошке рано оставаться без мамы так надолго. Ты решение приняла, это твой выбор.

Он так устал, что не мог ни уговаривать Лену, ни толком сообразить, чем им всем грозит ее выход на работу. Может, действительно так лучше? Ведь справится его мама с Тимошкой?

А маму, между прочим, никто не удосужился спросить. Лена, так же, как и Илью, поставила ее перед фактом, пропустив мимо ушей робкие попытки возразить.

Лена вышла на работу и, пройдя месяц обучения, начала ездить с группами по Европе. Две-три недели в месяц ее не было дома. Тимошка стал капризничать, он скучал по маме. Бабушке было с ним трудно, отец Ильи еще работал, а сам Илья редко появлялся дома.

Месяца через три произошло еще одно неприятное для него событие, ставшее переломным в их с Леной семейных отношениях. Да там и ломать-то было нечего, потому что ничего они не удосужились построить. У Ильи не хватало ни сил, ни времени, чтобы остановиться, пообщаться с женой, узнать ее получше, а Лену, похоже, все и так устраивало.

В то время происходило массовое бегство за рубежи Родины его коллег по науке. Как недавно сказал Жванецкий: «Кто ж знал, что, когда откроются «окна», наука выпрыгивает из окон?»

И, как водится, когда спрос определяет предложение, появились бойкие ребятки от науки, названные «вербовщиками». Во всех областях академической науки были свои вербовщики, которые знали, что происходило в данном направлении и кто интересен и перспективен в той или иной области. Они «подкатывали» к кандидату за рубеж с конкретными предложениями, брались подготовить его к обязательному собеседованию, которое было, кстати, весьма непростым.

Люди сваливали косяками, становясь лабораторными рабами у сытых американских ученых, вернувшись во времена докандидатской пахоты в лабораториях. Правда, в очень крутых лабораториях, но от этого не легче. Никто и не собирался разрешать эмигрантам заниматься своими разработками и темами. И наши ученые, не умея работать и не думать, дарили собственный талант на благо карьеры заграничных профессоров. Спустя десятилетие из них пробились единицы, из сотен, (сотен!) рванувших к мнимой сытой жизни, добились ее единицы!

Но это спустя десятилетие, а тогда выпрыгивание из окон Родины находилось в самом разгаре.

К Илье в институте тоже пару раз «подкатывали», вербовщики уговаривали и настойчиво предлагали новую работу, расписывая перспективы, но он объяснил ребятам свой взгляд на данную проблему и успокоился, решив, что на том все и закончилось. Ан нет!

В один редкий выходной, когда вся семья Адориных была дома, к Илье пожаловал вербовщик, на сей раз женщина. Она сослалась на рекомендацию его коллеги и хорошего знакомого.

Илья не хотел ее пускать в дом, заранее зная, о чем пойдет речь, но Лена пригласила даму зайти и предложила чаю.

- Илья Андреевич, думаю, вы знаете, с каким предложением я пришла? - спросила женщина, принимая чашку чая у Леночки.

Он промолчал.

- С каким? - заинтересовалась Лена.

Дама подробно принялась описывать перспективы и зарплату, присовокупив дом, машину и возможность заниматься любимым делом на самом современном оборудовании.

- Мне это неинтересно, - ответил Илья безразлично. - Я не собираюсь уезжать из России.

Дама уговаривала, повторила несколько раз все перспективы, пообещала, что они еще встретятся, и на прощание протянула ему свою визитку. Илья не взял и демонстративно засунул руки в карманы брюк.

Вербовщики были хорошими психологами. Увидев, что у Леночки загорелись глаза, но спорить и уговаривать мужа при посторонних она не станет, женщина протянула визитку ей. Лена взяла.

И, закрыв дверь за незваной гостьей, сразу ринулась в атаку.

- Илья, ты что?! Почему ты отказался? Это же шанс!

- Какой? - спокойно спросил Илья, поморщившись.

Он повернулся к ней спиной и пошел в кухню допивать чай.

- Как какой?! Прекрасный и, может, единственный! - следуя за ним, повышая голос, начала наступление Леночка. - Ты же сам говоришь, что наука умирает, не финансируется, закрываются программы, оборудование устарело! А ваши зарплаты!

- Лен, я никуда не уеду! Все, тема закрыта!

Может, для кого-то она и закрыта, но только не для Лены, начавшей атаку.

- А ты обо мне и Тимошке подумал? Ты хочешь, чтобы мы с тобой оба так и горбились до смерти? А какое в этой стране у ребенка будущее?

- Лен, - предупредительно рыкнул Илья.

- Что Лен?! Ты эгоист, даже ради ребенка не хочешь ничего менять! Там такие перспективы для тебя, для твоей работы, для жизни!

- Это иллюзия, Лена. Наши, конечно, зарабатывают там больше, чем здесь, во много раз, никто не спорит, и на машинах ездят, в Америке все на машинах ездят, но никаких шикарных домов и офигительных заработков у них нет!

- Неправда! Многие твои коллеги поуждали, и все счастливы! Ты только подумай, какое образование там получит Тимошка!

- Хреновое там образование! - заорал Илья, не выдержав. - Поняла? Хреновое! У нас в стране в самой задрипанной школе образование в сто раз лучше! У них старшекласники не знают, где Европа находится, а уж синус и косинус изучают только в институте! Для них Вторая мировая война - это та, в которой американцы победили весь мир! Я никуда не поеду! Я не хочу уезжать из своей страны! Я не хочу жить среди американцев и поднимать их науку, все достижения которой направлены против России! Это понятно?!

На его крик прибежали перепуганные мама с папой. Лену не остановило возмущение мужа, и она начала жаловаться родителям, объясняя, от чего он отказывается, попутно обвиняя его в эгоизме и недалёковидности.

Илье захотелось ударить жену.

Он отодвинул ее с дороги и выскочил из кухни.

На следующий день Лена уехала с очередной группой, и Илья облегченно вздохнул. Он не мог ей рассказать о том, что думает, что переживает сейчас. Да она, скорее всего, и не поняла бы, о чем он, а у Ильи не возникало потребности поделиться с ней тем, что наболело и что так мучило.

Вот с Юлькой он бы поговорил. Он выложил бы ей все свои мысли о работе, о состоянии науки в стране, поведал бы о собственных страхах и непонимании того, что происходит, о недоумении и растерянности в душе. И Юлька бы его поняла, почему-то в этом Илья не сомневался.

Он по ней скучал! Господи, как же он по ней скучал!!!

До этого момента Илья как-то не задумывался об отношениях с женой. Ну, женился и женился, ну, живут вместе и живут, как все. Растят ребенка, занимаются редким дежурным сексом, а что он чувствует к ней - господь знает?

Что-то сломалось в нем после того разговора с Леной.

Илья снова лег на диван и посмотрел в потолок.

Тогда он первый раз почувствовал, что Лена совершенно чужой ему человек. И, что самое страшное, - нелюбимый!

- Надо было тогда разводиться! - сказал он, обращаясь к белому потолку. - Лена была занята, Тимоха с бабушкой, а значит, остался бы со мной. И может, не случилось бы той беды.

Но тогда он об этом не думал. Констатировал про себя, что не любит ее, и жил дальше. И первый раз изменил, встретив случайно на улице Катюку, такую же веселую и бесшабашную, как раньше. Никто не заметил потери бойца - Илья часто не ночевал дома, работая до утра.

Весело и радостно отметили день рождения Тимошки - год! Первый год его жизни! Пришли родственники, друзья, в том числе и Расковы, но без Юльки, в этот день она сдавала экзамен.

Илья мысленно перекрестился.

«Вот и ладно, от греха подальше, а то и так хреново!»

С Леной они больше не возвращались к разговору об отъезде, но отношения их стали холодными, натянутыми, впрочем, супруги почти совсем не виделись, что спасало их от окончательного разрыва.

Но в дом пришла беда с другой стороны.

Лена была в командировке, у Ильи выдалось полтора свободных дня - полсубботы и целое воскресенье. Родители собирались в гости к друзьям на дачу на все выходные, с вечера пятницы по понедельник, с Тимошкой. Из-за него и согласились ехать, надо же ребенка на природу вывезти. Это была пробная вылазка, посмотреть, что и как. Друзья уговаривали старших Адориных пожить с Тимошкой у них на даче все лето. Илья высказался «за» - конечно же Тимохе на природе лучше, чем в городе, какие могут быть сомнения! Но в этот раз решил понынчиться с Тимошкой сам.

- Я его совсем не вижу, а тут целых полтора дня выходных! Вы езжайте, вам тоже отдохнуть надо и от него, и от меня.

- А может, все-таки нам взять его с собой? - спросила мама, складывая вещи для дачи в сумку. - Тебе ведь очень отдых нужен, ты слишком много работаешь. Выспался бы, поленился, повалялся на диване.

- А мы с Тимохой вместе выспимся и на диване поваляемся, - рассмеялся Илья, поцеловал сына в пухлую щечку и прижал к себе. - Я по нему очень скучаю. Мы тут своей мужской компанией. Правда, сынок?

- Вда! - согласился ребенок.

Какая сила шепнула Илье тогда, что надо оставить сына дома? Ведь был соблазн поддаться на мамины уговоры и поспать влать да тупо поваляться перед телевизором на диване, никуда не спеша и задвинув все дела!

И эта мысль ой как привлекала Илью! Он уже и забыл, когда отдыхал.

Но что-то сверху, какая-то мистика или ангел-хранитель маленького Тимки, заставило его настоять на своем решении побыть с сыном!

Маршрутка, в которой ехали его родители к друзьям на дачу, столкнулась с грузовиком, большинство пассажиров погибло на месте, а маму с папой и еще двоих человек в тяжелейшем

состоянии отправили в больницу. Их спасло то, что они сидели в середине салона на двойном и хорошо закрепленном сиденье.

Накормив Тимоху обедом после прогулки, Илья уложил его спать. Как раз в это время раздался звонок телефона, и гаишник безразличным официальным тоном сообщил страшную новость.

- Живы? - холодея от страха, спросил Илья.

- Живы, но сильно пострадали.

Илья вдохнул, оказывается, он перестал дышать, и торопливо на каком-то обрывке бумаги записал номер и адрес больницы, куда их доставили.

Положив трубку, кинулся обуваться и остановился.

Тимошка!

Ленины родители отдыхали в Сочи, она достала через свое агентство две бесплатные путевки для них.

Так, парня надо куда-то пристроить на время!

Илья постоял, подумал, перебирая в уме друзей, знакомых и родственников, и понял, что есть единственные люди, которым можно без сомнений и тревоги доверить сына.

Стараясь не суетиться, он собрал Тимошкины вещи, продукты для него на день, отнес сумку и летнюю коляску в машину - хорошо, что он не поставил ее вчера в гараж. Машина была совсем старенькой, но пока держалась, бегала, выручая его. Илья закрепил детское креслице сзади, за водительским сиденьем, вернулся в квартиру и взял спящего Тимошку.

Звонить он не стал, приехал наудачу.

Дверь открыл Игорь.

- Илья! - обрадовался он. - Вот так сюрприз, да еще с Тимохой!

Но, присмотревшись к Илье внимательней, изменился в лице и спросил другим, напряженным тоном:

- Что случилось?

- Родители попали в аварию, живы, но в тяжелом состоянии, мне надо в больницу, Лена за границей, ее родители в Сочи, - быстро и четко изложил он ситуацию.

- Давай, - сказала подросевшая Марина, забирая у него Тимоху.

- Я сейчас его вещи принесу из машины.

- Я помогу, - Игорь Дмитриевич быстро надел обувь.

- Что за шум? - поинтересовалась Юлька, выходя из своей комнаты, и остановилась, словно налетела на стену, увидев Илью. - Привет, Илья.

- Привет, Рыжик, - ответил он и попытался улыбнуться.

- Идем, - поторопил его Игорь.

Когда они вернулись, проснувшийся Тимошка, звонко смеясь, подпрыгивал у Юльки на коленях.

- Я вижу, сын в надежных руках, - произнес Илья без эмоций.

- Я с тобой поеду! - решительно проговорила Юлька, отдавая ребенка маме. - Тебе помощь нужна.

- Не надо, - отказался Илья.

- Надо! Я быстро!

Юлька метнулась рыжей стрелой в комнату, выскочила из нее через минуту и на ходу обула босоножки.

Можно было и не спешить. Шла операция. Как объяснил Илье врач, родители сильно пострадали: у обоих множественные переломы, ушиб головы, открылось внутреннее кровотечение, а у мамы разрыв селезенки. Сейчас самое главное, как пройдет операция, а дальше...

- Дальше посмотрим, - устало сказал врач.

Потянулись долгие, страшные часы ожидания. Илья с Юлькой ни о чем не говорили, молча сидели, стояли, шагали по длинному коридору, боясь далеко отходить от заветной двери операционного блока.

Юлька интуитивно вела себя так правильно, что, скорее всего, именно ее присутствие дало Адорину силы держаться в эти жуткие, похожие на пытку часы. Как совсем юная девочка почувствовала, что надо делать и как вести себя? Она не плакала, не сделала ни одного жалостливо-успокаивающего жеста, не говорила никаких пустых и не нужных в тот момент слов, вообще ничего не говорила. Юлька держала Илью за руку, и в ее глазах отражалась его боль, словно она была одна на двоих. Его маленький, сильный и мудрый Рыжик! Спасительница и мучитель!

Когда уставший врач, не тот, который говорил с ними, а другой, видимо, оперировавший кого-то из родителей, вышел к ним и сказал, что все в порядке - у обоих операции прошли успешно, и есть шанс, что пациенты поправятся полностью, - Юлька разрыдалась. Она громко плакала, прижимая ладони к щекам, и все повторяла:

- О господи! О господи!

- Что ж вы плачете, девушка? - удивился доктор.

- От счастья! - заливалась слезами Юлька.

Илья обнял ее одной рукой за плечи и прижал к своему боку, стараясь успокоить.

- К ним можно? - спросил он врача.

- Ни боже упаси! О чем вы говорите! - снова удивился их бестолковости доктор. - Они еще не пришли в себя после наркоза, разговаривать, двигаться и тем более волноваться им обоим категорически запрещено!

- Но за ними следить нужно, я не знаю, уход какой-то! - растерялся Илья.

- Наухаживаетесь еще! - махнул врач рукой. - Несколько суток им будут вводить обезболивающее постоянно. Операция-то прошла успешно, но самое трудное впереди: как справятся их организмы с травмами в послеоперационный период. Идите домой и обязательно отдохните, выспитесь, вам нужны будут силы. Приходите завтра, после двенадцати, раньше все равно к ним не пустят. Если состояние ухудшится, вам позвонят.

- Как ухудшится?! - ахнула Юлька.

- Все может быть. Оба не молодые, а возраст.... Будем надеяться на лучшее. Оставьте свой телефон у дежурной медсестры, она вам расскажет, что надо приносить.

Юлька настаивала, чтобы они ехали к ним домой, и дважды повторила медсестре свой номер телефона.

- Я записала, девушка, - сказала медсестра. - Я записала оба номера, не волнуйтесь! Идите с мужем домой и постарайтесь выспаться. Вы знаете, сколько времени?

- Сколько?

- Полтретьего ночи, или утра уже.

- Он мне не муж, - невпопад произнесла Юлька.

- Да какая разница, - устало ответила медсестра, отмахнувшись.

Расковы не спали, ждали. Насильно усадили Илью за стол и уговорили поесть, а Юлька рассказывала, как дела, Адорин говорить не мог.

Его уложили в Юлькиной комнате, на ее кровати, а Юлька спала в гостиной на разложенном диване, в обнимку с Тимошкой.

Илья боялся, что Юлька может расплакаться, увидев его родителей. Конечно же, она поехала с ним на следующий день, остановить ее он не смог, да особо и не сопротивлялся. Но Юлька не расплакалась, наоборот, улыбалась, держала их за руки. И бодрым, очень убедительным голосом объясняла, что доктор рассказал, какие сложные у них были операции, но хвалил обоих, говорил, какие они молодцы и что у них прекрасное здоровье, поэтому они быстро пойдут на поправку! И самое главное, никаких страшных и опасных для жизни повреждений у них нет, просто их много, этих повреждений, но все они не опасные.

Ура!

Она оказалась так убедительна, что даже Илья был готов поверить во все, что она говорила. За одно то, что его мама улыбалась, слушая Юльку, и сделала попытку кивнуть, соглашаясь, он с благодарностью мог встать перед Рыжиком на колени.

Оставив Тимошку у Расковых, благо было воскресенье, Илья приехал домой, позвонил в Ленино агентство и узнал, как с ней связаться.

- Лен, привет, это я.

- Что-то с Тимошкой? - перепугалась жена, услышав его голос.

- Нет, с ним все в порядке, мои родители попали в автокатастрофу.

Илья рассказал ей подробности, что и как произошло и в каком они сейчас состоянии, и спросил:

- Ты можешь приехать?

- Нет, Ильюшка! Это так ужасно! Но я никак не могу бросить группу, меня заменить некем! Самое ужасное, что я остаюсь на следующую группу, на две недели - эту отправляю, а другую встречаю!

- Лен, я не смогу разорваться между работой, родителями и Тимошкой! Тебе надо возвращаться срочно. Поговори с руководством, если надо, то я подъеду и объясню ситуацию!

- Ильюшечка, милый, это невозможно! Меня попросили остаться на вторую группу, платят двойную ставку, у нас две сопровождающие заболели! Это просто невозможно! Я вернусь через двадцать пять дней!

- А твои родители? Они смогут приехать, взять на себя Темку?

- Ну что ты! Я с таким трудом им путевки достала! Они только три дня как приехали, не срывать же их! Родители сто лет никуда не ездили, а тем более так - «Жемчужина», полный пансион, пляж! Ну, извини, Илья, но мне кажется, им и сообщать не надо, зачем людям отдых портить?

- Лен, ты что, не понимаешь! - взревел Адорин. - Мои родители в реанимации, еще неизвестно, выкарабкаются ли они! За ними уход нужен, а у меня работа и Тимка на руках! Лен, ты хоть догнала вообще, о чем я говорю?!

- Что ты кричишь?! Я все поняла! - резко ответила она. - Но ты тоже пойми, я не могу сейчас приехать и мои родители тоже! Ну не ходи на свою работу!

- На какую именно, у меня их несколько?

- На все не ходи, или найди няню, или друзей попроси помочь.

Она продолжала что-то говорить, давать ему советы, но Илья положил трубку. Он посидел, посмотрел на телефон, не понимая, как столько времени прожил с чужим человеком, и решил позвонить тестю с тещей. Илья вдруг подумал: может, отвезти Тимку к ним в Сочи, раз такое дело, а что?

Они выслушали его, посочувствовали, теща немного всплакнула, поохала, но от встречи с внуком отказалась под благовидным предлогом.

- Что ты, Илья, тут ужасная жара, ему нельзя на такое солнце, Тимошка может заболеть.

- Понятно, - сказал Илья и вежливо попрощался.

А чего возмущаться, обижаться или негодовать - чужие люди, что от них ожидать? Он приехал к Расковым и попал на обед, его сын восседал за общим столом на высоком детском стульчике.

- Откуда трон? - спросил Илья.

- Взяли у соседей, у них девочке четыре года, и стульчиком они уже не пользуются, -

объяснила Марина, - а нам пригодился. Да, Тимошка?

- Да! - согласился он и стукнул ложкой по деревянной планке стула.

- Давай мой руки и садись, Юлька тут всяких вкусностей наготовила, - пригласил Игорь и, дождавшись, когда Илья сядет за стол, открыл собрание: - Рассказывай, что у тебя!

Илья рассказал без эмоций, на которые никаких сил уже не осталось.

- Так, давайте подумаем, что делать, - выслушав его, предложил Игорь Дмитриевич.

- Я знаю! - заявила Юлька.

Сидевшие за столом, в том числе и Тимошка, посмотрели на нее в ожидании суперидеи, которую она и выложила, выдержав небольшую театральную паузу.

- Сейчас позвоним Ярцевым. И узнаем, могут ли они сдать нам дачу по старой памяти. Если нет, идем в ближайший киоск, покупаем газеты по недвижимости и обзваниваем людей, сдающих дачи, а также друзей и знакомых, на тот же предмет. Я беру Тимошку и уезжаю с ним на месяц, потому что только я среди вас свободна, у меня каникулы начались. Мы прекрасно проведем время за городом. А вы будете к нам приезжать, когда сможете.

После ее тирады повисло минутное молчание, прерванное Игорем Дмитриевичем:

- Юлька, ты гений!

- Я знаю, - согласилась она.

- Но у тебя же есть, наверное, планы? - смутился Илья.

- Планы есть, но этот план ничуть не хуже. - И, чтобы не передумать, она быстро распорядилась: - Пап, давай, звони Ярцевым.

- Звоню! - поднялся со стула Игорь. - А мы с Мариной поможем тебе ухаживать за родителями. Сейчас сядем и составим график наших дежурств в больнице. Втроем управимся.

Им очень, очень повезло! Во-первых, Павел Игнатьевич, хозяин дачи, оказался дома, в Москве, приехал за какими-то вещами, а во-вторых, Ярцевы все еще были хозяевами их любимой дачи, никому ее не сдавали и с удовольствием согласились принять постояльцев.

Вот ведь есть везение на свете! Хоть в чем-то!

На следующее утро, в понедельник, Илья отвез Юльку с Тимохой на дачу, перед тем выдержав целую битву с Расковыми, споря об оплате. Он настаивал, что заплатит сам, это же естественно, - из-за его трудностей и Тимошки им придется снимать дачу. Расковы в три голоса спорили, и громче всех Юлька, выдвигая аргументом то, что там места красивейшие, а художнице надо этюды писать, и отдыхать она тоже будет, а не только Тимка. Но если Илья что-то решил, то ни Рыжик, ни кто другой не мог его переубедить, и Адорин закончил прения:

- Я решил, и все! Никаких дебатов! - сказано это было таким тоном, что спорить далее стало бесполезно.

- Вот упертый! - сдалась Юлька.

- Какой есть! - тем же тоном ответил он.

Юлька с Тимкой жили на даче, и у Ильи душа успокоилась за сына, а вот с родителями дело обстояло плохо. Они трудно восстанавливались, обоим сделали еще несколько операций. Ухудшений не возникло, но до полного выздоровления - и говорить нечего, как до неизвестности!

Да и будет ли оно, полное выздоровление? Илья постоянно задавал себе этот вопрос и отметал сомнения - нельзя! Если бы не помощь Игоря с Мариной, он бы, наверное, не справился. Нет, справился б, конечно, но, скорее всего, сам скопытился бы!

Помимо огромного количества лекарств, которые, как выяснилось, надо покупать и доставать в связи с их отсутствием в больнице или дефицитом, нужно было и постельное белье, требовалось убирать палату - а нет в больнице санитарок, нет, и все! Вернее, есть одна на несколько отделений. Да еще надо приносить еду диетическую, протертую, хотя бы раз в день.

Марина, объяснив сложившуюся ситуацию, договорилась со своими учениками и их родителями, в том случае, когда дело касалось детей, что временно они будут приезжать к ней домой на уроки, и взяла на себя ежедневное приготовление еды для больных. Ученики ее любили, родители уважали и втайне боялись, что она может отказаться от уроков, поэтому легко согласились на эти трудности.

Марина распределила уроки так, чтобы несколько часов в день у нее оставалось свободными. Раз в трое суток она дежурила. В свой день Илья заезжал к Расковым, забирал готовый обед и ехал в больницу, а Игорь в свое дежурство с утра брал еду, старательно закутанную в старую фуфайку для сохранения тепла, и в обеденный перерыв успевал покормить Адориных-старших.

Таким образом, постоянно у родителей кто-то был. Марина в свое дежурство меняла постельное белье и переодевала больных с помощью медсестры.

Илья ужасно скучал по Тимке... и по Юльке. Он рвался поехать к ним, но в жестком, расписанном по минутам графике жизни оказалось невозможно вырвать даже пару часов.

И опять его выручили Расковы.

- Езжай в воскресенье, - сказала Марина. - У нас выходной. Мы с Игорем поедem на целый день в больницу, вымоем твоих, сделаем, что надо, не беспокойся.

- Вам самим требуется отдых, - возразил Илья.

- Успеem! - поддержал жену Игорь. - Вот кому точно необходим отдых, так это тебе, ты совсем извелся! Так и загнуться недолго, а тебе сейчас никак нельзя заболеть. И не спорь! В следующее воскресенье мы поедem на дачу.

- У меня работа, - для очистки совести посопротивлялся Илья.

- Отпросишься! На один день тебя отпустят. Мотай на все воскресенье. Выспишься, в речке искупаешься, может, хозяйва баньку затопили, они раньше в выходные всегда топили. С сыном побудешь. Все! Езжай! - твердо постановил Игорь.

На участке стояла тишина. Ни Юльки, ни Тимошки не было слышно. Хозяйка дачи собирала клубнику на грядке, заметив Илью, разулыбалась и пошла к нему навстречу, обняла,

расцеловала по старой привычке.

- Здравствуй, дорогой! Сколько лет-то не виделись! Дай-ка я на тебя посмотрю!

Она отодвинулась, разглядывая его.

- Возмужал! Ильюша, ты стал такой... - она подбирала определение, - сильный, мужик прямо! Заматерел!

- Да ладно! Галина Ивановна, мешки ворочаю, вот и раздался в плечах.

- Не скажи, ты как-то внутри повзрослел, глаза замученные. Знаю про твою беду, как родители?

- Пока рано судить, но осложнений нет, а это уже большая удача.

- Даст Бог, поправятся, я уж и свечку в церкви за их здоровье поставила.

- Спасибо, Галина Ивановна, - искренне поблагодарил он.

От этой дачи, спокойной жизни, от всего замечательного и беззаботного, что было здесь когда-то, он расчувствовался. Подъезжая к поселку, Илья сбавил скорость, смотрел вокруг на знакомые деревья, тропинки, домики и испытывал такую горящую грусть, которая возникает, когда попадаешь в места, с которыми связаны самые лучшие, самые теплые и уютные воспоминания, и понимаешь, что ничего не вернуть из того прекрасного и дорогого, что ушло безвозвратно.

- Голодный? - отвлекла его от ностальгии по прошлому Галина Ивановна. - Давай я тебя накормлю, Юлечка такой плов чудесный приготовила.

- А где они?

- Твои-то? - уточнила Галина Ивановна и заулыбалась. - Спят оба, в большой комнате на диване. Иди, посмотри, а я пока стол накрою.

Из-за жары все двери в большом доме были распахнуты, и по комнатам свободно гулял легкий ветерок. Увидев Юлю с Тимошкой, спящих на диване, Илья остановился на пороге, облокотился плечом о дверной косяк, стоял, смотрел на них, первый раз в жизни понимая, что значит «плакать внутри».

Адорин быстро поднялся, захватил пустой бокал, прошел в кухню и налил порцию коньяка. Подумал и достал из холодильника лимон, сыр, нарезал, разложил на тарелки, выпив залпом коньяк, закусил лимоном.

Он чувствовал то же, что и тогда, когда смотрел на них, только сейчас это чувствовалось еще больнее. К тем переживаниям прибавилась новая боль из последующей жизни, ошибки, его предательство. Много чего прибавилось.

Он помассировал шею, покрутил головой, пытаясь отогнать боль.

Не помогло.

- Значит, день воспоминаний! - констатировал он. - Вот же ж, твою мать!

Не хотел он ничего вспоминать и переживать заново! Совсем не хотел! Мазохизм какой-то душевный! На фига?!

Слишком много всякого там было! Больного и радостного, обвиняющего, выворачивающего душу наизнанку! Но что-то, не подвластное его разуму и силе воли, заставляло Илью вспоминать, кадр за кадром прокручивая прошлое.

И он сдался.

Прихватив на сей раз всю бутылку, тарелку с сыром и лимоном, бокал, вернулся в комнату, сел на диван, поставил принесенное перед собой на столик, смирившись, пустил на волю божью и, наверное, свою погибель накатывающие, как волны, воспоминания.

Юлька и во сне оберегала его сына, поддерживая спинку малыша рукой. А Тимка спал на боку, закинув ручку и ножку на Юлю.

Илья смотрел на самых любимых, самых родных, необходимых ему в жизни людей, и горячая боль сжимала что-то внутри, не давая продохнуть. Тугой железный обруч сдавил грудь, а сердце, которое он теперь точно знал, где находится, ныло так, что Илья испугался – не помирает ли!

Наверное, оно плакало.

О несбыточном счастье, о невозможности соединения этих двух дорогих людей в его жизни, о тупой мерзкой безысходности и от полного, ясного понимания – ничего не будет в его жизни!

Может, просто не судьба какая-то? Бог его знает!

Он нашел в себе силы, отвел взгляд от спящих, еле отлепился от косяка, как старик, шаркая ногами, доплелся до веранды, где хлопотала у стола хозяйка, и рухнул всем весом на стул.

- Галина Ивановна, у вас водка есть?

Она внимательно на него посмотрела и спросила как-то совсем по-русски, открытым, понимающим и сострадающим сердцем, не словами, а сердцем:

- Совсем тебе плохо?

Илья кивнул, соглашаясь, говорить он не мог. Галина Ивановна погладила его по голове теплой ладонью.

- Есть, Ильюшенька, сейчас принесу. И с тобой рюмочку выпью за быстреее выздоровление твоих родителей.

Она наклонилась, заглянула ему в глаза и тихо, проникновенно произнесла:

- Ты не печалься так, потерпи. Все перемелется. В жизни всякое бывает, на то она и жизнь, да только люди сильнее невзгод – перетерпят, отстрадают и дальше живут. А как иначе?

Погладив его еще раз по голове, ушла на свою половину дома за бутылкой. А Илью странным образом отпустило от этих слов и чистого сердечного участия.

«Попустило», как говорят в народе, очень верное определение, емкое и точное.

- Да, - сказал он себе. - Будем жить дальше.

Они тогда посидели с Галиной Ивановной, выпили по рюмочке, поговорили, пришел Павел Игнатьевич, который растапливал баню, присоединился к ним, и Илье полегчало.

- Ничего, Андреевич! - подбодрил хозяин, чутко уловив его настроение. - Вот в баньке попаришься, отоспишься, мы тебе новый матрац из сена постелем, сено - оно успокаивает, оттягивает хвори. А поспать тебе надо, вон уж зеленый стал от недосыпу. А после баньки посидим, выпьем маленько, оно и полегчает!

Проснулись Юлька с Тимошкой, обрадовались несказанно его приезду, улыбались Илье, как два солнышка. Тимка верещал от радости, прыгая у отца на коленях, а Юлька обняла его и поцеловала в щеку.

И попустило, и поехало дальше, пережив эту колдобину.

Юлька отдала ему Тимку и ушла на весь вечер на речку, на этюды. Илья с Тимошкой гуляли и дважды навещали художницу. Адорин смотрел через ее плечо на то, что она рисует, восхищаясь ее дарованием. Он всегда, с Юлькиного детства, гордился ею и удивлялся силе ее таланта.

И была банька, в которую Илья взял с собой Тимошку, громко хохочущего и хлопающего в ладошки от восторга, а после, уложив сына спать, он сидел с Юлькой и хозяевами на веранде за столом, не зажигая света. В сумерках они тихо разговаривали, выпили немного. И так ему стало спокойно, умиротворенно на душе, словно он получил отсрочку приговора или кто-то свыше сжалился над ним и дал небольшую передышку. Илья позволил себе выспаться на колючем, но удобном, пахнущем травами матраце, и улыбался, когда засыпал.

После рождения Тимошки это оказался самый лучший и спокойный день в его тогдашней жизни!

ЮЛЯ

Попав на дачу, Юля с Тимошкой жили, не соблюдая никаких режимов, чувствуя друг друга так, что Юлька не уставала поражаться тому каждое мгновение.

Галина Ивановна с первой же минуты взяла их под свое заботливое крыло. Рано утром, пока Юля с Тимкой спали, она ходила на другой конец поселка за парным молоком, творогом, сметаной, и когда дачники соизволяли проснуться, их ждал потрясающе вкусный завтрак.

Юлька со спокойной душой могла оставить малыша на Галину Ивановну и уйти в лес или на речку рисовать, но старалась делать это не часто и только тогда, когда хозяйка сама предлагала посидеть с мальчиком, которого полюбила как родного внука.

На третий день пребывания у них сложился сам собой распорядок дня. Они просыпались утром, завтракали, Юлька выпускала Тимошку на траву, так, чтобы ребенок находился в поле ее зрения, мыла посуду, убирала, и они шли гулять по поселку, к речке, через мостик на другую сторону, иногда по краю леса, через поле.

Коляской, которую привез Илья с другими вещами, не пользовались - ну вот еще! Простор вокруг какой, а тут коляска! Юля водила Тимошку за ручку, а когда он уставал, брала на руки.

Тимошке было все очень интересно! Он хлопал в ладошки от радости, когда смотрел, как ребята играют в футбол, хохотал, когда те же ребята резвились в речке. Юлька с ним разговаривала, не сюсюкая, а как взрослому объясняла, что и как называется:

- Мальчики играют в футбол, бабочка полетела, в речке течет вода, это дерево, сосна, это куст, называется смородина, видишь ягоды? Это Юля рисует, это краски...

И так бесконечно. Тимка тыкал пальчиком в заинтересовавший его предмет, а Юля подробно рассказывала, что это. К вечеру, когда уставший от впечатлений малыш засыпал, Юльке чудилось, что у нее от бесконечных слов болит язык.

В первую же ночь Тимка наотрез отказался спать один в специально сооруженном для него подобии детской кроватки - пространстве на кровати, обложенном со всех сторон подушками.

Он хныкал, капризничал, а потом вылез оттуда, забрался к Юльке на диван, устроился у нее под боком и, тяжело вздохнув, сразу уснул.

- И какого черта мучила ребенка? - спросила у себя она, глядя на сопящего Тимку. - Копия папаши, такой же упертый!

После этой демонстрации характера Тимошка спал всегда вместе с Юлей: и днем, когда она иногда ложилась вместе с ним передохнуть, и ночью, и больше ни разу не капризничал.

Приехал Илья, но Юлька, боясь самой себя, быстренько передала ему Тимика и ушла на весь день рисовать этюды. У нее сердце разрывалось от любви и сочувствия.

Она смотрела на осунувшееся лицо Ильи, темные круги под глазами, заострившиеся скулы, замедленные от накопившейся усталости движения, и внутри что-то замирало и рвалось ему навстречу.

Юльке было так больно и плохо, что она сбежала рисовать. Илья с Тимочкой приходили несколько раз ее проведать, приносили бутерброды с чаем, стояли смотрели, еще раз приходили и помогли отнести домой все причиндалы, Тимик с серьезным личиком нес кисточки, зажав их в кулачок.

Тимка в мужской компании, с папой и Павлом Игнатьевичем, первый раз в своей жизни парился в бане. Илья рассказывал, как он визжал от восторга, когда его обливали водой, и рвался назад в парилку. Отец уложил его спать (обошлось без требований к Юльке под бок, так ребенок утомился). Они посидели за столом с хозяевами, никуда не торопясь, глядя на закат, тихо разговаривали.

Утром провожали Илью. Юлька стояла у калитки с Тимошкой на руках, малыш махал ладошкой папе, а она смотрела вслед удаляющейся машине и обвиняла все высшие силы: «Господи! Тебе что, нечем заняться?! Зачем же делать меня такой несчастной? Зачем снова, который раз, ты впускаешь его в мою жизнь, не забыв напомнить при этом, что все не-воз-мож-но?!»

Следующие два дня она ходила сама не своя, вспоминая его голос, лицо, движения, слова, руки, глаза - целый мир под названием «Илья Адорин».

Свалился же на ее голову!

Ни разу после того дня он так не приезжал, чтобы один и на весь день с ночевкой. Приезжали мама с папой по очереди, отдохнуть, загрузить Юльке холодильник продуктами и проверить,

как тут поживает дочь.

Хорошо поживает. Нормально.

Если не считать постоянного страха и ожидания, что в любой момент появится Илья, а ее силы духа не безграничны, она может не выдержать и сотворить любую глупость. Например, признаться ему в любви или напиться втихаря от безнадежности и тоски, с тем же конечным итогом – признанием в любви, усугубленным требованием ответить взаимностью.

Но он так и не приехал. Наверное, слава богу!

Приехала Лена на двадцать шестой день их безмятежной жизни на даче.

У Юльки оборвалось сердце, предупредив: что-то будет, когда она увидела остановившееся у калитки такси.

- Ау! – весело позвала, входя на участок, Лена. – Хозяева, вы дома?

- Мы здесь! – не приветливо отозвалась Юлька.

- Юлечка! – обрадовалась Лена. – Здравствуй, дорогая! Забери, пожалуйста, из машины пакеты, там продукты для вас и что-то еще родители твои передали, я не знаю, не смотрела.

Юльке очень хотелось скорчить рожу и послать эту Леночку... но она сдержалась и одернула себя – не одиннадцать лет, и перед ней не девушка Инга.

Лена находилась в превосходном настроении. Не спуская с рук, целуя и тормоша Тимку, она сидела за столом на веранде и что-то увлеченно рассказывала, давала наставления и указания.

А Юлька медленно закипала.

На выручку поспешила Галина Ивановна, услышав голоса, она пришла к ним на веранду, мгновенно оценив обстановку.

- Вы Галина Ивановна, – улыбнулась ей гостя. – Здравствуйте, я Лена, жена Ильи.

- Добрый день! – радушно ответила хозяйка. – Юлечка, ну что, давай стол накроем, коли у нас гостя?

- А давайте, Галина Ивановна! – согласилась Юлька, контролируя шкалу своего раздражения.

«И чего взъелась? Чего ты, Юлечка, завелась-то? Чем тебе Лена не угодила? Ты посмотри, как Тимка рад, соскучился, обнимает маму, ребенок счастлив, папаша его доволен женой, а уж как они живут, это их личное дело. Ты чего, ревнуешь? – мысленно говорила себе Юлька, подхватившись с места, чтобы заняться делом и отвлечься от темных дум. – Конечно, ревную! Разумеется!»

- Замечательно! – обрадовалась Лена. – Я привезла бутылку хорошего испанского вина!

Лена с восторгом и благоговением, с придыханием каким-то рассказывала о Европе, странах, где она побывала. Галина Ивановна и Юлька слушали, кивали головами, поддакивали. Тимочка заснул у матери на коленях. Галина Ивановна, предложила, вставая:

- Давайте я малыша уложу, у него сон по расписанию.

Лена поцеловала спящего сына в щечку и передала хозяйке.

- Я очень по нему соскучилась, - вздохнула она, - это ужасно трудно, расставаться с ребенком так надолго.

«Вот и сидела бы дома!» - проворчала про себя Юлька, но привычно цыкнула на себя за плохие мысли.

- Юлечка, - обратилась к ней Лена, отпивая вино из бокала, - ты была за границей?

- Нет.

- Ты обязательно должна съездить! Там другая жизнь, другой мир, другая цивилизация! И это очень интересно!

- Когда-нибудь съезжу, - ответила Юлька.

Вернулась Галина Ивановна и села на свое место.

- Вы представляете, у меня изменилась жизнь! Я так много увидела, узнала, - делилась впечатлениями Лена. - Я влюбилась в Европу, во Францию, Италию и Испанию! Мне ужасно нравится моя работа. Устаю, конечно, работать с людьми сложно, да и люди у нас такие...

- Это очень важно, когда человеку нравится то, чем он занимается, - согласилась с ней Галина Ивановна.

- Я так рада, что вы меня понимаете! - вдохновилась Лена. - Я словно нашла новую жизнь! Интересную, наполненную! Меня ценят на работе, и это тоже важно, особенно для женщины. Вы согласны?

Галина Ивановна мудро держала свое мнение при себе, но с данным постулатом согласилась:

- Да.

Лена перестала улыбаться, загрустила.

- Вот, а Илья не понимает, он, как все мужчины, считает, что мне надо сидеть дома с ребенком и поставить крест на своей карьере. Нет, он не против, чтобы я работала, но не сейчас, а когда подрастет Тимочка.

Юлька сдерживалась, как могла, но, не подчиняясь приказам и мысленным окрикам, в ней нарастало с огромной силой желание навалить таких... люлей моральных этой Леночке!

«Держись, Юлька! - уговаривала она себя. - Это не твое дело, это чужая семья и жизнь. Держись! Пусть они сами разбираются!»

Но следующее высказывание Леночки смело все разом построенные Юлькой укрепления, и держаться оказалось не за что совсем.

- Я понимаю, у Ильи сейчас горе, сложная ситуация, ему хочется, чтобы я бросила работу и стала заниматься его родителями. - Она тяжело вздохнула. - А я не могу! Если я брошу свою работу, то больше никогда такого места не найду! Сейчас лето, у нас самый разгар сезона, заработок большой!

Она что-то говорила дальше, жаловалась, объясняла, но Юлька не слышала, задохнувшись от возмущения.

«Что значит «у него горе»?! А у тебя?! Вы же одна семья, муж и жена, или я чего-то не понимаю?! Если беда у одного, то беда и у другого! Ты же живешь с ними в одном доме, с его родителями, они сына твоего растили, вы ведь ели, пили вместе, делили жизнь и хозяйство пополам!»

Юлька растерялась от непонимания и искреннего негодования.

Как же так?!

Ей стало так обидно, так обидно за Илью, за его замечательных родителей. Юлька поняла, что способна сейчас врезать в морду этой идиотке!

Они же общались, разговаривали не один раз, отмечали иногда вместе праздники и дни рождения, и Лена казалась ей разумной, интересной. Юлька и злиться-то на нее не могла, как на женщину, забравшую у нее Илью, перенося все свои претензии на жизнь и судьбу, потому что жена Адорина вроде неглупая, и, главное, она мать Темочки.

Или Юлька чего-то не увидела?

Лена же, не прочувствовав и даже не заметив Юлькиного настроения, добавила масла в огонь:

- Я так благодарна вашей семье, Юлечка, за то, что вы нам помогаете!

Юлька подскочила с места, стул проскрежетал по половицам веранды, отодвинутый резким движением.

«Да пошла ты знаешь куда?! Коза драная! Кто тебе помогает?! Мы делаем все для Ильи!» - проорала мысленно Юлька, испытывая непреодолимое желание навалить этой сучке.

Она уже набрала воздуха в грудь, чтобы выпалить невысказанные слова Лене в лицо, но положение спасла Галина Ивановна. Мудрая, все видящая и понимающая женщина поспешила предотвратить взрыв:

- Правильно, Юлечка, пользуйся моментом, иди, порисуй. Раз Леночка приехала, она с сыном побудет.

- Конечно, - подхватила Леночка, не зная, какой разборки полетов только что избежала. - Юлечка, я займусь Тимошкой, а ты отдыхай. Правда, я вечером уеду, мне завтра на работу.

«Да пошло оно все!» - подумала Юлька и, ничего не говоря, молча ушла с веранды.

Она устроилась в любимом месте, на изгибе реки.

Красота здесь потрясающая! Река поворачивала величаво и медлительно, от того берега простиралось, поднимаясь по холмам, поле, упирившееся в величественно стоявший на пригорке сосновый лес.

Юлька рисовала. Но когда солнце стало закатываться за лес, замерла от красотищи, задумалась. Сердце тихо плакало от соприкосновения, проникновения в этот необыкновенный момент мимолетной и такой величественной в простоте красоты. Юльке показалось, что она растворяется, став на мгновение частью заката, леса, поля и неторопливого бега реки.

Ей так захотелось плакать, не от боли и обиды, не от несправедливости мира, а от этого прорастания в тихую красоту заката.

- А ты поплачь, если хочется, чего сдерживаться, - услышала она голос за спиной.

Юлька повернулась. Галина Ивановна с Тимошкой на руках стояла позади нее.

- Лена уехала, мы за тобой, - улыбнулась мудрая женщина, - ужинать пора. Идем, красавица, что грустить попусту.

- Юля! - потянулся к ней Тимка.

Юля вздохнула.

Обед или ужин, это смотря во сколько придет Кирилл, был готов. Она домыла посуду, вздохнула еще раз, обвела взглядом кухню.

- Действительно, чего сдерживаться-то? - спросила Юля у чистой кухни и задала следующий вопрос себе: - Раз такое настроение, может, выпить чего?

Она посмотрела на полках и в шкафчиках, что у них есть на этот предмет. Крепкого ничего не хочется, шампанское не к месту, а вот вино в самый раз. Может, оно подсластит грустные мысли и добавит оптимизма в воспоминания? Ага, интересно, кому-нибудь хоть когда-то помогало?

Там, на даче, ей жилось так хорошо, уютно и спокойно вдвоем с Тимошкой. Временами Юле казалось, что она приняла в душе невозможность быть с Ильей, отменяя глупость и несуразность своих мечтаний.

Красота природы вокруг, счастье общения с маленьким ребенком как-то примирили ее рвущуюся, темпераментную душу с реальностью жизни, в которой так много невозможного.

Как же она ревновала Тимофея к матери! Когда приехала Лена и малыш радостно потянулся к ней, у Юльки перехватило горло от ревности. В ее жизни ведь нет ни Ильи, ни его сына.

Нет и никогда не будет.

И заболевание, с которым, ей казалось, она уже научилась жить, напомнило о себе новым обострением.

«За что, Господи?! Ну не такая уж я плохая! Вот честно!»

Ну, были в ее жизни мелкие и покрупнее грешки. А у кого их нет?

В восемь лет она стащила у одноклассницы целую горсть мелочи.

Не совсем чтобы стащила. Но все же умыкнула.

Алла стояла в очереди за мороженым, а Юлька охраняла их «драгоценные» портфели. У подружки был портфель с большим внешним накладным карманом, в котором скопилась грязь, плотно спрессованная, никогда не вычищаемая. От нечего делать Юлька стала ковырять грязь пальцем и вдруг обнаружила железную денежку, она уж и не помнила какого достоинства, копеек десять. Заинтересованная девочка продолжила археологические раскопки

спрессованных залежей. К моменту, когда вернулась Алла, Юлька полностью вычистила грязь из кармана, попутно наковыряв целую горсть мелочи.

Вдвоем с подружкой они ее и потратили – сходили на мультики и налопались мороженого до одури. Правда, Юлька никогда не призналась Алле, где взяла деньги на этот «банкет».

Еще в школе она оговорила двух девчонок. Юлька их не любила, впрочем, их никто не любил – настоящие стервы. А она добавила штрихи к портретам девчонок, навдумывая всяких ужасных историй про них.

Но, не выдержав груза сотворенной пакости, прямолинейная и честная Юлька пришла к ним и честно рассказала о своих словах, за что получила «фонарь» под глазом.

Однажды ей прямо-таки приспичило пойти на школьную дискотеку, а родителей дома не было, и денег у нее не оказалось, а вход платный. И Юлька решилась вытащить из заветной шкатулки пару купюр. Но ей стало так стыдно, что она ушла с середины дискотечного веселья домой и с порога расплакалась, покаявшись перед родителями.

Имелись какие-то совсем несерьезные эпизоды, которые можно причислить к грехам, но их она помнила смутно, а что-то и забыла, в любом случае, мелкая ерунда из разряда невинных детских шалостей и вечного поиска пытливого юношеского ума.

Ну, и Инга, конечно.

Но здесь Юлька себя виноватой категорически не считала, она защищала свою любовь и честно предупредила дамочку.

И что, вот за это ее наказывает жизнь?!

«А кто не пьет?!» – как вопрошал герой Броневого в «Покровских воротах». Можно и посолидней, из Библии: «Все мы не без греха».

Юлька усмехнулась своим мыслям.

Ну любит российский народ повопросить: «Чаго делать, и хто виноват-то?»

Такие мы, куда денешься! В извечном стремлении найти виноватого и руководителя-добровольца, который все расставит по местам, объяснит, как надо делать, и направит, а вот куда – это по обстоятельствам.

Вино было очень хорошим – терпким, насыщенным, и, естественно, ни черта не помогало развеять грусть-тоску.

А куда деваться? Если оно «преть и преть» из памяти, не давая продыху!

– Пережить! – сказала шепотом Юлька. – Прожить заново? Господи, как не хочется, ведь так больно!

ИЛЬЯ

Лена приехала на двадцать пятый день после аварии.

Адорин пришел домой часа в два ночи, после «бомбления» по улицам Москвы, и рухнул спать в комнате родителей, чтобы не будить жену. По ходу отметив, что уже не удивляется тому, что и

не хочется. Утром она его разбудила, накормила завтраком и поехала навещать сына на дачу. А поздно вечером радостно рассказывала Илье:

- Тимочка так вырос. Загорел! Ему там очень хорошо. Он говорит много новых слов! Я так рада, что он за городом, на природе. Галина Ивановна его каждый день кормит свежим творогом и молоком!

- Не Галина Ивановна, а Юля, - мрачно возразил Илья, поглощая без аппетита ужин.

- Да, Юлечка! Спасибо ей огромное! Что бы мы без нее делали?

- Не мы, Лена, а я! В том-то и дело, что не мы!

Он отложил вилку и устало откинулся на спинку стула.

- Ну прости меня, Ильюша, я действительно не могла приехать, я же объясняла.

Она обняла его и примирительно, извиняясь, погладила по спине.

- Я завтра обязательно съезжу, навещу твоих в больнице.

- Лен, их не навещать надо, посидев немного у изголовья кровати и сочувственно повздыхав, им помощь нужна! Надо их кормить-поить, мыть, надо постель перестилать, горшки выносить, жратву специальную готовить и таскать, в палате убираться. Это по-другому называется, а не навещать!

- Я просто не так выразилась! - обиделась на него Лена и отошла к плите. - Я поеду и сделаю все, что необходимо, не надо меня считать совсем уж черствой эгоисткой.

Илья вздохнул и закурил.

Действительно, к чему сейчас эти выяснения? Сложилось как сложилось. Лена дома, родители ее вернулись с отдыха, были в больнице, принесли фрукты и цветы. Спасибо.

Теперь все наладится. Тимку к тестю с тещей, Лена ему поможет справиться в больнице. И он наконец освободит Расковых от своих проблем.

- Дай мне сигарету, - попросила Лена.

- Ты стала курить? - удивился Илья, протягивая ей пачку.

- Да нет, балуюсь иногда. Чаю хочешь?

Она поставила чайник на огонь, села напротив мужа и нервно закурила.

- Илья, тут такое дело... - Лена никак не могла решиться.

- И что за дело?

Жена быстро стрельнула на него настороженным взглядом, но отвела глаза, затянулась, выпустила дым и сказала, уставившись в темноту окна:

- Мне надо ехать в Париж с группой через пять дней.

- Та-ак! - протянул он.

- Илья, ну прости, прости, так получилось! Ты же справляешься, тебе Расковы помогают! Ну, потерпи еще немного. Заплати им, в конце концов!

- Лен, это наша семья и наши проблемы, а не их!

- Да я понимаю! - скривилась Лена. - Но это особая группа, и я заработаю хорошие деньги. Нам же сейчас они очень нужны! Сколько мы потратим на лекарства и врачей? Прорву! И дачу ты оплачиваешь!

- Лен, я справлюсь и с лекарствами, и с дачей, мне помощь нужна не денежная! Я не вправе вечно рассчитывать на Игоря и Марину, у них из-за моих проблем свои дела летят к черту! Марина уроки отменяет, теряя деньги, и немалые, при этом, Игорь из лаборатории бегаёт, чтобы помочь, Юлька собиралась ехать в Крым, а вместо того сидит с Тимохой!

- Ну, Илья, ну, Илья! Не обижайся, не злись! Это всего на двенадцать дней! Продержись две недели, а потом я отпуск возьму!

- Твои родители могут помочь? - спросил он, заранее зная ответ. - Они могут заменить Игоря с Мариной? Юльку я попрошу пожить на даче с Тимохой еще и август. А Игорь и Марина и так уже слишком много для нас сделали.

- Ой, нет, Ильющенька, - опечалилась Лена. - У мамы сердце, ей нельзя перегружаться и нервничать, а папа работает, ты же знаешь.

И Илья взорвался.

Он подскочил, стул отлетел к двери, стукнулся, издав громкий, неприятный звук дерева о стекло. Илья схватил пустую чашку, стоявшую перед ним на столе в ожидании обещанного чая, и с размаху запустил ее в стену. Чашка разбилась, оставив вмятину на стене, по всей кухне фонтаном разлетелись мелкие осколки.

- Так на х...я тогда это надо?! - заорал он. - На хрена мне жена, если в самую трудную, в самую тяжелую минуту она не хочет помочь?!

Лена перепугалась. Она никогда не видела его таким, поэтому притихла и смотрела на него перепуганными глазами.

- Ты что, действительно не понимаешь, что сейчас предаешь меня, нашу семью, Тимку?

В два больших шага он подлетел к холодильнику, открыл его и достал початую бутылку водки, стоявшую там с незапамятных времен. В доме никто не пил, и все давно позабыли, кто и по какому случаю ее купил. Илья шагнул к мойке, взял стакан, налил половину и, не морщась, одним махом, не ощущая ни вкуса, ни запаха, как воду, выпил.

- Это наша беда, наша, понимаешь? Одна на двоих! В нормальных семьях так бывает: горе и радость - все пополам!

- Чего ты орешь? - опомнилась Лена, стряхнув с себя первый неосознанный страх. - Чашками кидаешься, материшься! Что ты меня сволочью бессердечной выставляешь?! Я бабки зарабатываю, и не меньше твоего, между прочим! На что бы ты сейчас родителей лечил? На свои трехкопеечные зарплаты?!

Илья налил себе еще полстакана водки, выпил и посмотрел на нее таким взглядом исподлобья, что Лена замолчала на полуслове и попятилась спиной к выходу.

- Ты хочешь сказать, что я у тебя деньги брал, и в частности сейчас, когда случилась беда с родителями?

- Нет, нет, Ильюшенька, это я так, про будущие расходы! - лепетала испуганная Лена.

- Ты сейчас соберись и езжай к родителям ночевать, - охрипшим, чужим, страшным голосом произнес Адорин.

Он тоже испугался. Себя. Илья понял, что может ее ударить.

До Лениного отъезда в Париж они почти не виделись и не разговаривали.

В ту ночь, после ее ухода, сидя на кухне и допивая водку, Илья понял, что надо разводиться. Оказалось, на свете нет более постороннего человека для него, чем жена.

Так бывает иногда, бывает и так.

Родители шли на поправку, и за ними уже не требовался каждодневный уход. Юлька осталась с Тимочкой на даче еще на месяц. Марина и Игорь продолжали помогать всем, чем только могли. Лена то приезжала, то уезжала, они обменивались односложными фразами, как посторонние люди, ни разу не вернувшись к тому разговору с киданием чашек.

В конце августа Илья привез родителей домой, нанял медсестру ухаживать за ними.

С той памятной ночи он ни разу не спал с женой. Не мог. Она перестала вызывать в нем какое бы то ни было желание. Адорин не оправдывался, не изворачивался, придумывая отговорки, просто старался не говорить ей об этом прямо, чтобы не обидеть.

У него появилась любовница, по иронии судьбы, как и Леночка, тоже бывшая лаборантка. Он встречался с ней раз в неделю, не получая от этих встреч ни радости, ни особого удовлетворения, всего лишь сбегая от безысходности своей жизни.

Илья обдумывал, как бы развестись, чтобы избежать скандалов, разборок и, самое главное, - оставить Тимку себе. Тупиковый вариант - судьи детей никогда не отдают отцам, только если сама мамаша соизволит.

А Лена Тимку не отдаст.

Она хорошая мать, любит сына и будет за него бороться. Илье это дело не выиграть: у него маленькая официальная зарплата, больные родители на руках, а у Лены работа с приличным окладом, здоровые папа с мамой. Да и вообще...

Но с каждым днем отчужденность, наполненная болезненным разочарованием, ощущением предательства и нелюбви, нарастала в Илье, как раковая опухоль. И он понимал, что жить с этим ни он, ни тем более Тимка, который все чувствовал, не должны.

Но развестись Илье не удалось.

Фирма, в которой работала жена, перешла к другому хозяину, слившись с более крупной, штат сотрудников сократили, и Лену уволили в один день.

Она прорыдала сутки, но, взяв себя в руки, взбодрилась и обошла другие турфирмы в надежде устроиться на работу. Однако везде были свои сотрудники, плотно и уютно сидевшие на прикормленных местах.

Так Лена осталась без работы. Ну не мог же он с ней развестись в такой момент?

Пару месяцев Лена побыла хорошей женой, словно замаливала грехи. Она взвалила на себя весь дом: занималась не вставшими на ноги родителями, Тимкой, хлопотала по хозяйству, навела идеальный порядок в квартире – словом, шуршала как пчелка.

А вечерами приветливо, с улыбкой встречала Илью с работы, всегда дожидаясь его, во сколько бы тот ни вернулся.

Идиллия, твою мать!

Если не считать того, что спать с женой он так и не мог, хоть Лена пыталась много раз соблазнить его, настроить. Что-то сломалось у Ильи внутри, и восстановить все было трудно.

Но эти ее «дежурства по роте» предпринимались не просто так, а оказались далеко вперед хорошо рассчитанной партией в шахматы. Ленка никогда не была душой, хозяйственные дела думать и составлять планы ей не мешали, а очень даже, наоборот, сильно способствовали. Понемногу, не с места в карьер, а издалека, она начала атаку на Илью, уговаривая мужа бросить институт и пойти в бизнес.

Вода камень точит.

Все Ленины пассы и заходы были точно продуманы и выверены. Ах, Ленка, Ленка, твои бы мозги да в дело! Сама б, глядишь, лет через пяток олигархом стала!

ЮЛЯ

Как-то в конце февраля, поздно вечером, часов около одиннадцати, пришли папа с Ильей. Хмурые, чем-то озабоченные, с бутылкой дорогой водки. Юлька удивилась, она не видела Илью с конца августа, когда тот увозил их с Тимошкой с дачи. Она знала, что его родители поправляются, мама с папой регулярно их навещали и старались помочь. Юлька напряглась, подобралась, быстро отдав себе все привычные приказы: не думать, не пускать никаких мыслей о нем, а надежду придушить в зародыше, чтобы не высывалась.

- Девочки, - попросил папа, - организуйте закуску, пожалуйста, нам с Ильей надо поговорить.

Юля с мамой, не задавая лишних вопросов, - и так понятно, что у мужчин серьезный и неприятный разговор, - быстро организовали стол и удалились из кухни.

Мужчины просидели всю ночь.

Утром сонная Юлька в ночной рубашке, потирая глаза, выперлась на кухню и замерла от удивления.

Папа с Ильей еще сидели за столом, трудноразличимые в клубах табачного дыма. Илья стал много курить последнее время, раньше он почти не курил, а вот пристрастился.

Юлька прошла к окну, распахнула форточку, сварила кофе, сделала бутерброды - молча, под их извиняющимися за затянувшиеся посиделки взглядами. Убрал со стола грязную посуду,

поставила тарелку с бутербродами, чашки с кофе и вышла из кухни.

Через пару недель, вернувшись с работы, папа мрачно сообщил:

- Илья ушел.

- Куда? - спросила Юлька. - В пустыню?

- Из института ушел, из науки! - горячился папа.

- Не может быть! Как же так? - оторопела Юлька.

- Вот так и ушел! - очень «толково» объяснил папа и попросил усталым голосом: - Девочки, давайте это не обсуждать какое-то время, я очень расстроен.

И они не обсуждали. Вообще никогда.

У Юльки протекала своя веселая и многотрудная студенческая жизнь, отнимающая все время и так же, по привычке, выполняющая роль спасительницы от бесконечных мыслей об Илье. Что происходило у него в жизни, девушка не знала, стараясь держаться от этих сведений подальше, и ей удавалось почти не вспоминать о нем - ну разве только пару-тройку раз в день, не более. Родители с Ильей и перезванивались, и ездили к нему в гости, но Юлька избегала и встреч, и рассказов о его жизни. Не надо!

Она не смогла приехать на Тимкин день рождения, уже второй год выпадавший на ее экзамен, и радовалась этому обстоятельству. Видеть счастливую семью в полном составе, Леночку! Нет уж, увольте, терпением Юлька никогда не отличалась, могла не удержаться и наговорить лишнего. Да и Илью видеть не надо, она потом месяцами будет собирать себя из разбитых кусков. Нет, нет! Этого нам не надо!

Пришло лето, и Юлька с друзьями таки осуществили поездку в Крым, где отдохнули и оторвались на все сто! А уж набросков, эскизов и законченных картин она привезла оттуда целую охапку.

Начался новый учебный год со своими проблемами, трудностями, победами и радостями. У Юльки появился постоянный ухажер, постепенно, шаг за шагом, сам себя переводивший в статус ее парня.

Ванька нравился родителям и «зависал» у них дома до ночи, иногда приходя в Юлькино отсутствие и мило беседуя с мамой или папой в ожидании подруги.

Ее это раздражало.

- Вы что, его усыновили? - «наехала» она как-то на родителей за завтраком.

- Юль, ты чего? - не поняла претензий мама. - Он вроде бы твой парень?

- Да какой парень? - возмутилась Юлька. - Мы с ним и не спим, так, иногда целуемся!

- А можно без подробностей! - поперхнулся папа.

- Да ладно, папуль, чего ты пугаешься? Я уже большая девочка, мне двадцать лет!

- Не надо напоминать матери о ее возрасте! - рассмеялась мама.

- Какой возраст? Ты на себя в зеркало смотришь, мама? Ты всем девицам фору дашь!
- Спасибо! Было очень приятно услышать столь лестное мнение дочери! – поблагодарила мама, смеясь.
- А Ваньку приваживать прекратите! Нечего его баловать. Встречаться с ним я не хочу, неинтересно. Так, кино, клуб, проводить домой!
- А ему ты об этом говорила или используешь парня? – спросил папа.
- Да сто раз! Но он не отстает. Ну, нравится ему за мной таскаться, так на здоровье!
- А по-моему, он ничего, хороший молодой человек, – возразил папа, – правда, я с ним совсем мало общался.
- Хороший! – согласилась Юлька, откусывая от бутерброда, и добавила, вздохнув: – Но не орел!

Родители дружно расхохотались.

Ваня хоть и был не орел, но обладал завидным упорством. Он ухаживал за ней, дарил подарки, встречал и провожал, сидел рядом на лекциях, держал за ручку, демонстрируя всему потоку свои права на Юльку. Та посмеивалась над ним и затаскивала спокойного тихого Ванечку на отвязные вечеринки, эротические выставки, бодиарты, один раз с веселой компанией, не предупредив, куда они идут, привела парня на стриптиз.

Ваня терпел.

Юлька не выдержала и решила поговорить с ним всерьез, не отшучиваясь, как делала обычно. Когда парень пришел к ней домой, она затащила его на кухню, угостила кофе и спросила:

- Вань, зачем я тебе?
- Для сексу, – пошутил Ванечка, но, посмотрев на Юльку, поняв, что девушка настроена на иной разговор, объяснил: – Я тебя люблю.
- Вань, не надо тебе этого! Я много раз говорила, что тебя не люблю и спать с тобой не буду.
- Почему?
- Что почему? Почему не люблю или почему спать не буду? – уточнила она вопрос.
- И то, и другое.
- Не люблю, потому что не сложилось, сердцу, как говорится, ну ты знаешь... А спать не буду, потому что не люблю!
- У тебя кто-то есть?
- Да какая разница?
- Большая. Если есть, ты скажи, я сразу отвалю, если нет, то, может, еще у нас получится. Сегодня не любишь – завтра полюбишь.
- Нет, Иван, – вздохнула Юлька. – Не трать время, лучше обрати свое внимание на другую

девушку.

- А я не хочу другую! Я буду рядом с тобой, и ты, рано или поздно, меня полюбишь, я уверен!

- Не надо, Вань, ну не надо! Это все превратится в драму, я буду чувствовать себя сволочью, вечно виноватой, а ты станешь мучиться и обвинять меня. Ты хороший, замечательный, но не мой!

- А кто твой? - первый раз показал характер Иван, повышая голос. - Я давно понял, что сказочка о мифическом любовнике, с которым ты якобы встречаешься, это полная лажа, защита от приставаний мужиков!

- Заметь, я никогда не говорила, что он у меня есть! Вы сами, наши мужики на потоке, придумали, а я не опровергала и не подтверждала ваши догадки.

- И для чего тебе это надо? Значимости себе добавить, престижу, загадочности? Мы уже третий год учимся вместе, и ты ни с кем ни разу не встречалась, не только с нашими, институтскими, вообще ни с кем!

- Мне кажется, что это мое дело! - разозлилась Юлька.

- Может, ты лесбиянка? - поинтересовался Ваня.

Юлька медленно поднялась со стула и тихим, презрительным тоном сказала:

- А ну пошел вон отсюда!

Ваня понял, что лоханулся, перегнул, стал извиняться заискивающе-просящим тоном:

- Юльк, ну извини, я пошутил! Само как-то вырвалось!

- Все, Вань, в сад! На выход!

Юлька, подталкивая его в спину, не слушая никаких оправданий и Ваниного лепета, вытолкала гостя за дверь.

На следующий день Ванечка не сидел с ней рядом на лекциях. А еще через два дня к Юльке «подкатила» известная на весь институт и за его пределами Сонечка, активная и устойчивая в своей нетрадиционности лесбиянка.

- Милая, - томным голосом протянула она, - что же ты молчала так долго?

- Сонь, ты ошиблась адресом, я не по этим делам, - ответила Юлька.

- Да? - удивилась Сонечка. - А я слышала другую информацию.

- От кого? - быстро спросила Юлька.

- Да все говорят! Может, встретимся вечером? Тебе понравится!

- Сонь, я натуралка, уж извини, если расстроила.

- Жаль, - опечалилась Соня. - Если передумаешь, знаешь, где меня найти.

И она неохотно отошла.

Слухи о Юлькиной «розовой» сексуальной направленности, активно раздуваемые Ванечкой, разнеслись по родному заведению с быстротой лесного пожара.

Вот вам и тихий интеллигент!

Другая девушка, будь она на Юлькином месте, скорее всего, расстроилась бы ужасно и постаралась восстановить репутацию, оправдываясь перед подругами и друзьями. Наверняка бы плакала, доказывая свою непричастность к обвинениям, или попыталась спрятаться, уехать, забиться в угол, переждать, пока сплетни утихнут сами собой.

Но только не Юлька!

Испытав на себе все прелести «славы» дурного тона – косые взгляды, перешептывание и хихиканье при ее появлении и даже интимное поглаживание по попке, разумеется, девицами, – Юлька в свойственной ей манере пресекла слухи и сплетни на корню.

Перед общей лекцией, на которой присутствовал весь их курс, она подошла к преподавателю и попросила у него пару минут, чтобы сделать объявление.

– Прошу, Раскова, – разрешающим жестом указал ей на кафедру преподаватель, и близко не подозревавший, что дальше последует.

– Благодарю, – очень вежливо ответила Юлька.

Придвинув стул к длинному преподавательскому столу, она постелила целлофановый пакет на него и, воспользовавшись стулом, как ступенькой, встала на стол, естественно, тут же завладев вниманием всей аудитории.

– Дамы и господа! – обратилась она к народу.

В аудитории раздались смешки, выкрики, но Юлька держала паузу и дождалась полной заинтересованной тишины.

– Спасибо, что обратили на меня внимание! Итак, с прискорбием для некоторых из барышень и к радости, я надеюсь, многих юношей, присутствующих здесь, сообщаю: я не лесбиянка, увы! И, чтобы не возникло иных вопросов, признаюсь также, что и не садо-, не мазо-, и не все остальное, может, тоже увы! Я самой обычной сексуальной ориентации. Может, я и зря отказываюсь от экспериментов в этом вопросе, руководствуясь исключительно нетленным учением «камасутры», но меня вполне устраивает моя сексуальная ориентация.

В аудитории раздался дружный одобрительный смех. Юлька подняла руку, требуя тишины.

– Мне очень жаль, что некоторые представители мужского пола трудно переносят отказ, превращая свое разочарование в сплетни и наговоры на отказавшую даму. Но мы, девушки, такие терпимые, все понимающие и всегда снисходительны к мужским слабостям. Правда, девочки? Это все, что я хотела сказать.

Юлька повернулась, чтобы спуститься с пьедестала, но остановилась и снова обратилась к аудитории:

– Ах, да! Чуть не забыла! Прошу простить меня великодушно. Это относится к тем, кого я

лишила такого прекрасного и смачного повода для сплетен!

И Юлька быстро спустилась со стола под громкий смех, аплодисменты и одобрительные выкрики. По крайней мере, представление она им устроила нехилое.

- Ну, Раскова! - негодовал преподаватель. - Я доложу декану!

- О чем? - невинно похлопала ресницами Юлька. - О том, что я не лесбиянка?

- На место! - грозно рявкнул он.

Юлькину речь передавали по институту, как народную былинку, - из уст в уста, добавляя деталей, расцветивая подробностями от пересказчика и заменив пятиминутное выступление целой лекцией. Теперь ни для кого не было секретом, кто и почему распустил слухи про Юльку. Ванечке приходилось непросто, туго, можно сказать, ему приходилось, и он предпочел «заболеть» на время.

А Юльку так вызвали в деканат.

- Ну, Раскова, - начал декан, когда она предстала перед его ясны очи, - что ты опять натворила?

- А что я натворила? - спросила Юлька невинно.

- Залезла на стол и рассказывала о своей сексуальной ориентации, так говорится в докладной записке, - и он, для пущей убедительности, потряс этой запиской перед ней.

- Я восстанавливала свою репутацию.

- По-твоему, это восстановить репутацию?

- А что, Александр Михайлович, я должна была делать? Прийти к вам жаловаться, что меня оклеветали и теперь ко мне девушки пристают?

- Объясни мне, Раскова, почему с тобой вечно что-то происходит, и если на кафедре случается какое-либо происшествие, то там обязательно фигурируешь ты?

- Вы преувеличиваете, я не везде поспеваю, есть еще парочка бойких ребят, - не согласилась Юлька.

- Вот скажи мне, почему из тысяч студентов ты единственная, которую я знаю не только в лицо, но и по фамилии, имени-отчеству?

- Ну, потому, что я яркая индивидуальность, - предположила Юлька.

- Ты рыжая и наглая индивидуальность! - отмахнулся устало он. - Иди с глаз долой! И постарайся сделать так, чтоб я хотя бы месяц о тебе не слышал!

- Приложу все усилия! - пообещала она, быстренько ретируясь из кабинета.

- Стой! - приказал декан, когда Юлька уже взялась за ручку двери.

Она замерла и уставилась на него со всем подобострастием, которое могла изобразить.

- Придуманно неплохо, но если б ты на полтона ошиблась в интонации, то лишь убедила бы их,

что подозрения не беспочвенны, а ты стараешься оправдаться. И тогда вся твоя пламенная речь обернулась бы против тебя.

- Но я же не ошиблась? - спросила она.

- Да, что удивительно. Все, иди!

У них был клевый декан! Замечательный! Известный художник, между прочим!

ИЛЬЯ

Он ушел из института, из науки. Совсем.

Леночка, в паре с растреклятой жизнью, все-таки добила своего. Хотя нет, она здесь ни при чем - это только его решение! Вряд ли кто-то мог заставить Илью делать то, чего он сам не хотел.

Адорин держался до последнего! Но любые силы не беспредельны.

Его семья стремительно нищала. Лена не работала, лечение и восстановление родителей требовало кучу денег, и как бы ни надрывался Илья, стараясь совместить множество работ, прокормить близких, одеть, обусть становилось все сложнее.

К тому же он понимал, что чрезмерные нагрузки и тупой физический труд отвлекают его от науки, мешают продуктивно мыслить, работать. Иногда Илья уставал так, что не мог до конца записать формулу или вырубался в прямом смысле слова, засыпая на полпути рассуждений и вычислений.

Это тормозило и превращало творческий труд в пустую, вечно недоделанную рутину. Те житейские обстоятельства, которые сложились у Ильи, угнетали, пригибали к земле. Адорин стал раздражительным, начал много курить, осунулся и все время находился в состоянии напряжения, чувствуя отупляющую безнадегу, к которой прибавлялась постепенно не менее отупляющая нищета.

Именно об этом они проговорили с Игорем всю ночь.

Расков, наблюдая за Ильей, не выдержал как-то и сказал:

- Нам надо кое-что обсудить!

- Наверное, - понял, о чем он, Адорин, неохотно соглашаясь.

- Поедем сегодня после работы к нам. Возьмем бутылку, сядем и поговорим!

Они взяли две бутылки, одну из которых Игоревым девочкам, не «засветили».

Ах, эта замечательная вторая бутылочка!

Согласитесь, когда вы настроились на мужской разговор за столом, с обязательным излиянием души, то вторая, взятая на всякий случай, чтобы не бегать, если что, не прерывать нить наладившегося контакта и течения разговора по душам...

Ах, как она успокаивает, эта вторая бутылочка!

Вы договариваетесь – нет, нет, только одна! И берете две.

Ну, может, по рюмочке вдогонку, если не хватит. И, заметьте, – всегда не хватает!

Под разговор-то!

Но, главное, вы не торопитесь, не суетитесь, не экономите, прикидывая, как бы поменьше налить, чтобы хватило на всю беседу, и не отвлекаетесь в процессе разговора.

Игорь начал с того, что отчитал Адорина:

– Илья, так нельзя работать! Ты вымотался, перешел некий предел физических и, самое главное, моральных сил!

– У меня семья, Игорь. Лена не работает, родители еще не оправились.

– Да все я понимаю! – скривился Игорь. – Но ты забросил науку, то, что ты делаешь сейчас, не затрачивает и половины твоего потенциала, интеллекта! Из-за вечных физических перегрузок ты потерял кураж, радость поиска и работы мысли! А это смерть для ученого!

Друзья проговорили до утра. Игорь сто раз во всем прав, но выхода ни он, ни Илья не видели, кроме одного – уходить. Второй – остаться и бросить дополнительные работы – был неприемлем, впрочем, как и первый, в тот момент друзья и думать не хотели, что Адорин должен уйти!

Но ни бессонная ночь, ни выпитая водка и огромное количество выкуренных за ночь сигарет – ничто не смогло повлиять на его реакцию, когда в кухню зашла Юлька.

Она потирала глаза ото сна, через тонкую девичью ночную рубашку просвечивали розовые соски высокой полной груди.

Адорина как кипятком ошпарило.

Дыхание перехватило, жгучее желание ударило в голову, в пах. В сердце. Стало неудобно сидеть, он передвинулся на стуле, прикрыв свисающим краем скатерти очевидное свидетельство своего желания. И не мог ничего сказать. Дышать не мог!

Юлька тоже молчала, разомлевший от водки и усталости Игорь немного, вполглаза, кемарил.

Она сделала им кофе, завтрак, убрала посуду и отправилась в ванную, также не говоря ни слова.

– Дочь-красавица – это потенциальный инфаркт отца! – сказал Игорь, когда Юлька вышла. – Тебе повезло, что родился сын. Так на чем мы остановились?

– На том, что я должен держаться, – хриплым от выкуренных за ночь сигарет и неожиданного взрыва желания голосом ответил Илья.

И он держался. Держался, как мог!

Научившись не слышать, пропуская мимо сознания Ленины постоянные лекции и требования денег, переходящие в слезы и истерики, не видеть печальных, понимающих глаз родителей.

На эту подготовленную почву попал звонок Лешки Мамонтова, его друга и бывшего

сокурсника. Они встретились в ресторане, обнялись, искренне радуясь встрече, сели за стол, и Илья честно предупредил:

- Извини, Мамонт, но денег на кабака у меня нет, так что ограничусь рюмкой водки.
- Я плачу, - успокоил Лешка.
- Нет, это мне не подходит.
- Да брось ты! Моя инициатива, я и оплачиваю. Тем более у меня к тебе предложение, можно сказать, слезная просьба. Дай друга подмазать!
- А если я откажусь? - усмехнулся Илья.
- Надеюсь, что нет!
- Ладно, излагай, ну и черт с тобой, угощай, раз пригласил.
- Тогда сразу к делу!

Лешка имел свой бизнес. Начал с малого, с мелкой спекуляции, как это называлось в совковые времена, а попросту с купли-продажи, то есть с перепродажи. Затем возникла идея, хорошая идея, толковая. Алексей нашел партнеров, занял денег, вложил в дело. Как и большинство ныне процветающих бизнесменов всех уровней и направлений, начал он с программного продукта, обслуживания и продажи компьютеров. Вовремя и умело перепрофилировался, занявшись строительством, продажей стройматериалов и немного автобизнесом. Давно выкупил доли партнеров, стал полновластным хозяином и так же плавно перевел основную деятельность из чистого строительства в несколько направлений. Участвовал по чуть-чуть в различных сферах, в инвестициях, попутно нащупывая почву и присматриваясь, куда двигаться дальше.

- Есть только одна, и весьма непростая, проблема: мне нужен коммерческий директор. Свой человек, которому можно стопудово доверять! Один я не справляюсь уже, нужна команда. А ее нет! Вчера уволил своего зама, проворовался сучонок. Пока я, как таран, строил, прокладывая и просчитывая направления, некогда было коллектив подбирать. Взял наших, Сашку Пономарева и Вовку Исаева. От зарплат, что я им положил, они офигели - таких денег отродясь в руках не держали, и что удивительно - работай, деньги достойные, перспектива есть, проценты со сделок получаешь - так нет, стали подворовывать на свой карман. Тянули все подряд, ничем не брезговали, а мне и проверять-то некогда, вычислять их грошовые аферы. Но, как известно, курочка по зернышку клюет, а засирает весь двор. И аппетит приходит во время еды. Я поначалу внимания не обращал, знал, что воруют, ну, думал, ладно, ерунду всякую, что ж теперь, а когда спохватился да поднял документацию и посчитал!.. А, - он махнул с досадой рукой, взял бутылку и налил в рюмки водку. - Давай!

Они выпили без всяких тостов, за несправедливость жизни.

- Нет, ты представляешь, жаловались, что я их недооценил и все-то неправильно делаю, а вот они знают, как нужно! Смех. Такое по фирме несли, и не перескажешь! Выгнал, какая уж тут дружба! Нельзя своих брать к себе на работу - они же первые и подставят, закон бизнеса! И спросить с них труднее.

- О чем ты со мной-то поговорить хотел? - поинтересовался Илья.

- Иди ко мне коммерческим директором.

- Ты же только сказал, что своих братья нельзя! – удивился Илья.

- Да. Но, во-первых, я тебя хорошо знаю и уважаю, у тебя мозги по-другому устроены, и ты не будешь тырить ни по мелочам, ни по-крупному. А во-вторых, я предлагаю тебе другую схему работы – предлагаю работать не просто на меня, как наемный рабочий, а постепенно вкладывать бабки в дело и становиться партнером.

- Какие бабки, Лешка? У меня, кроме четырех нахлебников, ни черта нет!

- Заработаете! – уверенно произнес Лешка. – Подпишем контракт, будешь иметь с каждой проведенной тобой сделкой хороший процент помимо основной зарплаты, вот эти деньги и начнешь вкладывать. А когда освоишь нашу кухню, что и как, станешь вкладывать свои мозги, идеи. Бизнес, Илья, это та же наука, только законы в ней немного другие, здесь гораздо трудней эксперименты ставить, тут надо лишь положительный результат, на отрицательный может не хватить ни денег, ни пороку! Все гораздо жестче и конкретнее. А дел у меня сейчас много, очень много, я влез в один проект весьма перспективный, есть еще несколько идей. Но один не справляюсь. Давай, Адорин, соглашайся. Ты мне нужен! Позарез!

- Мне надо подумать.

- Некогда думать, Илья, ты мне нужен уже вчера!

- Да я ведь ни хрена не знаю про бизнес, какие, к черту, контракты и сделки?!

- Научишься, все-таки доктор наук!

- Я подумаю. Завтра дам ответ.

- Нет, Ильюшенька, завтра в десять утра ты должен быть у меня в кабинете. Так что думать можешь сегодняшнюю ночь.

Следующим утром, ровно в десять, Илья вошел в кабинет Алексея Федоровича Морозова. Многообещающая фамилия, не правда ли?

Работать меньше Илья не стал, те же двадцать часов в сутки, а вот зарабатывать начал на порядок больше.

Первое время он по многолетней привычке еще изучал специальную литературу, просматривал научную периодику, стараясь быть в курсе новых открытий и направлений в своей научной области. Но постепенно отошел от этого.

Дефицит времени и все тех же пресловутых человеческих сил. Кроме того, каждый раз это вызывало непреодолимую тоску по любимому и уже утраченному навсегда делу.

«Закурить бы!» – подумал Илья.

Скоро год, как он бросил курить, занявшись спортом. Ходил в тренажерный зал и в бассейн три раза в неделю. Встал на горные лыжи, открыв для себя новое захватывающее удовольствие от этого вида спорта, а в нынешнем году поставил на лыжи и Темку.

Илья поднялся с дивана и медленно прошелся по квартире, включая и выключая свет.

Заглянул в детскую, потрогал старого, но самого любимого плюшевого медведя сынишки, взял с книжной полки любимую Тимкину книжку, «Сказки народов мира», полистал, поставил на место. Поднял с пола брошенный свитерок и носки, положил на стул, чувствуя привычный комок в горле от любви и нежности к своему ребенку.

Тимка сейчас с бабушкой и дедушкой в гостях за городом, не у тех друзей, на чью дачу когда-то так и не доехали родители Ильи, а у других. Он скучал по сыну, начал скучать, уже когда вез их в машине, и хотя Адорин мог в любой момент приехать туда или забрать Тимку домой и вроде бы они недалеко, но он скучал. Так было всегда.

Илья погасил свет в Тимкиной комнате, вышел, закрыл за собой дверь и вернулся в гостиную, взял в руки фотографию сына в рамке, стоящую на декоративном камине. Тимку сняли на пикнике, куда выезжала вся их фирма первого мая. С фотографии смотрел пятилетний улыбающийся сынишка, демонстрируя миру отсутствие переднего зуба.

Лучше думать о Тимошке, чем вспоминать, как прошли первые годы в бизнесе и чем Илья платил за это.

Адорин вкалывал, благосостояние семьи росло. Леночка расцвела, похорошела, старалась быть внимательной и преувеличено заботливой к нему. Он снова стал заниматься с женой сексом, на любовницу времени не хватало, а естество, знаете ли, требует свое. Да и ушло как-то острое, болезненное ощущение от Лениного предательства и непонимания. Не забылось, сохранилось где-то в глубине, но притупилось, перестало быть осознанным и значимым.

Родители благодаря его заботе быстро пошли на поправку, взбодрились. Илья отправил их в специализированный санаторий, потом настоял, чтобы они проходили курс физиотерапии и восстанавливающей зарядки в дорогой клинике, а уж летом по рекомендации врачей отправил их к морю.

Вскоре после того, как Илья начал новую карьеру, Леночка нашла интересную работу, с помощью все той же подруги Ирочки, – устроилась в крупную туристическую фирму и снова стала сопровождать группы в турах. Выйдя на работу, изменилась, у нее появились командные нотки в голосе, и изменялись, набирая силу, требования к Илье.

Лена стала предъявлять претензии совсем иного рода, чем год назад: он слишком мало уделяет внимания ей и ребенку, они никуда не ездят вместе, нигде не бывают, он работает даже в выходные, она всегда одна, словно мужа у нее нет!

И, конечно, отдельная тема – секс!

– Ты раз в неделю занимаешься со мной сексом и тут же засыпаешь! Так, дежурный трах! Я женщина, а не резиновая кукла, мне необходимо внимание!

– Ты сама настаивала, плакала и требовала, чтобы я ушел из науки в бизнес. Ну вот, я ушел. Чего ты теперь хочешь?

– Не надо валить с больной головы на здоровую! Ты сам все решил, тебя никто не заставлял!

– Либо деньги зарабатывать, либо гулять с семьей и беззаботно трахаться, как кролики! – заводился Илья.

Эти скандалы ни к чему не приводили, само собой, и повторялись чаще и чаще. В один из вечеров Илья вернулся домой в обычное для него время, после десяти. Леночка кормила его

легким поздним ужином, пребывала в хорошем настроении и, накрывая стол, что-то весело рассказывала о своей недавней поездке, из которой вернулась позавчера.

Илья слушал, не вслушиваясь, смотрел на жену и вдруг, в одно мгновение, понял очевидное. Словно открылись какие-то ворота в мозгу, и он получил иные знания.

Илья понял, что Ленка хорошая баба, по большому счету добрая, интересная женщина и, наверное, неплохая жена.

Но она не его! Не его женщина, не его жена, не его любимая!

Он никогда ее не любил, да и она его, влюблена была – да. Наверное, Илья казался ей самым лучшим, надежным, но никакого безумства любви, страсти или иной, глубокой, неоспоримой, спокойной любви между ними никогда не возникало.

Они посторонние друг другу люди, единственное, что у них общее, – это Тимошка, сын.

И еще Илья понял совершенно ясно, что у нее кто-то есть: любовник, а может, и любимый человек.

- Лен, – перебил рассказ жены Адорин, – нам надо развестись.

Она остановилась посередине кухни, не донеся до стола тарелку с ужином, веселость сошла с ее лица, словно смытая водой картинка.

- Ты завел женщину?

- Заводят собак. Нет, у меня нет женщины.

- Тогда почему?

- Ты думаешь, что это единственный повод, из-за которого люди разводятся?

Она, не отводя от Ильи взгляда, тяжело опустилась на стул и поставила перед ним тарелку.

- Нет, не единственный, но, как правило, самый весомый.

Он промолчал, взял вилку и стал есть поданный ею ужин.

- Вот так просто, ты приходишь и говоришь: «Нам надо развестись»?

- А все просто, Лен, любви у нас нет, да и не было никогда, есть только Тимка, но мы постараемся сделать так, чтобы он как можно меньше пострадал.

- Ты думаешь, он не пострадает из-за нашего развода? – повысив голос, спросила жена.

- Я сказал: «Как можно меньше». А ты думаешь, он не страдает оттого, что родители чужие друг другу люди и живут вместе по инерции? Ты думаешь, он не чувствует ничего?

- Нет, это идиотизм какой-то! – воскликнула Лена и прижала пальцы к вискам, словно хотела не пустить в голову сказанное Ильей. – А, я понимаю, ты стал крутой, богатый, старая жена тебя уже не устраивает, молоденькая нужна, для здоровья и престижа!

- Лен, не пори чушь!

- Это не чушь! Все вы так поступаете, как только становитесь бизнесменами, деньги почувствуете, сразу разводите с женами и ищете молоденьких!

- Лен, а кто нужен тебе? Со мной ты уже разобралась, а тебе кто нужен? - спокойно спросил Илья, закуривая.

- Мне нужен ты, мой муж!

- Зачем? Ради статуса замужней женщины? Ради денег? Ты меня не любишь, я тебя раздражаю, да и видимся мы дней десять в месяц, иногда и реже, и то только по ночам часов с одиннадцати вечера до семи утра. Мы не разговариваем, не делимся своими заботами, делами. Ты ни разу не поинтересовалась моими мыслями, переживаниями, не спросила, как мне дается новое дело. Ты даже приблизительно не представляешь, чего мне стоило уйти из науки и влезть в бизнес. И не потому, что ты черствая и невнимательная, нет - тебе это неинтересно. Я не интересую тебя как личность, как мужчина.

- Неправда! - возмутилась Лена.

- Правда! Я не обвиняю тебя, ни в коем случае, мне ведь тоже безразлична твоя работа, люди, с которыми ты общаешься, дружишь, и я тоже не интересуюсь твоими делами и мыслями. Ленка, так живут чужие люди, равнодушные друг к другу, трутся рядом на одной территории, и все! И очень скоро начинают ненавидеть друг друга, слава богу, пока мы этого избежали.

- Но в наших силах все исправить! - быстро заговорила она. - Конечно, и ты, и я много работаем и очень заняты, но можно устроить себе отпуск, съездить куда-нибудь вдвоем, постараться понять друг друга, услышать. Нельзя же так сразу, с плеча, жизнь ломать!

Илья потушил сигарету в пепельнице, закурил новую и устало спросил:

- Лен, подумай и ответь мне честно, без всякой шелухи, честно и откровенно: почему ты не хочешь разводиться? Из-за денег? Ну, не такие уж я и большие деньги пока получаю, надеюсь, что буду зарабатывать больше, но когда? Большой вопрос. Да и бизнес дело рискованное, особенно у нас в России, в любой момент, завтра, например, я могу стать опять нищим. Из-за Тимки? Но ты же знаешь, как я люблю сына. Я никогда Тимку не оставлю и сделаю для него все, что смогу, это даже не обсуждается. Секс у нас постный, дежурный, ты сама о том говорила много раз. Тогда почему? Боишься остаться одна, без поддержки, без тыла? Пока ты не выйдешь замуж или вдруг не станешь бизнес-леди, а замуж ты выйдешь, в этом я не сомневаюсь, обещаю помогать и поддерживать тебя, ты же знаешь, что так и будет. Так скажи мне - почему?

Лена взяла со стола пачку, достала сигарету. Илья поднес зажигалку и дал жене прикурить. Она затянулась, выпустила дым, посмотрела на мужа.

- Я не ожидала, даже предположить не могла, что ты вдруг вот так резко все решишь! Это очень обидно и неприятно. Получается, что я плохая жена и ты меня бросаешь, уходишь от меня!

- Ну, хочешь, скажем всем, что это ты меня бросила, что я такая скотина и со мной нельзя жить, мне по фиг. Тем более, как я понимаю, у тебя есть, из-за кого от меня уходить.

- Да, есть! Ты что, за мной следишь? - воинственно спросила она.

- Лен, перестань, о чем ты? - поморщился Илья. - Мне жить некогда, не то что следить! Да и

зачем?

- А знаешь, ты прав, давай разведемся! - улыбнулась печально Лена.
- Он тебя замуж зовет? - спросил без всякого интереса Илья.
- Нет, он пока женат.
- Не переживай, не он, так другой найдется, - успокоил Илья.
- Спасибо, - усмехнулась Лена сквозь набежавшие слезы.
- Я объективен: ты молодая, красивая, интересная женщина, делаешь карьеру, тебя повышать собираются, неплохо зарабатываешь.
- Давай, что ли, выпьем, Адорин? - предложила она.
- Давай! - согласился Илья. - А у нас есть?

Лена затушила сигарету в пепельнице, встала, открыла холодильник и осмотрела его содержимое.

- Есть. Шампанское, полбутылки коньяка, водка. По-моему, шампанское соответствует моменту.

Они проговорили до глубокой ночи. Несколько раз Лена не выдерживала, начинала плакать, вытирала слезы и преувеличенно бодрилась. Илья утешал, как мог, чувствуя свою вину и жалость к ней.

- А знаешь, - сказала Лена неожиданно, прервав его на полуслове, - мне всегда казалось, что у тебя есть какая-то другая женщина. Я не имею в виду любовницу, хотя подозреваю, что и они у тебя были. Я говорю о другом. Уверена, что до встречи со мной у тебя был какой-то трудный роман или неразделенная любовь, и ты ее до сих пор любишь. Женщины это чувствуют. Ты никогда не был со мной откровенен до конца, да и вообще... - она махнула рукой и взяла бутылку, чтобы налить.

Илья забрал у нее бутылку, сам налил в бокалы шампанского и спросил:

- Что вообще?
- Ты всегда был закрытый, в себе, в собственных мыслях и переживаниях. Сначала я думала, что ты весь в своей науке и что-то там решаешь, вычисляешь в голове, но, узнав тебя лучше, точно могла определить, когда ты действительно в науке, а когда думаешь совсем о другом. Знаешь, Адорин, у тебя иногда становились такие глаза, словно все самое лучшее уже было в твоей жизни, и, утратив это, ты точно знаешь, что никогда ничего хорошего больше не произойдет. Неужели ты действительно так ее любил?
- Нет, Лен, ты ошибаешься. Никакой несчастной любви или драматичного романа в моей жизни не было.

- А это ты врешь, братец! - печально улыбнулась Лена какой-то очень мудрой, все понимающей улыбкой. - Значит, дела твои еще хуже, чем я думала. Значит, это нереализованная любовь, из чего я делаю вывод, что ты со своей возлюбленной не спал. А это совсем плохо для мужчины, он будет до конца жизни думать, как бы все у них происходило, и верить, что было бы

прекрасно, не так, как с другими женщинами. Бедный мой Адорин, кто же тебя так кинул?

У Ильи даже холодок внутри пробежал: ни черта себе! Ему казалось, что она ничего про него не понимает и не видит, что Ленка совершенно равнодушна к его жизни и переживаниям. А вон как повернулось! Может, она и равнодушна, но своим женским чутьем уловила, почувствовала! А что, собственно, почувствовала? Нечего здесь чувствовать, ну есть Юлька, и что? Юлька – лишь некий образ, нереальные запретные мысли, желания, подогретые ими. И эти мечты, желания, страсти по ней так далеки от настоящего, от каждодневных забот и бытовухи, выдуманное им невозможное счастье. Нет в том ничего от нормальной жизни. Нечего тут и подозревать.

Ну не озвучивать же это Лене! Да и какой женщине будет приятно услышать про некую, пусть мифическую, соперницу, тем более когда они обсуждают развод.

– Нет, Лен, ничего такого в моей жизни не было и нет, ты ошиблась. Я работал много, уставал нечеловечески, думал только об одном: как бы заработать – и мечтал выспаться. Годами я мечтаю выспаться.

Лена посмотрела на него внимательно, поверила или не поверила – неясно, но обида ушла из глаз. Да пофиг, что она там подумала!

Это был последний их мирный и тихий разговор. Делить им оказалось нечего, потому как, кроме каких-то шмоток и Тимки, они ничего не нажили вместе. Илья только начал трудиться на новом поприще, денег больших еще не заработал, жили они все так же с его родителями, машина, на которой Адорин сейчас ездил, была служебная и принадлежала фирме, потому и претензий друг к другу материальных супруги не имели, но Ленка уперлась.

Она переехала с Темкой к своим родителям, не давала Илье видеться с сыном, не являлась в суд для развода.

Адорин не злился, понимая, что ей нелегко смириться с его уходом и, вольно или невольно, хочется отомстить и сделать больно ему. Но бегать за женой по судам Илья не мог, и в день, когда было назначено очередное заседание, он приехал к ее дому и позвонил по мобильному:

– Лен, спускайся, я тебе деньги привез. Да, паспорт захвати, я деньги оформил через бухгалтерию, надо записать твои данные.

Лена вышла, села в машину. Илья заблокировал двери и, несмотря на ее возмущенные возгласы, привез в суд.

Через полчаса их развели.

Он отвез теперь уже бывшую жену назад к дому и устало сказал:

– Лен, прекращай военные действия. Тимка мой сын, и я буду видеться с ним, когда захочу и сколько захочу. Если настаиваешь на войне, предупреждаю: ты ее проиграешь.

– Ладно, Илья, мир, – согласилась Лена. – За деньги спасибо. А насчет Тимки... Родители мои не умеют с детьми возиться и не хотят, им это сложно. Предлагаю компромисс: когда я уезжаю, он живет у вас, а когда я в Москве, то со мной.

– Договорились, – кивнул Илья.

В общем, не вдаваясь в мелкие детали, можно сказать, что их развод прошел тихо и мирно.

Илья работал, матерел, богател, естественно, у него была женщина. Когда Адорин понял, что ему осточертело заниматься сексом в чужих кроватях и в гостиничных номерах – ну не приводить же любовниц домой к родителям, – он купил себе двухкомнатную квартиру. К этому времени Илья уже имел средства для такого приобретения.

Несмотря на свою занятость и некое внутреннее ощущение вины перед Игорем за уход из науки, Адорин регулярно перезванивался с Расковыми, они встречались, отмечая вместе праздники и дни рождения. Но за все это время Юльку он видел несколько раз, и то на бегу. Илья приходил к ним в гости, она куда-то торопилась, а, приехав поздравить Тимку к нему домой, отдала подарки, расцеловала всех, выпила за здоровье ребенка и упорхнула. По каким-то неотложным делам.

Может, так оно и лучше.

Илья скучал по ней. Не то чтобы он каждый день думал о Юльке, конечно, нет. Он нормальный мужик, и его голова была занята контрактами, переговорами, другими рабочими делами, свиданиями с женщиной, но... Когда что-то напоминало о Юльке – какая-нибудь музыка, или картина, или промелькнувшая за окном машины похожая на нее девушка, или запах трав и свежести, чей-то звонкий смех – что угодно, что вызывало ассоциацию с Рыжиком, Илья мгновенно вспоминал о ней и грустил, и скучал. Она была в его крови, в его сердце, и никуда не уходила. Адорин привык к этому чувству.

Он привык, как ко второй коже, жить с осознанием того, что никогда не сбудется.

ЮЛЯ

Юлька избегала встреч с Ильей, даже редких и мимолетных. Она все знала про него, про его новую работу, про развод, про то, как он теперь живет.

Однажды она со своей компанией отдыхала в ночном клубе, довольно уважаемом, не из разряда совсем уж молодежных, ребята отмечали день рождения Людки Зосимовой, Юлькиной однокурсницы.

Пробираясь к своему столу после танцев, Юлька боковым зрением заметила знакомую фигуру. Она остановилась, присмотрелась, различить что-либо в мигающем свете прожекторов было сложно, но Юлька сразу узнала Илью.

Илья! И он был с женщиной. Юлька села за своим столиком так, чтобы видеть его, она больше не танцевала, не пила коктейли, она не могла оторвать взгляда от парочки. Сердце колотилось в груди, как в глухой барабан, – быстро-быстро, отдаваясь ударами во всем теле.

Спутница Адорина была красивой, стройной, очень стильно и дорого одетой брюнеткой с длинными, струящимися по спине волосами. Судя по поведению, дамочка немного перебрала: она громко смеялась, что-то рассказывала, откровенно заигрывала с ним, опуская руку под стол, «шалила» с основной частью мужского тела.

Юльке стало плохо. Совсем плохо!

А когда она увидела, что они целуются, отгрохотав набатом, у нее взорвалось сердце! Юлька сбежала, никем не замеченная, поймала такси и поехала домой.

На следующий день она заболела, без всякой видимой причины и симптомов какой-либо болезни, как в детстве, в пионерском лагере. У нее поднялась температура под сорок, Юлька бредила и теряла сознание. Вызванный на дом участковый врач не знал, какой ставить диагноз, и посоветовал вызвать «Скорую». Доктор со «Скорой» сделал ей какие-то уколы и сказал родителям:

- Не знаю, что это. На вирус не похоже, может, нервные перегрузки или стресс. Если завтра к вечеру температура не спадет, вызывайте нас повторно, будем госпитализировать.

На следующий день, ближе к вечеру, жар спал, сменившись такой слабостью, что Юлька проспала сутки и проснулась совершенно здоровой.

- Юлечка, господи, ты нас так напугала! - обнимала ее мама. - Что с тобой случилось? Ты, может, перенервничала сильно из-за чего-то?

- Не знаю, мамуль, наверное, устала, - не стала ничего объяснять Юлька.

Но перед глазами у нее стоял тот неприличный сексуальный поцелуй Ильи с брюнеткой.

Надо было как-то отвлечься, занять себя чем-то. Забыть, забыть, не вспоминать!

Юлька сдала летнюю сессию и уехала со своей дружной компанией в Карелию, на озера. Она отдавала себе отчет в том, что самое плохое - это то, что она не может ни в кого влюбиться, увлечься кем-то, уйти с головой в роман, ухаживания.

Никто из знакомых мужчин не интересовал ее так, чтобы с ним захотелось встречаться, влюбляться-целоваться! Чтобы голова кружилась ждать телефонного звонка от него, и бежать на свидание с бьющимся сердцем от волнения, и думать, что бы такое надеть и как преподнести себя получше!

Только один - Адорин Илья!

Черт бы его побрал! Ей нужен был только он! И все это нужно было только с ним!

А вот то, что она ему не нужна и неинтересна как женщина, Юлька поняла и усвоила как аксиому уже давно. И любит он ее как младшую сестренку, дочь своих друзей!

Понять-то Юлька поняла, но не смирилась, и что с этим делать, не знала. Потому и избегала любых встреч и напоминаний о нем, спрятала в самый дальний угол письменного стола все портреты Ильи, написанные ею когда-либо, и не доставала, запрещая себе смотреть на него.

Ректорат института организовал выставку лучших работ старшекурсников, туда вошли несколько картин Юльки, конечно же, она была в числе лучших студентов. Ну а как же! Другой Юлька быть не умела.

На выставку пришло много родственников, друзей начинающих художников, а также приехали всякие важные и именитые гости.

Юлька бегала от одной группы гостей к другой, принимала поздравления, цветы, критику, тайком от присутствующих преподавателей хлопнула с приятелями шампанского на черной лестнице и вернулась в зал. Она, раскрасневшись от волнения и бокала шампанского, улыбалась и чувствовала себя почти счастливой. Юлька ходила с родителями по залам, рассказывала им о картинах и знакомила с авторами работ.

- А мне ты покажешь свои картины? - услышала она знакомый голос за спиной.

Юлька повернулась и от неожиданности чуть не кинулась ему на шею, удержавшись в последний момент от этого порыва.

- Илья!

Он протянул ей большущий букет алых роз.

- Поздравляю с первой выставкой! - Илья наклонился и поцеловал Юльку в щеку. - Не терпится посмотреть твои картины, Рыжик!

- Идем!

И, как в детстве, она схватила Илью за рукав пиджака и потащила через весь зал к стене, на которой висели пять ее картин.

- Вот, смотри!

Илья долго и внимательно разглядывал каждое полотно, переходя от одной картины к другой.

Молча.

Рассмотрел еще раз, в обратном порядке, и вернулся к одной, центральной. Юлька затаила дыхание и глядела на него во все глаза в ожидании приговора.

Она представила на выставку пять полотен: крымский пейзаж, удавшийся ей необычайно, портрет старушки, городской пейзаж, сюжетную картину и абстрактную, сюрреалистическую.

Старушку, торгующую семечками, девушка увидела возле метро и остолбенела, так ее поразило, заморозило лицо бабульки, ее руки и одноногий голубь, сидевший на колене.

- Семечек? - спросила бабулька, заметив Юлькин интерес.

- Нет, - покачала головой она. - А можно я вас нарисую?

- Рисуй, чего ж нельзя!

Юлька приходила туда каждый день, садилась на раскладной стульчик и рисовала. Спешащие в метро и из него люди толкали ее, больно задевая и ударяя по спине тяжелыми сумками, ворчали, но тот ракурс, который выбрала Юлька, был самый удачный, и она упорно сидела на неудобном месте. Через пару дней к ее присутствию привыкли и старались обходить художницу. Один раз подошел наряд милиции, поинтересоваться, что за барышня здесь образовалась. Юлька показала свой студенческий и объяснила, что это такое задание по учебе, нарисовать портрет. Милиционеры проверили ее документы, посмотрели, что у юной художницы получается на картине, козырнули и больше не тревожили. Зато подошли два мордатых парня, которые собирали дань с нищих и, наверное, еще что-то здесь контролировали. Юлька объяснила им то же, что милиционерам, продемонстрировав свой студенческий. Поняв, что девушка не зарабатывает на их территории бабки, они милостиво позволили ей рисовать.

Когда Юлька закончила портрет, то не могла оторвать от него взгляда, поставила на стол и смотрела. Еле дождалась вечером родителей, не дав им раздеться, потащила к себе в комнату и показала картину. Они смотрели минут двадцать, без комментариев.

- Ну что, что? - спрашивала Юлька нетерпеливо.

У мамы покатила слеза по щеке.

- Мам, ты чего? - перепугалась Юлька.

- Юлечка, это так прекрасно, так талантливо!

- Правда?

Папа обнял Юльку и поцеловал в макушку.

- Я говорил тебе, что ты гений?

- Да, и не один раз! - рассмеялась Юлька.

- Ты гений!

На другой картине Юлька нарисовала старинный московский особняк, подготовленный к сносу или реставрации. Без стекол, облупившийся и слегка покосившийся, но с остатками гордой осанки и прекрасной лепнины, он стоял бок о бок со строящимся ультрасовременным зданием, полностью в голубых тонированных стеклах. Картина получилась живая, удачная и печальная.

Сюжетную работу под названием «Окно» Юлька придумала. Поводом послужила житейская картинка. Юлька стояла на остановке и ждала автобуса, в доме, находящемся в нескольких метрах от остановки, на первом этаже в незашторенном окне просматривалась кухня, где ругались мужчина с женщиной. Слов не слышно, но по жестам и мимике и так все понятно. И Юлька их нарисовала, запомнив, как сфотографировав.

Здорово получилось!

Абстрактный сюжет родился у нее в голове сам. Она ехала в метро, думала об Илье и вдруг увидела картину. Целиком, законченную!

Картина стояла у нее перед глазами вся, до самых мельчайших подробностей. Описать словами и пояснить сюжет или идею Юлька бы не смогла - она определила ее про себя как «Много боли и чуть-чуть надежды», но назвала почему-то «Поиск».

Именно перед этой картиной стоял сейчас Илья. Он засунул руки в карманы брюк, выражение лица у него стало жестким, на скулах ходили желваки. И смотрел не отрываясь.

«Не понял! Ему не понравилось!» - оборвалось у Юльки что-то внутри от разочарования.

Она перестала слышать, что происходит вокруг, исчезли люди, голоса, звуки, запахи, как тогда, в детстве, когда Юлька первый раз увидела Илью Адорина на залитой солнцем веранде.

- Илья? - тихо позвала она, развернувшись к нему и слегка наклонившись вперед, чтобы видеть выражение его глаз.

Он с трудом, нехотя, оторвал взгляд от картины, посмотрел на Юльку непонятым, темным пугающим взглядом, протянул руку и дотронулся кончиками пальцев до ее щеки.

- Маленькая, почему тебе было так плохо? Что с тобой случилось, Рыжик? Неужели в тебе столько боли?

Он понял!!!

Он единственный, кто понял и увидел все! До самого дна, до малейшего намека!

Юлька благодарно улыбнулась, она смотрела Илье в глаза, стараясь объяснить взглядом то, что не объяснишь словами. Они не отрываясь глядели друг на друга, и Юлька чувствовала: вот сейчас, вот еще немного, и все изменится, станет на свои правильные места, вот, вот...

- Мне тоже показалось, что картина слишком мрачновата, тревожная, - услышала она откуда-то издали папин голос.

Чуда не произошло!

Все осталось по-прежнему, так и не изменившись, не сложившись.

Как по щелчку, к Юльке вернулись звуки и окружающая реальность. Илья отвел взгляд от ее глаз, посмотрел еще раз на картину и повернулся к родителям, все это время стоявшим у них за спиной в ожидании его мнения о творчестве дочери.

- Рыжик! - бодрым голосом сказал Адорин. - Ты очень талантлива! Все твои картины прекрасны, каждая по-своему! Ты умница! Я горжусь, что знаком с тобой!

Юлька молчала, улыбалась натянуто. Ей плакать хотелось, орать! Ударить его этим дурацким букетом.

«Зачем, ну зачем ты опять это делаешь со мной?! - кричала она внутри. - Зачем подпускаешь к себе и отталкиваешь?! На кой черт я люблю тебя? Чтобы эти картины рисовать?!»

Если б у нее под рукой сейчас был нож, она бы порезала на мелкие полоски свой «Поиск». Юлька всерьез обдумывала, не снять ли работу со стены и не долбануть ли ею со всего маха Илью, уважаемого Адорина, по голове?

- Ребята! - весело проговорил ничего не подозревающий о грозящем ему воротнике из картины Илья. - Я считаю, что мы обязаны отметить первую Юлькину выставку и первый успех!

- Ты читаешь мои мысли, - отозвался папа.

- А давайте махнем в ресторан! - предложил Илья.

Юлька открыла рот, чтобы отказаться, сославшись на... на что? На что? Да на что угодно, но Илья ее опередил:

- Никаких отказов и отговорок, Рыжик! Это твой праздник и твоё торжество! У тебя здесь есть еще дела, официальные мероприятия?

«А и ладно!» - подумала Юлька, почему-то перестав злиться, может, потому что действительно праздник?

- Нет, все протокольные мероприятия уже прошли.

- Вот и славно, тогда вперед! - тем же бодреньким тоном призвал Илья. - Кстати, а картины продаются?

- Так бери! - махнула рукой Юлька.

- Нет, дорогая, любой труд должен оплачиваться, тем более такой! Я уверен, что через несколько лет твои картины будут очень дорого стоить. У меня есть деловое предложение.

В ресторане они выпили шампанского за Юлькин успех, и Илья объяснил суть своего предложения. Их фирма арендовала новое помещение под офис. Сейчас там идет ремонт, а вот когда он закончится, стены можно украсить картинами. Если Юлька согласна, она придет к нему на работу и покажет им с генеральным директором свои работы. Может, что-то они отберут сразу, а может, закажут еще.

- Да зачем вам я? - поразилась Юлька. - Я еще и не художник, а только студентка! У нас полно талантливых художников, дорогих и не очень, есть те, что специализируются на так называемой офисной живописи. «Старушку» мою там, например, не повесишь, неуместно!

- Потому что мне нравится твое творчество. Я думаю, ты достаточно талантлива, чтобы нарисовать несколько картин на заказ.

- Илья, сдается мне, ты таким образом пытаешься заняться благотворительностью. Никто не заказывает картины неизвестным молодым художникам, тем более умеющие считать деньги бизнесмены.

- Мы пока на очень крутых не претендуем, чтобы вешать на стены миллионные полотна. Юль, не спорь, я так решил! Давай попробуем, посмотрим, что получится, может, нам ничего не подойдет из твоих работ. Да, еще: я хочу купить все пять выставленных картин.

- Да на здоровье!

- Вот и договорились! Цену я назначу сам, коль ты ее не знаешь.

- Попробовать можно, но должна предупредить: я мало рисую картин, я специализируюсь на дизайне интерьеров.

- Разберемся. А сейчас можно пригласить будущую великую художницу на танец?

Юлька танцевала с ним, вдыхала запах его одеколona, кожи - запах Ильи, и от его близости и шампанского у нее кружилась голова. Но Адорин остановился на середине мелодии, отстранился от Юльки, не выпуская ее руки.

- Устал я что-то, Рыжик, сил нет на танцы, извини, пожалуйста.

Они вернулись за стол. Папа с мамой танцевали. Юлька посмотрела, как они двигаются, и неожиданно для самой себя спросила:

- Как ты живешь, Илья?

Адорин удивленно поднял брови.

- Тебе действительно интересно? - недоверчиво спросил он.

- Конечно! - удивилась теперь Юлька. - Ты же знаешь, меня интересует все, что связано с тобой!

- Нет, не знаю, - произнес он и закурил. - Можно? - запоздало спросил, показав на сигарету.

- Да кури на здоровье! - отмахнулась Юлька.

- Сложно живу, Рыжик! - подумав, ответил он. - Устаю, работаю много, Тимку почти не вижу, скучаю по нему до одури.

Он снова помолчал, думая о чем-то своем, но Юлька не дала ему погрузиться в тягуче непростые мысли:

- Как тебе в бизнесе? Уютно? Как ты перестроил себя после науки?

Он совсем обалдел. Уставился на нее, как на полтергейст.

- Рыжик, ты задаешь такие точные, в десятку, вопросы! Меня никто об этом не спрашивал!

- А ты сам, по своей инициативе, с кем-нибудь говорил о своих делах?

- Нет, времени нет на душевные беседы, да и не тянет на откровения.

- А зря. Каждому надо, пусть иногда, но обязательно выговорить свои проблемы, пожаловаться, поделиться.

- Или нарисовать. А ты, Юль, рассказывала кому-нибудь, что так сильно тебя мучает?

- Я думаю, ты очень хороший, удачливый бизнесмен! - усмехнулась Юлька. - Ты так красиво ушел от моего вопроса, переведя стрелки на мою персону.

- Ты, Рыжик, тоже не стала отвечать! - рассмеялся он.

Но Юлька не поддержала его веселья и, как обычно, не любя всякие ходы-выходы, заходцы с выкрутасами и намеки, спросила прямо:

- Тебе было очень плохо? Трудно? Совсем?

- Терпимо, Юлечка, - перестал смеяться Илья, - теперь все наладилось, вошло в устойчивую колею.

- Ясно, - кивнула Юлька, - откровений не будет. А чего ты развелся? Нашел другую женщину?

- Ого! - воскликнула папа, отодвигая стул для мамы.

Юлька и не видела, как они подошли, и не слышала, что закончилась музыка, - вот как увлеклась разговором с Ильей! Взгляд не могла от него оторвать!

- Легче на поворотах, барышня! Ты хоть и талант, и художница, но отец все еще может тебя выпороть! - «предупредил» воспитательно папа.

- Да ты меня в жизни не порол! Даже подзатыльников не давал! Да вы меня вообще с мамой не воспитывали, я росла сама по себе, как трава в поле! - весело проговорила Юлька.

- Как это не воспитывали? - возразил папа. - Еще как воспитывали, контролировали и морали читали, и запрещали многое, и наказывали, бывало!

- Ага! Это ты про случай с Ингой напоминаешь! - И тут Юлька звонко расхохоталась. - А клево я ее уделала!

- Это точно! - согласился Илья. - Особенно мне запомнился пассаж с тахтой!

- Здорово было придумано, правда? - смеялась Юлька.

- Я потом все время прикидывал: это сколько же тебе пришлось пилить?

- Да до черта! - воскликнула Юлька. - Я упарилась вся, полдня под этой тахтой пыхтела, пыли наглоталась!

Родители переглянулись с Ильей и так громко расхохотались, что люди за соседними столиками стали на них оборачиваться. Они хохотали вчетвером, вспоминая Юлькины проделки и казусы, случившиеся с ней.

- А помните... - начинал папа.

- А когда она... - подхватывала мама.

- А та постановка с конем... - смеялся Илья.

- А когда декорация на тебя рухнула, - вспоминала Юлька.

От души хохоча, они заразили своим весельем окружающих, которые стали улыбаться, поглядывая на их столик.

От десерта и кофе они отказались, у всех завтра работа, а у Юльки институт, - и разъехались по домам. В такси Юлька села впереди, а мама с папой сзади, и все разом замолчали, думая каждый о своем, и вдруг, нарушая повисшую надолго тишину, мама сказала отцу:

- Он изменился. Стал закрытым, такое ощущение, будто его что-то мучает. Это заметно, может, потому что мы его давно и хорошо знаем.

- Да, - согласился папа.

- Ты не разговаривал с ним?

- Нет, когда? Мы не видимся, а по телефону не поговоришь.

- Игорь, может, тебе взять бутылку, закуску, завалиться к нему в гости и поболтать по душам?

- Знаешь, Марин, мне кажется, мы опоздали. Это надо было делать раньше.

- Вот же чертова жизнь! - расстроилась мама.

Юлька слушала их разговор, и сердце ныло от обиды за Илью. Он живет со своими проблемами один на один, и нет рядом человека, которому можно было бы излить душу, пожаловаться, напиться с ним, наконец, и болтать обо всем подряд, вычищая боль и мусор из души, да и не пустит он никого в собственные переживания. Прав папа, поздно! И мама права - вот же чертова жизнь!

Юлька посмотрела на часы - Кирилл задерживается. Как обычно, наверное, в мастерской сидит. Она прошла в спальню, легла на кровать и укрылась пледом.

Сейчас Юлька знала, насколько тогда Илье было плохо и одиноко-холодно в жизни! И он на самом деле изменился, стал жестче, сильнее, циничнее, по капле теряя нежность и обрастая броней.

Юлька пришла к нему на работу и принесла большую часть своих картин.

Илья и генеральный директор фирмы, Алексей Федорович, как он отрекомендовался, внимательно рассматривали ее картины, расставив их по всему кабинету. Они попросили художницу выйти и подождать решения в приемной.

Юлька нервничала, как на экзамене, а то и сильнее, ходила взад-вперед перед глазами секретарши.

- Вы присядьте, девушка, - предложила она.

- Не могу! - призналась Юлька.

Они отобрали пять полотен. Три легкие, прозрачные акварели, старый московский дворик, нарисованный маслом, и маслом же выполненный букет полевых цветов в глиняном горшке на деревенском окне.

Ей заплатили по пятьсот (пятьсот!) долларов за картину. Когда Алексей Федорович вышел из кабинета, предварительно пожав художнице руку, Юлька шепотом честно сказала Илье:

- Ильюш, это дорого! Вы можете купить в сто раз лучшие картины долларов за триста! А если хочешь, я приведу тебе классных художников, у которых прекрасные полотна, и они отдадут вам свои работы по двести баксов! Честное слово!

- Чего ты шепчешь, Рыжик? - рассмеялся Илья.

- Да неудобно как-то! - скривилась Юлька. - Я же понимаю, что это нечестно!

- Ты себя недооцениваешь! Мне очень нравятся твои картины, и, как коммерческий директор, я могу себе позволить воспользоваться служебным положением и повесить перед глазами то, что хочется.

- Ну, конечно, и за протекцию спасибо! Но ты не представляешь, какое количество талантливых художников годами не могут продать свои работы, не то что за пятьсот, и за сто баксов! Гораздо более одаренных, чем я! А мне вдруг так сказочно повезло: студентка, а у нее картины покупают! - И снова перейдя на шепот, Юлька предложила: - Может, за триста возьмете, а то мне, как честной барышне, стыдно!

- Цену назначил не я, а Морозов.

- Ого! Он еще и Морозов! - поразилась Юлька. - Ну, тогда лады! Ему по статусу фамилии положено заниматься благотворительностью!

- Кстати, чтобы ты не обольщалась по его поводу и перестала принижать свои таланты, он очень хорошо знает, что сколько стоит, в том числе и художественные произведения. Морозов дал тебе реальную цену, я лично считаю, что прилично ее занижил. Да, к теме: когда я могу забрать пять моих картин? Выставка уже закончилась?

- Да, можешь завтра и забрать.

- Хорошо. Домой заехать или к выставочному залу?

- Домой.

- Я возьму их за ту же цену, хоть и считаю ее заниженной. Договорились?

- По пятьсот? – совсем обалдела от такого долларového дождя Юлька.

- Да.

- С ума сойти!

И Юлька, как в старые, не омраченные ничем времена, кинулась ему на шею, визжа от счастья и дрыгая ногами.

- Ильюша, ура! Здорово, здорово, здорово! – она целовала его в щеки и визжала: – Пятьсот! За каждую!

- Все, все! – рассмеялся Илья, отлепляя ее от себя. – Иди, мне работать надо. Завтра увидимся.

Он приехал к Расковым на следующий день поздно вечером и сразу приступил к делу под удивленными, недоумевающими взглядами Игоря и Марины, которых Юлька специально не посвятила в происходящее, приготовив им сюрприз.

- Так, это договор о купле-продаже картин для офиса. Прочитай, все ли правильно.

- Да ладно! – сказала легкомысленно Юлька.

- Нет, не ладно! – отчитал ее строго Илья. – Здесь перечислены названия, форматы и краткое описание сюжета. Читай! Внимательно! И в будущем читай все документы, которые подписываешь, все пункты и подпункты, дополнения. Каждую мелочь, изучай, вникай и никогда не смей подписывать что бы то ни было не глядя!

- Читаю, читаю! – успокоила его Юлька.

Она сдвинула брови от усердия.

- Здесь указана другая стоимость.

- Правильно. Это официальный документ, и для налоговой инспекции указана другая стоимость, с которой ты обязана заплатить налоги.

- Какие?

- Мы уже все за тебя заплатили, не волнуйся.

Юлька дочитала, поставила на обоих экземплярах подписи.

- Что касается тех картин, которые покупаю я для себя, то ты можешь подписать такой же договор, или договор дарения, или ничего не подписывать. Как хочешь.

- А как хочешь ты? Как лучше? – быстро спросила она.

Илья усмехнулся.

- Лучше бы ты что-то подписала, а то обидишься на меня, или мы поссоримся – чего не бывает, – и заберешь свои картины.

- А это мысль! - пошутила Юлька. - И продам их еще раз!

- Может, тебе в бизнес податься, а не в художники? Соображаешь на лету! - посмеялся Адорин.

- Давай что-нибудь подпишем! Мне понравилось! - скорчив дурашливую рожицу, потерла руки Юлька.

Она подписала еще два экземпляра договора, предварительно внимательно его прочитав.

- Игорь! Ты можешь себе представить: наша дочь заработала первые деньги, и какие! - всплеснула руками мама, указав на стопочку долларов, которые Илья выложил на стол.

- Это надо отметить! - предложил папа. - Давайте быстренько стол организуем!

- Пить не могу, я за рулем - предупредил Илья, - а вот поужинаю с удовольствием!

Но он посидел с ними за столом совсем недолго, быстро поел, чокнувшись со всеми стаканом с соком.

- Пора мне, устал, как собака, засыпаю на ходу.

И уехал. Быстро. Извинился несколько раз, чмокнул Юльку в щеку, поздравив еще раз, и уехал!

А через месяца три Илья позвонил.

- Юльк, - позвал папа. - Тебя Илья к телефону!

Юлька удивилась.

«Может, картины не понравились, вернуть хочет?» - почему-то подумала она.

- Привет, Рыжик!

От звука его голоса у Юльки побежали мурашки по позвоночнику.

- Привет.

- У меня к тебе дело.

- Тщательно слушаю!

- Одной моей знакомой нужна твоя помощь.

- Любовнице? - спросила язвительно Юлька.

- Нет, - усмехнулся Илья, - сотруднице.

- И чем я могу ей помочь?

- Дизайном. Ты ведь этому учишься?

- Да вроде бы, - ничего не поняла Юлька.

- Ее квартиру затопили соседи, и очень сильно, да к тому же горячей водой. Пострадало все: мебель, стены, потолки, полы, двери. Словом, требуется капитальный ремонт и полная замена интерьера.

- Ты хочешь, чтобы я сделала ей проект дизайна?

- Да. И не только сделала, но и воплотила. Денег на известного дизайнера и крутой евроремонт у нее нет. Мы, конечно, окажем материальную помощь, и виновники затопления кое-что заплатят. Так возьмешься?

- Илья, я не делала ни одного самостоятельного проекта, у меня нет своей строительной бригады, и смету я могу составить лишь приблизительную, я еще всех цен на материалы не знаю, только основные.

- Но начинать когда-то надо, вот и попробуешь!

Юлька задумалась. Это не просто шанс - шансище!! Да с чего такие подарки небес?

- Ильюш, - обманчиво-задушевым тоном начала она, - ты что, меня продвигаешь? Спонсируешь? То картины купил, то предлагаешь потрясающие возможности? Ты что, занимаешься благотворительностью?

- Благотворительность, Рыжик, - это когда деньги дают, а я предлагаю работу. И... да, я тебя протезирую.

- Да с каких пирогов? Почему?

- Потому что мне нравится то, что ты делаешь, и я в тебя верю! А еще потому, что тысячи людей так и сидят невостребованные со своим талантом, как с фигой в кармане, и редко кому из них выпадает возможность заявить о себе. И если есть кто-то, кто в состоянии дать шанс, продвинуть, подтолкнуть, это замечательно. Я прекрасно знаю, как человек себя чувствует, когда у него нет возможности реализовать свой талант. Я же тебе не в носу ковырять предлагаю и не петть под фонограмму чужим голосом, я предлагаю вкалывать до седьмого пота, проявлять себя!

- Я согласна! Согласна! - заорала Юлька.

- Очень рад. Приезжай ко мне завтра в офис в девять утра, я тебя с ней познакомлю, и вы все обговорите. До встречи!

- Илья, - заспешила Юлька. - Спасибо тебе! За все! За помощь, за понимание и за то, что веришь в меня!

- Не за что, Юль, все зависит от тебя. Считаю, что я воспользовался нашим знакомством и помог сотруднице сэкономить деньги, а заодно и себе.

- Да ну тебя!

- До свидания, барышня!

Юлька бросила трубку и заорала как иерихонская труба:

- Мама, папа!!!

- Пожар? - поинтересовался спокойно папа, выходя их кухни.
- Или потоп? - подхватила мама.
- Я буду делать свой, индивидуальный, дизайнерский проект квартиры!
- Ого!
- Мне Илья предложил!
- Его квартиры?
- Нет, сотрудницы!
- А учеба? - спросил папа.
- Я успею! Я все успею!

И она закружилась по квартире в танце.

ИЛЬЯ

Игорь позвонил ему и, не скрывая гордости и радости, сообщил о первой выставке, в которой участвует Юлька. Конечно, Адорин не мог не прийти на такое мероприятие!

Илья настроился на похвалу, зная, что это будут достойные работы, но не ожидая ничего сверхъестественного, - все-таки Юлька еще студентка. Адорин помнил то, что она писала на даче, когда жила там с Тимкой, портреты, которые рисовала, сидя в их лаборатории, ее детские картины, но уже очень давно не видел ее новых работ. Илья понимал, что это «первая проба пера», так сказать, и старался изгнать из себя некую снисходительность, которую чувствовал, сосредоточившись на том факте, что Юлька в числе лучших. Вот с чем ее и надо поздравить.

Он увидел Юльку сразу, от входа, выхватив взглядом рыжую головку из толпы. Народа неожиданно оказалось очень много, ему пришлось пробираться к Расковым. Юлька повернулась к нему и одарила, как будто окатила всего с головы до ног, таким радостным бирюзовым взглядом.

«Спокойно!» - сразу одернул себя Илья.

Но когда он увидел ее картины, все отошло на второй план - исчезло, растворилось. Илья обалдел! Он удивился и восхитился.

Профессиональные полотна, выполненные настоящим, мощным и талантливым художником, несли такой невероятный эмоциональный заряд!

Адорин сразу, в секунду, всем нутром выхватил центральную картину, притягивавшую его как магнит. Хороши, безусловно, были все пять, разные, глубокие, со своей музыкой и тематикой.

Но «Поиск»!

Это была его картина! Его! Каждым миллиметром полотна, каждым мазком краски она передавала его внутреннее состояние, отражала его, черт возьми, душу! Отчаяние, боль, все пережитое, мучащее его: потери, разочарования, излом самого себя, когда Илья решил расстаться с любимым делом, и навеки запретное, недоступное счастье - единственно

возможное, с этой девочкой! Картина орала ему в сердце, в мозг, изливаясь со стены красными, синими, фиолетовыми слезами, черными разорванными квадратами отмечая вехи потерь, утрат, улетающим, открытым в беззвучном вопле ртом выкрикивала миру его отчаяние и так и не обретенное смирение.

Адорин остался один на один с ней, рассказывающей ему даже то, чего он не знал или прятал от самого себя поглубже. Почувствовав, что у него от переживаемого потрясения мелко дрожат пальцы, Илья сжал кулаки и засунул их в карманы.

«Этого не может быть! Никто не может так меня чувствовать, так знать! Я сам себя настолько не знаю и не разрешаю себе все это видеть! Не может быть! Как? Каким мистическим образом Юлька почувствовала, поняла это про меня?!»

Остановив время и изменив пространство, они смотрели глаза в глаза – он и его нарисованная душа – и признавали друг друга.

Илья вдруг вспомнил, как однажды, еще до ухода из науки, он, вернувшись среди ночи домой, стоял в темной кухне, смотрел, ничего не видя, в окно, и с такой надсадной, безысходной тоской думал: «Господи, неужели это все, что есть и будет в моей жизни?! Отупляющая, изматывающая пахота, нелюбимая жена, на которую и не встает, жизнь в двухкомнатной квартире с родителями, пропавшие куда-то восторг поиска, мысли, кайф от творчества. Только копейки, нищета?! И ничего больше впереди? Ни радости, ни иной жизни? Ни-че-го?!»

- Илья? – услышал он робкий голос Юльки.

И рванулся, как к спасению, назад в реальность. К ней, к ее голосу!

Он посмотрел на Юльку. Илье хотелось придушить ее за то, что она вывернула его наизнанку и заставила вспомнить все самое гадкое и трудное, показав ему самого себя.

«Как ты могла?! Откуда в тебе это?»

И вдруг Илью озарило, словно ударило, – она писала о себе! Его прошиб холодный пот с перепугу.

«Что, одна душа на двоих?! Одинаковая боль? – он тут же откинул эту мысль. – Нет, нет! Это невозможно! Но картину никому не отдам! Моя!»

Илья еще долго, несколько дней, жил со странным ощущением, чувствуя себя голым, незащищенным, словно кто-то рассказал миру всю правду о нем, даже самую потаенную, и теперь он не сможет ничего скрыть.

А Юлька, рыжая бестия, еще и усугубила это ощущение.

Во время их танца Илья испугался, что девушка почувствует животом, когда прижмется к нему, его восставшее желание. Собственно, и не опадавшее, так точнее, с самой выставки и все время, что они сидели в ресторане.

Илья повесил «Поиск» на стену в гостиной над телевизором в тот же день, когда привез картину домой. По вечерам, после работы, Адорин устраивался на диване, включал телевизор, но не видел и не слышал, что там показывают.

Картина притягивала его, как нечто запретное, тайное, греховное, и от этого была еще более

заораживающей. Он погружался в нее, каждый раз открывая что-то новое, не увиденное, не понятное, не замеченное раньше. А по ночам картина ему снилась, оживая и перенося свой сюжет в жизнь.

«Мистика какая-то! Чертовщина!» – пугался Адорин.

По утрам он старался не заходить в гостиную, чтобы не видеть картины.

А жизнь шла своим чередом, мало обращая внимания на человеческие страсти, страдания и мучения, впрочем, и на победы тоже.

Адорин освоился и преуспевал в новом деле. Леночка перестала ездить с группами – такой вид отдыха постепенно исчезал из туристического бизнеса. Народ предпочитал независимость. Ездили теперь, как правило, по индивидуальным турам, большая часть путешественников знала английский, а другие имели деньги, чтобы нанять переводчика. Лена поднялась по карьерной лестнице, стала заведовать отделом, хорошо зарабатывала, но Илья всегда давал ей деньги, когда бы та ни попросила.

Адорина устраивало то, что она теперь начальница и не мотается по командировкам, но в этом был один хреновый момент – Илья намного реже виделся с Тимкой, только в выходные, да и то не всегда.

Несколько месяцев он часто встречался с Юлькой, которая приходила к ним в офис обсудить ремонтные дела с заказчицей. Сотрудница Ильи была от нее в полном восторге (одни восклицательные знаки при упоминании Юлькиного имени) и передала девушку с рук на руки другой их коллеге – даме побогаче первой заказчицы, и Юлька неплохо заработала.

Пару раз они обедали вместе в его перерыв. Сидя с ней за столиком в кафе, разговаривая, Илья похваливал себя мысленно за то, что справляется со своими эмоциями, не давая желаниям и воображению ни одного шанса.

«Молодец, господин Адорин, – говорил он и пугался. – Может, возраст?»

Но, посмотрев на Юльку, тут же успокаивался, чувствуя рвущуюся к ней и жестко контролирующую страсть.

«Ни хрена! Просто выработал рефлекс все связанное с ней себе запрещать! Да, наверное, и «Поиск» помог».

Юлька расспрашивала про его дела, трудности, ей было все интересно, по-настоящему, искренне, рассказывала о себе, о проектах, работах, учебе.

А вскоре Юлька исчезла из поля зрения Ильи, закончив свои дизайнерские дела с его сотрудницами.

Адорин иногда звонил Расковым, они рассказывали, как у дочери дела, благодарили за его участие и помощь девочке, звали каждый раз в гости. Но Илья ограничивался, в силу занятости и нежелания терять больное, редкими встречами в праздник или по случаю чьего-нибудь дня рождения.

Но не удержался и сходил в гости к обеим сотрудницам, которым Юлька делала дизайн, в очередной раз удивившись и поразившись ее одаренности.

Она блестяще закончила институт, по случаю чего Расковы пригласили Илью в ресторан.

Адорин не хотел ехать, но все-таки поехал. Привычно волновался, что будет рядом и придется контролировать каждое слово, но оказалось зря. Собрались все Расковы: бабушки, дедушки, еще две Юлькины подруги по институту и их родственники.

«Вот и хорошо!» – отпустил себя Илья.

Юлька была так хороша! В вечернем наряде, со сложной изысканной прической. И он смотрел, смотрел, разрешая себе тепло внутри и немного мечтаний.

А что? Ну хоть раз можно же!

Илья подарил ей бирюзовые серьги в золотой оправе и браслет, в тон кулону, подаренному им, который, он знал и всегда отмечал про себя при встречах, Юлька никогда не снимает.

Адорин сел на другом конце стола, подальше от нее, отказавшись от предложенного места рядом, и наблюдал за Юлькой издалека. Почувствовав, что легкое, светлое настроение меняется незаметно на нарастающую боль, он ушел раньше всех под каким-то благовидным предлогом. Он приехал в пустую одинокую квартиру, к «Поиску», посмотрел на картину, постоял возле нее, но с настроением надо было срочно что-то делать, и Илья позвал свою любовницу, с которой встречался уже больше полугода.

Где-то через месяц Адорин позвонил Расковым, хотел пригласить их всех на организованный фирмой загородный пикник с шашлыком, катанием на лодках и полным набором пикниковых развлечений. Коллектив ехал с семьями. Илья брал с собой Тимку, и приглашать свою даму ему не хотелось, он мечтал увидеться с самыми близкими друзьями и позволить себе немного Юльки.

- Да мы с удовольствием, Ильюша, – обрадовалась Марина. – И Темочку давно не видели!

- Юльку тоже берите, он по ней скучает.

- А Юльки нет, – опечалилась Марина.

- Гуляет?

- Нет, она уехала в Прагу на год.

- На год? – не понял Илья.

- Ну да, в школу дизайнера, на учебу! Там какая-то необыкновенная школа, ориентированная на Средневековье, что-то в этом духе, но диплом они дают международный, я толком не поняла.

- На какие шиши? – строго, по-деловому, спросил Илья.

- На те, что получила от тебя за картины, и те, что заработала. Она рвалась сделать у нас дома ремонт и полную перемену интерьера, но мы не разрешили. Юлька мечтала поучиться в Испании, и мы с Игорем уговорили ее сохранить деньги на учебу.

- Почему же поехала в Прагу, а не в Испанию? – тем же деловым тоном продолжал расспрашивать Илья.

- Потому что языка не знает! Говорит: «У меня языковой тупизм, я и английский знаю на

уровне «твоя моя не понимай». А чтобы учиться там, где ей хочется, надо владеть испанским. Ну а в Чехии все знают русский.

- Ладно, мы с Тимкой сейчас за вами заедем, на природе и поговорим.

Ну, в Чехии и в Чехии, и слава богу! Не будет постоянного соблазна увидеться.

Адорин давно уже выстроил свою жизнь так, как было ему удобно и комфортно. Мама с отцом переживали за него, ворчали, призывая к благоразумию.

- Ильюша, что ты один и один! Мужчине семья нужна, дети, - уговаривала его мама страдальческим тоном. - Ну, был неудачный брак, ну и что? Тебе уж тридцать восьмой годок. Надо жениться.

- Да не берет никто, - отшучивался Илья.

Что, конечно, было неправдой. Желающих заполучить преуспевающего, молодого, свободного мужика имелось в количествах более чем предостаточных! Но Адорин сразу предупреждал всех женщин, входивших в его жизнь и попадавших в его постель:

- Жениться я не собираюсь. Сын у меня есть, мне достаточно, и моя жизнь меня вполне устраивает, менять в ней что-то не хочу и не буду.

Что-то в таком роде, иногда жестче, иногда мягче и тактичнее, в зависимости от того, какой женщине он это говорил, но всегда очень однозначно. А за несколько лет после развода с Леной женщины встречались разные. Иногда и Юлькины ровесницы, но их почему-то Адорин не считал маленькими и не испытывал угрызений совести, и уж тем более не чувствовал себя растлителем малолетних.

Просто они были другие, вот и все, - много чего знавшие и испытывшие, расчетливые или просто «отвязные», как теперь говорят, умные и глупенькие, с последними, правда, он старался не иметь дела - неинтересно, так, иногда залетали в его холостяцкую жизнь.

Обычный сволочной мужской эгоизм, куда денешься, не барышня все-таки, а здоровый мужик.

Адорин всегда был щедрым любовником. За что ему особое женское спасибо выражали дамы, даже тогда, когда понимали, что этот «пирожок» им не по зубам.

Бога-то он поблагодарил за то, что Юлька далеко, но скучал и все чаще задумывался: а не сгонять ли в Прагу? Без Рыжика как-то не звенело ничего в жизни. Пусть они не виделись и не перезванивались, но Илья всегда чувствовал Юлькино присутствие где-то рядом, в Москве, и знал: если совсем припечет, в любой момент можно с ней встретиться, и посветлеет внутри. Рокфеллер говорил, что необязательно окружать себя дорогими вещами и доказывать миру, что ты богат, чтобы чувствовать себя миллионером, достаточно жить, осознавая, какие ты имеешь деньги. А Илье для более-менее нормальной жизни достаточно было знать, что Юлька где-то рядом.

Весной он нашел повод для командировки. Дело пустячное, и с ним вполне мог справиться любой его менеджер, но Илья поехал сам, даже не пытаясь себя обманывать.

Поехал к ней.

Юлька снимала квартиру в старой части города, как ей это удалось, загадка. Если Адорин не

ошибался, сдавать жилье в исторической части в Праге не принято.

Илья пришел к ней без звонка и предупреждения, заранее взяв слово с Расковых, что они не проговорятся Юльке по телефону о его приезде. Хотел посмотреть, как она живет на самом деле – хорошо, плохо, хватает ли ей денег, какую квартиру снимает. Подозревая, что, если у нее и есть трудности, ему Юлька о них не расскажет. И еще Илья хотел знать, живет ли она с кем-то, хотя и старался самому себе не озвучивать эту причину своего неожиданного приезда.

Адорин поднялся по крутой винтовой лестнице со стертymi по кромке ступеньками. Нажал на кнопку вполне современного электрического звонка, пристроенного сбоку от старинной тяжелой массивной деревянной двери, обитой коваными металлическими планками.

Юлька распахнула дверь, и лицо ее озарилось такой чистой, непосредственной радостью, одарив его бирюзовым сиянием.

- Ильюша! – заорала она и повисла у него на шее. – Как замечательно, что ты приехал!

«Твою мать! Опять все то же самое!» – подумал Адорин, ощутив мгновенное жарко полыхнувшее желание.

Быстро расцеловал ее в щеки, взяв за бока, отлепил от себя и поставил на пол, пересиливая себя, – на Юльке была только коротенькая шелковая рубашечка на тоненьких бретельках, и он почувствовал ее горячую кожу под холодящей руки тканью.

«Помоги, Господи, мне грешному!»

- Привет, Рыжик!

- Заходи скорее! Я сейчас оденусь, соберусь!

Она занимала небольшую двухкомнатную квартирку с гостиной-студией, совмещенной с кухней, покатым потолком которой поддерживался тяжелыми деревянными балками. Илья прошелся по комнате, стараясь не смотреть на Юльку и перевести дух.

Она убежала в соседнюю комнату, скорее всего, спальню, и громко, радостно тараторила оттуда:

- Какой же ты молодец, что пришел ко мне! Я так скучаю по всем по вас, звоню родителям через день! А ты приехал по делам или отдохнуть?

- По делам и тебя навестить, – ответил он улыбаясь.

Юлька оделась и выскочила к нему из комнаты в длинной плотной широкой юбке в народном стиле, на легкую шелковую блузку бирюзового цвета, совпадающую оттенком с цветом ее глаз, был накинута коротенький, до талии, жакет из того же материала, что и юбка. Не переставая радостно тараторить, Юлька закрутила волосы в пучок и, не глядя, принялась втыкать в него шпильки.

Она отрастила волосы. Раньше Юлька всегда подстригала их сантиметров на десять ниже плеч, сейчас же густая рыжая шевелюра струилась по спине почти до талии.

Адорин успел рассмотреть ее всю и сразу, до мелочей, обратив внимание даже на еле заметную царапину на лбу, подрагивающий бирюзовый кулон в ложбинке груди, слегка

накрашенные ресницы и легкие золотистые тени на веках.

Юлька подняла руки, вкалывая шпильки, полы жакетика разошлись, грудь подскочила, упершись сосками в бирюзовую вышивку на блузке.

«Твою мать!» – чуть не взвыл Адорин.

И быстро сел на диван, перевел взгляд на картины, стоявшие у стены, – отвлечься, остудить себя. Картины были везде: стояли в подрамниках и без них, стопками прислоненные к стене, висели, лежали по всей комнате.

– Не предлагаю тебе ничего ни пить, ни есть! – звонко говорила Юлька, не заметив его реакции и быстрого движения, нога на ногу, прикрыть предательскую эрекцию. – Я завтракаю в кафе внизу, в нашем доме. Ты, когда шел, не заметил?

– Нет.

– Там хозяин Яцек, наполовину поляк, наполовину чех, как он говорит. Мы с ним целый месяц приспособивались друг к другу. Он очень своеобразный. Я растолковывала ему, какой предпочитаю завтрак. Яцек сначала делал вид, что не понимает, и готовил все не так. Тогда я пришла к нему в кухню и показала, какие люблю тосты, бутерброды и омлет, и сама сделала себе завтрак. Теперь мы вполне друг другом довольны – я плачу ему больше остальных, а он старается каждый раз что-то добавить от себя: вкусную булочку, кофе покрепче и всякое такое. И всегда сам мне подает, хотя у него полно официантов. Сейчас увидишь! Он меня обожает!

«И не он один!» – усмехнулся про себя Адорин.

– Ты стала... – Илья неопределенно махнул рукой, подбирая слово.

– Какая? – заинтересовалась Юлька.

– У тебя очень чешский, местный быт, – он указал на комнату. – И ты такая пражская, в одежде национального направления.

– Мне нравится их трикотаж с национальными мотивами, я экспериментирую! – объяснила Юлька, сверкая глазами.

– Ты отрастила волосы.

– Ты заметил! – обрадовалась Юлька, как ребенок неожиданной конфете. – Так гораздо удобней, от длины и тяжести они меньше вьются, и их легче уложить. Я готова. Идем?

– Идем, – согласился Илья, вставая с дивана резким движением. С неуместным заявлением тела он успел справиться.

Яцек действительно был колоритной фигурой. Килограммов ста двадцати, высокий здоровенный мужик, не толстый, а мускулистый, улыбнулся Юльке, изобразил скорбь, увидев Адорина, и на смеси русского, польского и чешского наигранно опечаленно сказал:

– Ты нашла себе муж? А как же Яцек? Яцек Юлию кохает!

– Я теж тэбэ кохаю! – рассмеялась она.

Завтрак превзошел любые ожидания, Илья и не помнил, когда с таким аппетитом и так вкусно завтракал.

- Ты можешь посвятить мне целый день или у тебя дела? - спросила Юлька.

- У меня дела, но я посвящу тебе целый день, - ответил расслабленный от ее безыскусной радости и вкусного завтрака Илья.

- Замечательно! Тогда я покажу тебе Прагу, мою Прагу! Те места, которые я люблю больше всего. Ты готов к длительным пешим прогулкам?

- Да!

- Я тебе все-все покажу! - восторженно звенел ее голос. - А обедать мы будем в одном местном, совсем не туристическом ресторанчике. Он темный, старый-престарый, с низкими потолками, но готовят там сказочно! Пошли?

Они бродили по весенней Праге.

В Москве было еще промозгло, сыро, холодно, кое-где лежали грязные, не растаявшие кучи снега, а здесь буйствовала весна! Зеленая, яркая, совсем недавно распустившаяся листва радовала взгляд, слепило солнце, от реки тянуло холодным освежающим ветерком. День стоял звеняще-солнечный, праздничный!

Юлька болтала без остановки, что-то рассказывала, забегала вперед, восторженно объясняла, жестикулируя руками, то хватала его за руку, то отпускала и, обращаясь к Илье, слепила его бирюзовыми зайчиками глаз.

Он млел. Ему было так хорошо, спокойно и радостно, как не было уже долгие-долгие годы. Он и не помнил, что в жизни возможно такое состояние души - беззаботной щедрой радости, света, солнца, любви.

Как же ему было хорошо и покойно, господи боже мой!

Ресторан, который стоял у них в программе, оказался почему-то закрыт. Но Юлька - это Юлька!

- Сейчас, подожди! - проговорила она и быстро убежала за угол здания.

Илья закурил, отошел от двери с висевшей на ней табличкой с непонятной ему записью и посмотрел вокруг.

К ресторану примыкал небольшой пяточок земли. Справа от дорожки, ведущей к двери, стояли два больших дерева, на участке метров десять на десять, покрытом молодой ярко-зеленой, только пробившейся травой, вдоль забора тянулись какие-то низенькие кусты. Этот крохотный участок весенней радости упирался в глухую стену соседнего здания.

Илья затушил сигарету о стоящую у входа высокую урну, глубоко вдохнул дурманящий весенний воздух с легким запахом дыма, корицы, распускающихся цветов.

«Хорошо-то как, господи!»

- Сейчас все будет! - произнесла за спиной Юлька.

- Что, этот «Сезам» для нас откроется? - недоверчиво поинтересовался он.

- Лучше! - улыбалась лучезарно Юлька - Я здесь часто бываю, у них недорого, без всяких наворотов, простая еда, но невероятно вкусно! Я их попросила, рассказала о московском очень важном госте, приехавшем всего на один день, ну наговорила кучу комплиментов ресторану, что он самый лучший и все в этом роде! И оп-ля!

Илью почтительно отодвинули с дорожки двое мужчин, не забыв при этом улыбнуться, и пронесли мимо него столик и стулья. Юлька пошла следом, показывая, куда все это надо поставить.

- Больше смахивает на кавказское гостеприимство, - ошарашенно проворчал Илья.

Юлька руководила процессом, махала руками, дважды передумав и попросив переставить столик то в один угол мини-лужайки, то в другой. Наконец, удовлетворившись видом и местоположением столика, махнула Илье рукой. Адорин сел на указанный ею стул и по достоинству оценил Юлькины старания - лепота!

Сказочный, как из книжек Андерсена, вид: золотится крест на дальней церкви, как бы парящий над яркой черепицей домов и цветами на окнах и балкончиках, припекает солнышко, а еще кружат голову ароматы весны и слышится звонкий птичий гомон.

Средневековье. Прага. Чудо.

К ним подошли два официанта, постелили скатерть, поставили приборы, рюмки, плетенку с ломтями хлеба домашней выпечки, еще горячего и исходящего паром, кувшин белого сухого вина, а не традиционного пива, бутылку минеральной воды и большую тарелку свежих нарезанных овощей.

- Я все заказала, - пояснила Юлька, увидев его удивление. - Меню они предоставить не могут, но я и так знаю, что здесь готовят. Тебе понравится!

- Рыжик, предупреждаю сразу: даже не пытайся заплатить!

Она расхохоталась, звонко, громко, запрокинув голову.

- Не буду пытаться, я уже заплатила!

- Сколько? - требовательно спросил он.

- Не скажу! Ты мой гость!

- Нет, маленькая, так не пойдет!

- Да уже все проканалю, расслабься! Я ведь говорила: здесь недорого!

- Ладно, разберемся! - пообещал Илья.

Они долго сидели, во-первых, потому что устали, а во-вторых, о многом говорили. Незаметно для себя Илья рассказал о своей работе, о переживаниях, о Темке и Лене, о родителях. И удивился - что это он разоткровенничался! Надо притормозить, а то, разомлев, и в любви признается. И он быстро перевел разговор на нее.

- Тебе здесь нравится? Как учеба?

- Учеба хорошо, интересно, - ответила Юлька и посмотрела, задумавшись, на далекий крест над крышами.

- Но? - понял Илья.

- Это не совсем мое. Мне здесь очень нравится, в Праге уютно, тепло. Это что касается жизни, а вот с учебой. Нет, мне интересно, но тут придерживаются сдержанного, европейского, ближе к классическому стилю дизайна. В этом много своеобразной красоты, однако я другая. Во мне больше яркого, иногда кричащего, во мне другой темперамент, другая музыка: больше цвета, света...

«Жизни в тебе больше, солнце ты мое! Жизни! Того, чего нет у меня!» - залюбовавшись ею, подумал Илья.

- Знаешь, я очень хочу в Испанию, в Барселону, с фантастическим Гауди, музыкальным фонтаном, с ее какой-то карнавальной бесшабашностью, красками. А еще мечтаю о Марокко, побродить по Марракешу и Фесу! Там такие краски! Цвета! Кованые лампы, обтянутые кожей, шали, да много чего! И в Мексику, это вообще за предел! Темно-синее с оранжевым и ярко-зеленым, потрясающие цвета, а музыка!

Он глаз не мог отвести от нее - Юлька вся светилась изнутри, вдохновленная своим, только ей понятным видением, миром, музыкой.

«А мы все устроим! - решил неожиданно Адорин. - И Испанию, и Марокко, надо только придумать, как сделать так, чтобы она не отказалась и не взбрыкнула!»

Но это в туманном будущем, а сейчас надо разобраться с сегодняшними ее демонстрациями независимости.

Намекнув, что ему необходимо посетить «заведение», Адорин прошел в ресторан через черный вход, отыскал хозяина и узнал, сколько Юлька ему заплатила. Илья достал кошелек и отсчитал в три раза больше.

- Она часто у вас бывает?

- Да, - кивнул хозяин.

- Вы запомните эту девушку?

Хозяин рассмеялся и на чистом русском спросил:

- А вы считаете, что такую девушку можно забыть?

- Да уж! - вздохнул Илья. - Вот, возьмите, на какую сумму она обычно заказывает?

- Вы интересуетесь, на сколько хватит этих денег? - уточнил хозяин.

- Да.

- Обещаю, - усмехнулся хозяин, - что пять раз мы будем обслуживать ее за ваш счет, а шестой за счет заведения, она наша постоянная клиентка и подарила ресторану свою картину, к тому же ваша знакомая очень необыкновенная девушка, и мы сделаем это с удовольствием.

Адорин кивнул, соглашаясь со всем сразу: и с количеством оплаченных посещений, и с

утверждением, что Юлька особенная барышня.

ЮЛЯ

Это был самый замечательный день в ее жизни – день, проведенный с Ильей в Праге!

У Юльки от любви, весны, яркости дня и невозможности соединения с этим мужчиной уже привычно в его присутствии плакало сердце. Но она была так счастлива, что не хотела думать ни о чем печальном.

Они поднялись в ее квартирку после целого дня, проведенного в прогулке по Праге, Юлька сварила кофе и угостила гостя яблочным штруделем. Илья спросил, отпивая ароматный напиток из чашки:

- Рыжик, ты на что живешь? На какие деньги?

- На накопленные в чулке! – «зловещим» голосом, подражая ужасикам, ответила Юлька и улыбнулась. – У меня все рассчитано, определенная сумма на каждый месяц: еда, оплата квартиры и разные мелочи. К тому же я пробуду здесь не целый год, как планировала, а получу диплом раньше.

- Юлька, продай мне свои картины, так сказать, «Пражский период», очень хочется их заполучить!

- Илья, мне хватает денег, не надо заниматься плохо прикрытой благотворительностью, – сказала она, как-то вдруг расстроившись.

- И не думал даже! – сделал Адорин невинное лицо, но, увидев, что Юлька загрустила, произнес серьезно: – Рыжик, конечно, мне хочется помочь тебе деньгами, меня это по карману не ударит, а тебе они очень нужны. Если я просто предложу денег, по-дружески, ты возьмешь?

- Нет, – покачала она головой. – Ни за что! Я не бедствую, у меня все в порядке! Мне помощь не нужна.

- Ну, конечно, – усмехнулся Илья. – Вот поэтому я и предлагаю тебе заработать. Мне на самом деле очень нравятся твои картины, и я действительно хочу их купить не только для того, чтобы помочь тебе материально, но и чтобы доставить себе удовольствие, любуясь прекрасными работами.

- Нет, честно? Тебе нравится то, что я рисую? – никак не могла поверить Юлька.

- Вот те крест! – поклялся шутливо Илья и перекрестился. – Продашь?

- Выбирай! – улыбнулась Юлька и повела рукой. – Только при условии, что не за пятьсот баксов. Здесь в основном акварели и графика, а они столько не стоят, даже если очень захотеть!

Отставив чашку на небольшой столик, Илья поднялся и прошелся по квартире, расставляя все работы, чтобы рассмотреть. Юлька включила свет и шагнула в уголок, застыв в ожидании. Илья долго и внимательно разглядывал картины, переходя от одной к другой, брал их в руки, подносил к свету, ставил на место и начинал просмотр заново.

Он отобрал десять работ. Юлька захлопала в ладоши, подпрыгивая на месте!

- Ты такой молодец! Ты угадал, понял! Это самые лучшие, я их люблю больше всех!

Они торговались: Юлька занижала цену, Илья завышал и настаивал на своем. Характеры у обоих еще те, бойцовские, споры разгорались, но им все-таки удалось сойтись на компромиссе – двести долларов за работу. Адорин отсчитал ей деньги, которые специально взял с собой, зная, что под каким-либо предлогом заставит Юльку их взять, правда, рассчитывал, что сможет дать больше.

Не вышло.

- Ну что, будем оформлять договор? – пошутил он.

- Нет, здесь все по-другому. У меня есть так называемое разрешение, что-то вроде лицензии, оно дает мне право рисовать, продавать и дарить свои картины. Тебя могут и не спросить, что ты везешь, посмотрят и пропустят на таможне, а могут потребовать документ. Поэтому я напишу тебе доверенность на доставку моих работ в Москву и поеду тебя провожать. Ты когда уезжаешь?

- Завтра днем, самолетом.

- Я провожу, а если тебя спросят, покажу этот документ.

- Хорошо. Ну, все, Рыжик, спокойной ночи, завтра я за тобой заеду.

Она его проводила.

Никто на таможне не спросил у Ильи про картины. Загоня назад рвущиеся слезы, Юлька помахала ему рукой.

Она откинула плед и встала с кровати. Где же Кирилл черти носят? И именно сегодня! И словно те, кто где-то носил Кирилла, услышали ее вопрос, – зазвонил телефон.

- Юлик! Привет, – услышала она Кирилла. – Я сегодня не приду.

- Понятно, – вздохнула Юлька. – Я ужин приготовила.

- У нас тоска? – спросил он, меняя тон с веселого на озабоченный.

- Что-то вроде того. Вечер воспоминаний.

- В одиночку?

- Увы!

- Не перестарайся! С этим делом надо быть аккуратным, а то можно в такие дебри зарулить, что под утро решишь, что жизнь дала трещину и ты сплошная «бьяка», и ну его на...

- Буду осторожной, – пообещала Юлька.

- Может, Кару пригласишь, раз впала в такое настроение? Посидите, хлопнете чего-нибудь?

- Нет, мне надо одной.

- Прийти? - она услышала испуг в его голосе.
- Да ничего страшного! Что ты испугался?
- Ну, смотри. А твой ужин я съем за завтраком.
- За поздним? - уточнила Юлька.
- Ага! Ты там не страдай, поругаю! - предупредил он ее, как ребенка.
- А ты береги себя, - ответила она.
- Обязательно! - пообещал Кирилл. - Нежно целую в рыжую макушку и белый носик! До завтра!
- Пока.

Значит, Кирилл не придет домой, как случалось частенько, следовательно, не будет повода для прекращения фильма под названием: «Не любите, девки, старых - выбирайте молодых!»

Через день после того, как Адорин улетел, Юлька обедала в том ресторанчике, где они были с Ильей по «индивидуальному», так сказать, проекту. Когда девушка попросила счет, к ней подошел сам хозяин и, приветливо улыбаясь, произнес:

- Мужчина, с которым вы были у нас, оплатил пять ваших обедов вперед.

Юлька даже рот открыла от удивления. Ну и Илья, как он лихо, по-гусарски! А?

- Он вас очень любит, - сделал свой вывод хозяин ресторана.

«Ага! - язвительно подумала Юлька. - Любит, маленькую сестричку, доченьку друзей!»

Когда до отъезда из Праги оставался месяц, Юлька считала дни, часы, так она соскучилась и рвалась домой, в Москву, к родителям, друзьям, бабушкам-дедушкам и, конечно, к Илье! О-хо-хо!

Она приехала и закутилась в радостных встречах, отечаниях, рассказах, поисках работы. Но ничто не могло отвлечь от мыслей об Илье: Юлька думала о нем постоянно, не переставая, сохраняя внутри тепло того дня, проведенного вместе в Праге, давшего ей немного надежды.

«Позвонить? - спрашивала она себя по сто раз за день. - Нет, он же знает, что я приехала, и не звонит, значит, занят или я ему, как обычно, без надобности!»

И тут же находила оправдание ему, подпитывая свою такую робкую надежду: «А может, он не в курсе, что я в Москве!»

Но спросить у родителей, знает ли Илья о ее приезде, не решалась.

Может, по причине все той же глупой надежды - не стоит расставлять все точки над «i», лучше представлять себе, что он не в курсе ее прибытия в столицу.

И он позвонил.

Этот звонок и то, что произошло после него, перевернули, искорежили ее жизнь, убивая в страшных пытках остатки или первые новые ростки надежды.

Не любви. Нет.

Мечтаний, девичьих и детских иллюзий, радостных, светлых воспоминаний – всего, за что цеплялась робко и тайно надежда, последнее, что есть у человека.

Лучше бы уканопутили любовь, совсем и окончательно!

- О господи! Неужели и это надо еще раз пережить?! - возмутилась Юлька.

Она быстро прошла в кухню. Бокал вина, выпитый несколько часов назад под легкую ностальгию, не поможет. Такие воспоминания надо заливать совсем другими напитками!

А лучше даже не прикасаться к таким воспоминаниям!

- Это! - сказала она, выбрав дорогой коньяк, и налила себе приличную порцию.

Вздыхнула, посмотрела на бокал в руке и с сомнением спросила:

- А вдруг поможет?

И выпила.

«Не помогло! Поехало дальше! Чтобы пусто было и Илье, и мне, и этим чертовым воспоминаниям, и Карелии до кучи, чтобы не умничала!»

Он позвонил в десять вечера. Трубку подняла Юлька.

- Да? - весело сказала она.

В трубке повисла тишина, а потом Юлька услышала голос Ильи, странный, она не сразу сообразила, в чем дело.

- Рыжик? Ты в Москве?

- Да, - промямлила она, от чувств-с, уж извините.

- Это хорошо! Я по тебе соскучился, красавица моя!

- Ты что, пьяный? - дошло до Юльки.

- Не пьяный, а выпивший, - объяснил Адорин.

- Илья, что-то случилось? - испугалась Юлька.

- Случилось, - ответил он, помолчал и разъяснил: - Случилось всякое дерьмо!

Юлька приняла мгновенное решение.

- Ты где, дома? - спросила она.

- Дома, дома. Пью вот.

- Никуда не уходи! - велела Юлька и бросила трубку.

Родителей дома не было. Она схватила сумочку, бросила в нее кошелек, дежурную косметичку, обула босоножки. На дворе стоял июнь, но не очень теплый, Юлька взяла кофту и пулей вылетела из дома.

Она никогда не была в новой квартире Ильи, купленной им года два назад, в центре в помпезном престижном доме. Но адрес Юлька знала как собственное имя, и иногда проходила мимо этого дома по надобности, а чаще - без нее. Нечто вроде мазохизма, что ли?

Илья открыл ей дверь и изумился.

- Рыжик, ты откуда?

Не таким уж пьяным он был, как ей показалось по телефону.

- Оттуда! - проворчала Юлька, входя в квартиру. - Что пьешь?

- По-благородному - дорогой коньяк! Будешь? - предложил он.

- Буду!

Юлька прошла в комнату, в направлении которой указал широким приглашающим жестом Адорин.

- Прошу.

Первое, что бросилось Юльке в глаза - ее «Поиск» на самом видном месте, на стене над большим плоским телевизором.

«Ну надо же!» - необычайно удивилась она.

На стеклянном, весьма дорогом и стильном столике возле большого дивана стояли в беспорядке, далеко не художественном, красивая бутылка коньяка, рюмка, круглые следы от которой отпечатались на прозрачной поверхности, блюде с лимоном, порезанным ломтями, как хлеб, тарелка с сыром и надкушенным бутербродом с семгой.

- Да уж! Не «Метрополь», - прокомментировала данную инсталляцию Юлька.

- Холостяцкий быт, - пояснил Адорин, пожав плечами.

- Да ладно, - не поверила она. - У тебя вроде домработница есть.

- Да, но она со мной ночами не пьет. Увы!

- Ладно, сейчас добавим эстетики, - пообещала Юлька и быстро собрала тарелки со стола.

- А может, ну ее, эстетику в смысле? - спросил Илья. - Давай хлопнем по рабоче-крестьянски!

- По этому принципу пьют только водку, а не такой коньяк, - не согласилась Юлька. - Я быстро, где кухня?

- Налево по коридору. Юльк, ты не шурши сильно, ладно? Возьми рюмочку и приходи!

Юлька не ответила. Она шустренько соорудила закуску из того, что нашла в холодильнике, красиво выложила на тарелки, отыскала салфетки и принесла все в комнату.

- Ого! - удивился Илья.

Юлька вернулась в кухню за рюмкой для себя и застыла, только сейчас заметив свой крымский пейзаж.

- Я сейчас! - крикнула она.

Юлька пошла по квартире, посмотреть, нет ли где еще ее работ. В ярко освещенном большом коридоре на одной из стен висели десять пражских работ, и развешаны они оказались капитально: на потолке была приделана тонкая металлическая планка, от нее тянулись вниз нити, на которых держались картины. Все в рамках и под стеклом. Юлька двинулась дальше. В комнате, видимо, служившей кабинетом, висели «Старушка», «Особняк» и «Окно». Юлька и предположить не могла, что Илья на самом деле повесит все ее картины на стены. Она думала, что Адорин купил их, облекая свою помощь в такую форму. Ну, конечно, ему нравились ее работы, она не сомневалась, но то, что он ими украсит квартиру!..

- Юлька! - громко позвал Илья. - Ну, где ты там?

- Здесь. Здесь! - отозвалась Юлька и поспешила на его голос.

Илья разлил в рюмки коньяк и предложил:

- Давай, Рыжик, выпьем!

- За что? - спросила Юлька, усаживаясь рядом с ним на диван.

- Ни за что, просто выпьем! - ответил он и махнул содержимое своей рюмки.

- Лихо! - выказала уважение Юлька и последовала его примеру.

- Не менее! - отметил Илья ее способности.

- Я была студенткой, ты помнишь? - объяснила свою «лихость» Юлька.

- Хорошей студенткой! - подтвердил он и налил еще по одной.

- Что случилось у тебя, Ильюш? - спросила Юлька.

Он помолчал, подумал, что-то прикидывая в голове, и одним махом выпил вторую рюмку.

- Она хочет его увезти! - зло сказал Адорин.

- А точнее: кто она и кого увезти? - поинтересовалась Юлька.

- Ленка хочет увезти Темку в Америку! Навсегда! Жить!

- Как это? - оторопела Юлька.

- Ленка вышла замуж за американца несколько месяцев назад. Они познакомились на работе -

он в американской турфирме служит, - встретились, влюбились, женились. Теперь Лена уезжает жить к нему в Америку и хочет забрать с собой Тимку!

- Что значит хочет? - возмутилась Юлька. - А ты?

- А я не отпущу! - рявкнул Илья.

- Ну и хорошо! Правильно, чего ж ты пьешь тогда? Если не дашь своего согласия, никто его не увезет!

- Да потому и пью, что не знаю до конца, прав я или нет! Ленка так расписывает перспективы, которые его там ждут, а во мне все против!

Илья налил себе еще и приказал Юльке:

- Пей!

Они выпили, и Юлька сунула ему в руку бутерброд с маслом и сыром, который сделала специально - опьянеет же в хлам, если не будет закусывать! Илья послушно откусил от бутерброда и продолжил свою мысль:

- Понимаешь, Тимка еще маленький, ему и шести-то не исполнилось, он не может сейчас решать, что ему хорошо, а что плохо! А я точно знаю: ни один, даже самый замечательный, мужик не будет его так сильно любить, как я, родной отец! Да и какие такие распрекрасные перспективы?! - возмутился он, повышая голос. - Образование в школе у них дерьмовое, у нас на несколько порядков лучше и глубже! У него здесь я, бабушки-дедушки, Родина тут, наконец!

Илья в раздражении бросил бутерброд на тарелку, поднялся с дивана и стал ходить перед Юлькой туда-сюда.

- На хрена ему эти американцы? Вот скажи! Если он захочет получить европейское образование или то же американское - да пожалуйста! Я отправлю сына учиться в любой колледж или университет! Слава богу, не бедный! Но он будет выбирать сам! Понимаешь, сам! И решать будет сам, а не мать с отчимом за него!

Адорин резко прекратил свое хождение, сел на место и налил себе коньяка. Рюмочки были маленькие, граммов по двадцать пять, но если так частить...

- Подожди, Илья, - попыталась отвлечь Адорина от коньяка Юлька, положив ему ладонь на руку, державшую рюмку. - А что Лена говорит?

Он поставил рюмку на стол, покачал головой, Юлька снова сунула ему бутерброд в руку, Илья не заметил и машинально откусил от него.

- У нас с ней война! По всем фронтам! Она плачет, умоляет, угрожает, строчит доносы в налоговую и фининспекцию. У меня каждый день проверки на фирме, необоснованные, фактов нет, извините! - Илья развел руками и снова откусил от бутерброда. - Подговаривает Тимку, звонит мне, дает ребенку трубку, а он плачет, ничего не понимает и повторяет за ней, я же слышу, как Ленка ему текст шепчет!

- Что повторяет?

- «Папочка, отпусти меня!» Твою мать!

Илья опять швырнул бутерброд на тарелку и одним махом выпил коньяк.

- Ну, это она перегнула, - не зная, как помягче назвать такие действия, сказала Юлька.

- Сука! - взревел Илья. - Ну, ладно, мы ругаемся, разбираемся, а его зачем в это втягивать, травмировать?!

- Ты зря шумишь, буянишь и напиваешься, - спокойно произнесла Юлька. - У них день отлета определен, билеты на руках?

- Да, - сбавил тон Илья. - Ну и что?

- Да то, что они улетят, а Тимка останется, никто не даст ребенка увезти без твоего согласия, а его, как я понимаю, не будет.

- Нет! Ни за что! Даже если я не прав!

- Прав, прав! - успокоила Юлька. - Ладно бы Тимочке было лет десять-двенадцать и он мог решать, с кем хочет остаться. А сейчас ему лучше с родным папой, в родной стране, а не с отчимом и пусть в замечательной, но англоязычной чужой стране, где другая жизнь, другие правила и нет ни одного близкого человека, кроме мамы. А если у них не заладится с мужем? Ты прав, а Лену можно понять, она хорошая мать и любит Тимку. Когда они улетают?

- Через три недели.

- Значит, потерпи это время. А Тимошку можешь отправить от ваших разборок подальше, в Крым или Сочи, со своими родителями.

- Это как отправить? Она мне даже увидиться в ее присутствии с ним не дает!

- Ну, я не знаю, выкради Тимошку, если надо! - предложила радикальный вариант Юлька.

- И что, Ленка не сможет с ним попрощаться?

- Да, нехорошо, - согласилась Юлька. - Но, с другой стороны, слезы, стелания, обвинения в твой адрес, просьбы и проклятия, а представь, каким будет прощание в аэропорту? Это все ребенку надо проходить и переживать? Объясни Лене, что, когда Тимошка подрастет, ты станешь его отпускать к ней в Америку на каникулы, а она может видиться с ним в любое время, когда будет приезжать в Москву.

- А ты представляешь, что чувствует, что испытывает мать, которую разлучают с ребенком?

Юлька подскочила, шагнула в сторону от него и зло ответила:

- Нет, не представляю! Но думаю, что ты про это все знаешь и сочувствуешь Лене, тогда отдай Темку и перестань пить и жалеть тут себя!

Илья быстро встал, подошел к Юльке, притянул ее к себе и обнял.

- Черт! Прости, Рыжик, прости! Мне хреново, вот я и кидаюсь на всех!

Он взял в ладони ее лицо, заглянул в глаза и нежно расцеловал в щеки.

- Ну, мир? - спросил Илья.

Юлька поняла причину этого его взрыва по-своему. Кто про что, а вшивый, как водится, про баню!

- Ты так сильно ее любишь? Тебе больно, что она вышла замуж? Ты ревнуешь? - тихо проговорила Юлька, следя за выражением его лица.

- Кого? - не сразу понял Илья. - Лену?

- Ну да.

- Ох, Рыжик, Рыжик! - покачал головой он.

Подвел Юльку к дивану, усадил на место, сел рядом, налил коньяк в рюмки, но пить не стал.

- Нет, Юлечка, не люблю, - вздохнул Илья. - Может, в этом и вся проблема, что я ее никогда не любил и она меня тоже. Так вот получилось.

- Вы поженились из-за Тимки?

- Не совсем. В первую очередь, конечно, из-за него, но мы были немного влюблены, казалось, что этого достаточно. Я тогда не особенно размышлял о том, какие чувства испытываю к Лене, и о том, как сложится моя семья, и о нас с ней не очень-то думал. Голова была занята совсем другим: работой... - он запнулся, кинул быстрый взгляд на Юльку, - работой, наукой. Я тогда очень много работал, уставал. Не до разборки чувств как-то было.

- Да ты всегда много работал! - воскликнула пораженная таким откровением Юлька. - Сколько я тебя знаю, ты только и делал, что работал! Но это не мешало же думать!

- Иногда мешало.

Адорин встал, обошел столик, шагнул вплотную к телевизору и, засунув руки в карманы брюк, принялся рассматривать «Поиск».

- Я из-за этого ушел из науки. Я перестал чувствовать кайф от работы, кураж от мыслительного процесса, нечто непередаваемое, что звенит внутри, когда ты в поиске, когда идешь, двигаешься по цепочке рассуждений, вычислений и чувствуешь, знаешь: вот сейчас ты поймешь истину, вот еще немного, и получится! Это такой адреналин, такое чувство!

Илья развернулся, посмотрел Юльке в глаза, и выражение его лица было... потустороннее, что ли, когда он пытался это объяснить. У Юльки мурашки пробежали по телу.

Илья вернулся на место, сел, поднял рюмку, жестом пригласив ее присоединиться, она взяла свою рюмку. Выпили, закусили. Помолчали.

- Я заработался на других своих работах, в нескончаемом, как по кругу, беге за деньгами, - продолжил он тихим голосом. - Перестал мыслить так, как привык, - все время - день и ночь, я думал даже во сне. На это наслаивалась вечная, изматывающая нехватка денег - а они были нужны, нужны, нужны, - оупляющая работа и ощущение нищеты. Ленка умоляла бросить институт. Она сидела без работы, родителей надо было поднимать после аварии, у Тимки одни на все сезоны ботиночки. Но я бы не ушел только из-за денег! Нет! Я ушел, потому что перестал творить, а наука - это творчество! Еще какое, работа кропотливая и творчество!

Юлька слушала, затаив дыхание, боясь спугнуть неосторожным движением прорвавшееся наконец из него откровение.

Ну, в конце-то концов, сколько лет он держал все это в себе!

Илья откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза и говорил с такой застарелой, прогорклой тоской, без надрыва или пафоса, без обвинения, как говорит человек о старой, всегда ноющей, но привычной ране. Юлька никогда не видела его таким.

На нее вдруг снизошло какое-то озарение, понимание. Юлька медленно повернула голову, всмотрелась в свой «Поиск» и так же медленно перевела взгляд на Илью.

А ведь это она его нарисовала! Про него! Как же она раньше не догадалась?! Почему поняла это только сейчас, слушая его?

- Господи! - не открывая глаз, говорил Илья. - Ты не представляешь, я обожаю утро! Я ложился в кровать и старался скорее уснуть, чтобы побыстрее проснуться! Каждое утро я шел на работу пешком, специально. От моей квартиры до института ровно сорок минут ходьбы. Это было самое любимое мое время. Я шел, а в уме складывались формулы, я их продумывал, менял, начинал выстраивать заново. Я ничего не видел вокруг и никого не слышал - выключался от окружающего, шагал на автопилоте по знакомому маршруту и думал, искал! Но я потерял и эти любимые сорок утренних минут, все поглотило добывание денег.

Он открыл глаза, сел ровно, взял бутылку и посмотрел на свет.

- Коньяк кончился, сейчас другую принесу.

Юлька прикусила язык, чтобы не выпалить банальное «Может, хватит?». Илья ушел и крикнул из кухни:

- Рыжик, чаю или кофе хочешь?

Юлька подскочила и побежала выпущенной стрелой за ним, радуясь поводу притормозить заливание трудных мыслей коньяком.

- Чаю! - с порога выпалила она. - Давай чаю выпьем!

- Намекаешь на перерыв? - усмехнулся он.

- На чай!

Он поставил на стол непечатую бутылку, которую достал из бара, и занялся приготовлением чая. Юлька села на высокий стул у стойки и спросила:

- А как ты в новую работу входил? Трудно было?

- Честно?

- Хотелось бы.

- Ужасно! Первое время продумывал, и не один раз, бросить все и сбежать в тайгу лес валить или еще куда подальше!

- Так уж и лес? - не поверила Юлька.

- Честное слово! - поклялся Илья и стал что-то искать в шкафчиках. - Где-то здесь должны быть припасены сигареты.

- Родители говорили, что ты бросил.

- Да, но под такое настроение можно! Ага, вот они!

Илья нашел пачку, достал сигарету. Закурил. Щелкнул, выключаясь, закипевший чайник. Илья насыпал заварки в керамический маленький заварочный чайник, залил его кипятком и накрыл полотенцем.

- Где-то должна быть пепельница.

- Вот, - сказала Юлька, узрев искомую на стойке, и протянула ему. - Так что там про тайгу?

- Про тайгу? Понимаешь, надо было срочно вникать в дела. На меня свалилась целая куча информации, которую требовалось усвоить, понять, проанализировать. В бизнесе все работает по-другому, все не так, как в науке: законы, жизнь, энергетика, что ли. Я дурел! И чувствовал себя тупицей! Я привык работать по-другому, мыслить, выстраивать логическую цепочку в голове иначе!

Он затушил сигарету, открыл коньяк, взял с полки две рюмочки, сестрички тех, что остались в комнате на столе, налил, протянул одну рюмку Юльке, чокнулся с ней и выпил, без всякого тоста.

- Если честно, было очень трудно. Да, просто хреново! Такое это все было не мое! А сколько ляпов, сколько ошибок я поначалу сделал! Но спустя какое-то время мне вдруг оказалось все пофиг. То ли перетрудился, перешел некий предел сил, то ли выключился от постоянного напряжения, не знаю, но я перестал чувствовать, волноваться, жил, как под наркозом. Пусто внутри! Стали неинтересны люди, дело, ничего не задевало, порой казалось, будто я умер, что ли. Знаешь, в тот момент единственный, кто меня спасал, это Тимка. Как он радовался, маленький, любому подарку, каждой новой вещи, которую я приносил! Он так встречал меня, когда я приходил с работы, точно не видел месяц! Я как-то привез ящик апельсинов. Если б ты видела Тимкины глазенки! Он никак не мог поверить, что все это ему, сложил ручки в замок, прижал к груди и удивленно так, словно попал в сказку, спрашивает: «Папа, это мне?» Когда я смотрел на сына, сердце разрывалось! У него никогда не было дорогих игрушек, дорогой одежды и тем более ящика апельсинов! Только ради Тимки я и держался, сказал себе: «Сдохну, но справлюсь!» Однажды проводил переговоры, надо было подписать очень важный для нашей фирмы контракт. Я пришел на встречу в ставшем к тому времени привычным для меня безразличном настроении, но по мере беседы почувствовал: что-то меня раздражает, и сильно. Собрался, проанализировал ситуацию и понял! Манера поведения тех, с кем я проводил переговоры, - эдакая барская пренебрежительность, некий налет презрительности и высокомерия. Я подобрался, разозлился, и я их сделал, Юлька! Я их так сделал, что весь снобизм сошел с них в один момент! Они только потом поняли, что подписали. И знаешь, я почувствовал такой кураж внутри, такой интерес, что-то близкое к тем ощущениям, когда занимался наукой. С этого все и началось. Я втянулся, и мне понравилось. Я нашел свой кайф в этой работе. Только стараюсь не вспоминать про науку, все равно тошно, правда, чем больше времени проходит, тем легче, забывается, что ли.

Юлька слезла с высокого стула и предложила:

- Давай я чай налью.

- Налей, и пошли в комнату.

Юлька разлила чай по чашкам, и они с Ильей отнесли их в гостиную, она положила лимон и сахар в чашку Ильи, размешала и протянула ему.

- Пей!

- Боишься, что я напьюсь? – понял он все ее заходы. – Мне твой чай не поможет, я уже пьяный.

- А говоришь очень трезво, – не согласилась Юлька.

- Это обманчивое впечатление, был бы трезвый, не стал бы тут с тобой откровенничать, – улыбнулся Илья и все-таки отпил чай.

- Ну, не так уж ты и откровенничаешь, а рассказываешь, как тебе досталось за последние годы. Откровения – это когда человек делится тем, что мучает его, внутренней болью, которую переживает сейчас, в данный момент, или чем-то тайным.

Илья несколькими большими глотками допил чай, поставил чашку на стол и предложил:

- Тогда давай начнем с тебя, – он показал рукой на «Поиск». – Поделись тем, что так сильно мучает тебя?

- Ты снова это делаешь! – воскликнула Юлька.

- Что? – не понял он.

- Переводишь разговор на меня!

- Юлечка, зачем тебе откровения не очень молодого выпившего мужика?

- Наверное, затем, что это не чужой мне мужик, которому к тому же плохо, и ему, как и каждому человеку, надо выговорить свою боль, потому что он не позволял себе такого никогда, насколько я понимаю.

- Спасибо, Рыжик, за участие. Но, скажи мне, ты молодая, красивая, здоровая девушка, у тебя замечательные родители, ты талантлива, у тебя есть любимое дело и прекрасные перспективы впереди, близкие живы-здоровы, семья не бедствует, откуда же эта картина? Какая боль так мучает тебя?

Юлька молчала. А что говорить? Признаться в безнадежной любви к нему?

Так он знает, да и что изменится от ее признаний? Ничего – Илья ее не полюбит так, как Юльке мечтается, не станет относиться к ней как к женщине.

Но Адорин был товарищем упорным.

- Я полагаю, это несчастная любовь? – настаивал он.

- А тебя? – не сдавалась Юлька и вернула Илье все его слова. – Ты здоровый, красивый, сильный, молодой, богатый и успешный, у тебя все родные живы-здоровы, замечательный Тимошка, интересная работа и прекрасные перспективы впереди. Почему же тебе так плохо? Тебя мучает несчастная любовь?

- Мучает, - почему-то признался он, усмехнувшись.

- Но почему? - удивилась Юлька. - Ты свободный мужчина, так женись на ней, и все дела! Или она тебя не любит?

- Наверное, любит, но не той любовью, о которой мы говорим.

Ох, как больно было это услышать! Какого черта она так настойчиво вызывала его на откровения?! Лучше бы Илья молчал, не признавался! Зачем, ну зачем ей знать, что он кого-то любит, зачем добавлять себе контузий и шоковых терапий?! Идиотка!

Илья взял бутылку, которую так принес из кухни вместе с чаем, разлил в рюмки коньяк.

- Давай, Рыжик, лучше выпьем.

- Нет, - отказалась Юлька, с трудом сдерживая злые слезы, - мне уже достаточно, я опьянела.

- Ну, раз опьянела, то признавайся, кто тебя так обидел? Что за несчастная любовь у тебя?

Юлька рассмеялась, стараясь поскорей перевести опасный разговор в шутку, чтобы не выпалить лишнего или, в самом деле, не впасть в откровения. А соблазн был! Еще какой! Вот сейчас взять и рассказать все: как она измучилась, любя его, как избегает встреч и разговоров с ним, как хранит в душе драгоценные воспоминания о нем, о Праге, о детстве! И неважно, что будет потом! Пусть они больше никогда не встретятся и Илья перестанет с ней вообще разговаривать - пусть!

Юлька посмеялась и сказала шутливо:

- Ты же знаешь, что я люблю только тебя всю жизнь!

Он молча смотрел на нее. Странно смотрел. Минуты падали куда-то, а он смотрел Юльке в глаза. Не отводя взгляда, протянул руку, провел пальцами по ее щеке и очень тихо проговорил:

- Если бы ты знала, маленькая, как я тебя люблю!

Юлька перестала дышать! Она смотрела ему в глаза, не веря, и не дышала!

Это было совсем не братское признание в любви! И не признание маленькой обожаемой девочке - дочери друзей!

Он наклонился к Юльке и легко, нежно поцеловал ее в губы. Но через мгновение, положив руку ей на затылок, притянул к себе и поцеловал сильно, страстно, зажигая их обоих!

У Юльки закружилась голова! Она улетала куда-то.

Этого поцелуя стоило ждать столько лет! Стоило ждать хоть всю жизнь такой поцелуй Ильи Адорина!

ИЛЬЯ

Наверное, все на земле, в том числе и душа человека, работает по законам физики. Годами загнанные вглубь желания, мечты, подчиненные воле и полному контролю, привычку жить, ничего себе не разрешая, запрещая счастье, любовь, которые вот здесь, совсем рядом, до них можно дотянуться, взять, позволить себе. Если с каждой новой встречей, взглядом, разговором

только усиливать контроль и запреты, то рано или поздно сила сжатия превысит силу внутреннего сопротивления.

С огромной скоростью сдерживающая пружина, издавая высокий тонкий визг, разожмется, раскручиваясь и сметая все на своем пути!

Сметая все резоны, все мыслимые и выдуманые запреты, не подчиняясь больше никаким приказам, в Илье рванулось на свободу его неистовое желание, любовь к этой девочке, темная и вместе с тем светлая и нежная страсть!

Адорин целовал ее со всей страстностью и любовью, накопленной за эти годы, он с ума сходил от чувств и ощущений, вспыхнувших в нем, как пожар, заполняя разум, волю, тело!

Все! Назад дороги нет!

Остановиться, взять под контроль вырвавшееся необузданное, слепящее желание он уже не смог бы. Даже все высшие силы не сумели бы сейчас его остановить!

Он отпустил себя и разрешил себе все, с восторгом подчиняясь этой разрушительной силе. Илья отодвинул, выкинул за некую грань все рассуждения и запреты, оставив за этой гранью все – и неизбежное утро, и столь же неизбежную расплату за счастье, все «нельзя», людей и их мнения, свою вину и все, что он потеряет.

Потом потеряет.

Сейчас он только приобретал!

Здесь, в эту минуту, в этой единственно реальной действительности Илья наконец приобретал ее, Юльку, своего огненного Рыжика, свою единственную Женщину!

Каким-то непонятным образом он мог еще думать, нет, не думать, а знать, понимать обостренным восприятием, настроенным на нее. И это знание подсказывало: нет, не здесь, не на диване и тем более не на полу – только в кровати! В его кровати!

Илья не помнил, как принес ее в спальню, не помнил, как раздел и разделся сам, ясность ощущений вернулась к нему, когда он медленно уложил ее голую на кровать и начал целовать, всю, через губы впитывая такое познание ее.

Юлька ничего не говорила, но всей своей рыжей яростной натурой рвалась к нему навстречу! Безудержно, бескомпромиссно – к нему!

Он чувствовал, он все чувствовал, до нюансов, до миллиметров времени, ставшего материальным, осязаемым.

Первый раз Илья брал Юльку медленно, неторопливо, не отводя взгляда от ее бирюзовых глаз, не обращая внимания на то, что все в нем рвалось вперед и требовало – быстрее, быстрее! Но эта мучительная медлительность была единственно правильной и пристрелила его в конце, на вершине, куда они попали вместе.

Оказалось, что он у нее первый мужчина, и Илья сатанел от мужского самодовольства и радости. Он не выпускал Юльку из рук ни на секунду и не давал заснуть ни ей, ни себе.

Нельзя спать! Спать – это воровать у того времени, которое им отвел и даровал кто-то.

Наверное, Господь!

Илья прижимал ее к себе, смотрел в глаза, что-то рассказывал шепотом, она отвечала, смеялась и... плакала.

Слезы текли по ее лицу сами собой, от счастья, Адорин точно знал, что от счастья и переживаемых ощущений, сейчас он все про нее знал и чувствовал, и целовывал с Юлькиных щек слезы, целовал ее лицо, успокаивал, что-то шептал и снова брал.

И еще раз, и еще!

Сколько мог, улетаая черт знает куда, одуреая от того, как это прекрасно!

Они все-таки уснули, под утро, когда уже светало, в одно мгновение, как выключились.

ЮЛЯ

Юлька проснулась с ощущением глубокого, невероятного счастья и покоя! И музыки! В ней звучала какая-то мелодия, радостная, праздничная - мексиканские гитары и скрипки!

В первые секунды Юлька не поняла, почему это чувствует, может, она еще спит, и ей снится счастье? А через мгновение вспомнила все!

Илья!!!

Юлька открыла глаза и посмотрела на него. Он спал на боку, лицом к ней, одной рукой обнимая ее за плечи, другой за талию, не отпуская от себя и в бессознательном состоянии.

И улыбался во сне.

Юлька смотрела на него, и музыка, звучащая внутри, стала громкой, чистой, вызывая теплый трепет в груди. И чувствовала абсолютное, полное счастье!

Ей захотелось немедленно разбудить Илью - пусть будет с ней наяву, а не в своих снах!

Она перевернула его на спину, улеглась сверху, сложив руки у него на груди. Илья открыл глаза и посмотрел на нее. Счастливым, неверящим, ошеломленным взглядом!

Юлька улыбалась, и ей казалось, что они находятся в центре теплого весеннего солнца и все пространство вокруг них озарено ярким переливающимся светом!

Но вдруг выражение его глаз начало стремительно меняться.

- Нет! - отказалась верить Юлька. - Нет! Только не это! Не делай этого с нами! - взмолилась она.

Но что-то неотвратимое, черное и неизбежное надвигалось на них. Она чувствовала это всем своим существом! Теплое весеннее солнце, осветившее их, превратилось в беспощадный раскаленный шар, сжигая все, что согревало, звенело одной струной на двоих, превращая Юльку в выжженную пустыню, в пепел!

Она рывком перекадилась с него и вскочила с кровати. Илья попытался ее удержать, но не успел, так стремительно она двигалась.

- Юлечка! - просящим, извиняющимся голосом позвал Адорин.

- Почему?! - заорала Юлька, глядя на него глазами, полными слез. - Почему, черт тебя подери?!

- Юлька, милая! - попросил он пощады. - Прости, но потому что это неправильно. Я намного тебя старше! Я право на это не имею, я тебе в отцы гожусь!

Сметая беспомощность и несогласие с жизнью, с глупостью всего, произносимого им, Юльку окатила холодная волна ярости. От злости у нее заострились скулы, тело била мелкая противная дрожь. Сузив глаза, не принимая никаких его слов, Юлька холодно, зло ответила:

- Ты не годишься мне в отцы! Ты всего на пятнадцать лет меня старше!

- Рыжик, это очень много, это целая жизнь! Тебе только кажется, что я тебе нужен, ты молодая, красивая, замечательная девочка, а я битая циничная сволочь! И это...

Она рванулась к Илье, уперлась руками в кровать, нависая над ним, и тем же злым голосом, но тихо, шипящим полупшепотом произнесла, перебивая его:

- Если ты сейчас скажешь что-нибудь про детскую влюбленность и про то, что все у меня скоро пройдет, я тебя ударю!

- Юлечка... - попросил, простонал Адорин.

Он умолял ее простить, понять, принять невозможность их одного на двоих бытия и счастья.

Юлька отстранилась.

«Бежать! Уматывать, иначе я вся выгорю под этим чертовым солнцем! Или начну упрашивать его, умолять!»

Ничего не говоря, не отвечая на слова Ильи, мысли, попытки что-то объяснить, она заметалась по комнате.

- Юля! - позвал Адорин.

Она подняла с пола юбку, натянула нервными торопливыми движениями, нашла блузку там же, на полу, и, выбегая из комнаты, судорожно, бестолково, на ходу накинула ее на плечи. Юлька не стала искать свое белье, надела все на голое тело.

«Быстрее!» - подгоняла она себя, словно силы ада гнались за ней.

- Юля! - повторил Илья, выходя из комнаты следом за девушкой. - Подожди! Я тебя отвезу!

Юлька не слушала. «Быстрее, черт тебя возьми!».

Схватила с вешалки в прихожей сумочку, взяла в руку босоножки и, торопясь, ломая ногти, стала открывать замок.

Быстрее! Пока он не догнал, не дошел до прихожей!

- Юля! - прогремел голос Ильи, другой, требовательный.

Все! Замок щелкнул.

Юлька выскочила на площадку, босиком, в незастегнутой блузке, открывавшей голую грудь, сильно, с размаху хлопнула дверью, закрывая ее перед Ильей, и побежала вниз по ступенькам.

Быстрее!

На последнем пролете, перед выходом, где сидел консьерж в будке, Юлька остановилась, опомнившись на мгновение, застегнула блузку, обула босоножки и ринулась из дома прочь.

Она куда-то мчалась, в какие-то дворы, переулки, чуть не попала под машину, отскочив в последний момент под надрывный звук клаксона и матерную ругань водителя, и снова свернула в какой-то двор.

Юлька не плакала - убегала!

От себя, от нечестности, несправедливости этой гребаной жизни и от боли из-за того, что он отказался от нее, от их союза, от всего, что уже сложилось, могло сложиться!

Юлька остановилась возле скамейки в каком-то очередном дворе, через который бежала, согнулась пополам, схватилась за живот и утробно, страшно заорала.

- А-а-а!!! - от шока, от бессилия и несогласия со случившимся кричала Юлька. - А-а-а!!!

Девушку кто-то тронул за плечо. Не разгибаясь, Юлька повернула голову и увидела женщину лет пятидесяти, участливо склонившуюся к ней.

- Вам плохо? - спросила женщина.

Юлька кивнула и прохрипела:

- Да. Мне очень плохо!

- Я сейчас «Скорую» вызову, - поспешила помочь женщина. - Вы присядьте!

Она взяла Юльку за локоть, поддерживая, и попыталась усадить ее на скамейку. Юлька схватила женщину за руку и отрицательно покачала головой.

- Не надо «Скорую», помогите мне, пожалуйста, сесть в такси.

Юлька не помнила, как женщина ловила такси и усаживала ее в машину, не помнила, как назвала адрес и доехала, да и как она попала домой, тоже не помнила.

Дома никого не было. Юлька сбросила босоножки, куда-то кинула сумочку, прошла в свою комнату и легла на кровать.

Она легла на бок, свернулась калачиком, подтянув колени к подбородку, уставилась в стену... и так пролежала двое суток.

Юлька ни с кем не разговаривала, не вставала, не двигалась, не ела и не пила.

Родители перепугались насмерть, найдя ее в таком состоянии вечером, когда вернулись с работы. Как-то Юлька нашла в себе силы, чтобы сказать им:

- Я здорова, все в порядке. Мне надо полежать.

Больше она не отвечала ни на какие вопросы и не реагировала на окружающих. Приходил какой-то врач, наверное, родители вызвали. Юлька дала ему себя осмотреть, померить давление, но и на его вопросы отвечать не стала.

Илья не позвонил, не приехал, он вообще никак не проявился, но Юльке теперь и это было безразлично. О чем думала она тогда эти двое суток?

Юлька не помнила. Наверное, она менялась, жизнь в ней менялась, а может, так умирала ее надежда? Последняя надежда.

На третий день Юлька встала с кровати, чувствуя себя старой. Болело все: голова, внутренние органы, мышцы, кости, даже корни волос. Шаркая ногами, как древняя старушка, она поплелась в ванную. Увидев дочку, мама подскочила со стула в кухне и кинулась к ней.

- Девочка моя. Солнышко! Что с тобой случилось? - перепуганная и измученная неведением, она не знала, как помочь своему ребенку.

Юлька обняла маму, прижалась к ней и постаралась успокоить:

- Теперь все будет хорошо, мамочка!

- Тебя кто-то обидел? - отстранилась и заглянула дочери в лицо мама.

- Нет, - устало ответила Юлька. - Просто все встало на свои места.

- Илья? - поняла мама.

Юлька кивнула.

- Только не спрашивай меня ни о чем. Ладно? Все будет хорошо, я обещаю.

Мама недоверчиво всматривалась в выражение лица дочери.

- Мамуль, - попросила Юлька, - сделай, пожалуйста, завтрак. Много и вкусно.

- Сейчас сделаю! - пообещала мама, украдкой вытирая катившиеся слезы, и постаралась улыбнуться.

- А где папа?

- На работу ушел, он два дня возле тебя сидел, теперь мое дежурство.

- Спасибо. Я сейчас искупаюсь, ты меня покормишь и поможешь собраться.

- Куда? - испугалась мама.

- Я в Питер поеду, к Людке Зосимовой. Она вышла замуж и теперь там живет. Людка очень настойчиво приглашала меня в гости. Вот я и поеду.

Поздно вечером у нее был поезд, Юлька складывала вещи в сумку и слышала, как шепчутся на кухне родители. Папа, обрадованный новостью о ее выздоровлении, пришел домой пораньше, удостовериться лично, что с доченькой действительно все в порядке.

- Что у них случилось, как ты думаешь? - спросила мама у отца.
- Не знаю, может, Юлька ему в любви призналась, а он объяснил, что любит ее по-другому, - предположил папа.
- Господи! Юлька так тяжело это пережила! Она изменилась даже, ты посмотри, на кого наша дочь похожа! Как смерть ходит!
- Ну, ну, не надо драматизировать, Мариш!
- Что он ей мог такого сказать или сделать, ума не приложу! Илья бы ни за что ее не обидел, ты же знаешь!
- Может, не понял, что обидел, - предположил папа. - Ладно, перемелется и позабудется! Это хорошо, что Юлька уезжает. Она правильно решила - новые люди, новая компания, новая жизнь. У нас сильная дочь. Она справится!

Юлька улыбнулась.

Конечно, сильная, конечно, справится! Но не позабудет никогда! А прежней Юли уже нет. То раскаленное солнце выжгло в ней надежду! Последний рубеж любого человека выжиг и уничтожил в ней Илья Адорин! Почему же оно не выжгло любовь?! Почему?

Но об этом она запретила себе думать!

Людка встречала ее у вагона радостная, возбужденная.

- Раскова! - орала она на всю платформу. - Как здорово, что ты приехала!
- Людка, - сразу, не отходя от вагона, сообщила Юля, - мне надо работу найти.
- Да найдем мы тебе работу! - отмахнулась Зосимова. - Что ты сразу об этом! Посмотришь Питер, я тебя с такими людьми познакомлю, отдохнешь, ты же только из Праги вернулась. Работы свои привезла?
- Привезла. Все я привезла. Ладно, идем, показывай, как живешь!

Выяснилось, что очень даже неплохо жила Людочка Зосимова. В центре Питера, в большой четырехкомнатной квартире, с веселым общительным мужем, кстати, тоже дизайнером.

У них в доме собирались большие и шумные компании, напоминавшие Юльке о студенческих годах, в основном среди гостей были художники - известные и неизвестные, богатые и сводившие концы с концами, но все очень интересные, неординарные.

Зосимова таскала Юльку по разным выставкам, в театры, на молодежные тусовки, посмеивалась над тем, что подруга несколько дней подряд, словно на работу - с утра до позднего вечера, - ходила в Эрмитаж и Русский музей. Как-то раз они закатились большой компанией в Петергоф, и Юлька, не вынеся возникшего профессионального спора о художественных направлениях, сбежала ото всех и долго бродила в одиночестве, наслаждаясь и впитывая в себя красоту.

На одной из многочисленных вечеринок Юлька познакомилась с Кириллом.

Ему было тридцать лет, он работал реставратором и, как все утверждали в голос, был очень

талантлив и известен в питерских кругах и за пределами оных и Родины.

Гремела музыка, целая куча народа перемещалась по квартире: кто-то, перекрикивая музыку, спорил об искусстве, кто-то, не обращая на музыку внимания, играл на гитаре, кто-то целовался по углам – обычная художественная тусня. Юля на кухне помогала Людмиле раскладывать очередную порцию закуски на два больших блюда, обсуждая с подружкой присутствующих и немного сплетничая.

В кухню зашел молодой человек, которого Юлька не знала. Высокий, худой, симпатичный блондин с длинными волосами, схваченными на затылке резинкой.

- Помочь? – спросил он скорее для проформы.

- Да мы уже справились! – отозвалась Людка. – Вот, Юля, знакомься, это Кирилл, известный и о-чень талантливый реставратор!

Людка подхватила оба блюда и вышла из кухни.

- Значит, вы и есть та самая подруга Юля.

- Значит! – ответила Юлька. – А вы, значит, реставратор.

- Значит, – передразнил он.

- Я в школе увлекалась реставрацией, ходила в детскую студию при центре Грабаря.

- И стали дизайнером, – закончил он за нее.

- Да, но еще не совсем.

- Реставрация не понравилась?

- Понравилась, и очень, но я поняла, что это не мое.

- Хотите посмотреть? – вдруг спросил он.

- Да! Очень хочу, – загорелась Юлька.

- Завтра в полдевятого я за вами заеду. Ждите меня у подъезда, – распорядился он, приказывая, а не предлагая.

- Есть! – улыбнулась Юлька и отдала честь.

ИЛЬЯ

Он помнил все.

В мельчайших подробностях, поминутно, посекундно. Каждый вздох, каждое слово, каждое движение, все, что чувствовал и переживал тогда.

Вот уже седьмой месяц Илья жил с этими воспоминаниями. Он справлялся с ними, как мог: загружался работой, делами сверх меры, менял женщин одну за другой, стараясь встречаться с ними не у себя в квартире. Если можно было, то только не там!

Иногда, неожиданно, перед его мысленным видением вставали сцены той ночи в подробностях, сопровождаемые звуками, запахами, и кровь ударяла в голову. В пах. Бросало в жар и становилось неудобно сидеть.

Илья взял со столика пузатый бокал, отпил глоток коньяка и, задумавшись, посмотрел на янтарную жидкость.

Почему он тогда не остановил Юльку? Почему не побежал за ней? Почему дал уйти вот так, в отчаянии?

Потому что знал: если он остановит ее, то никуда больше от себя не отпустит! Не сможет! И тогда жизнь Юльки превратится в кошмар, от нее отрекутся родные и друзья. А когда она поймет, что Илья прав и на самом деле ее любовь – лишь каприз, память о той детской наивной влюбленности, подогреваемая тем, что нельзя получить эту большую игрушку, поймет и захочет уйти, вот тогда его жизнь превратится в кошмар и перестанет иметь смысл!

Потому Адорин изо всех сил держался, чтобы не броситься за Юлькой.

Уперся лбом во входную дверь, до хруста, до боли сжав пальцы на дверной ручке.

Нет! Нельзя!

- Чертова жизнь! – крикнул Илья.

И со всего размаха кинул бокал в Юлькину картину, в ее «Поиск»!

Бросок был сильным, резким, расстояние до стены метра три. Но странным, колдовским образом бокал не попал в картину, ударившись выше в стену, он разлетелся с громким звоном на мелкие осколки, обдавая брызгами коньяка обои и телевизор.

Ни одна капля, ни один осколок не попали на полотно.

Илья обалдел от такого феномена, посмотрел, не веря своим глазам, на «Поиск» и восхитился:

- Вот ведь рыжая чертовка! Даже твои картины живут по другим законам!

ЮЛЯ

Кирилл привел ее в реставрационные цеха, где работал, и подробно, насколько можно было за столь короткое время, рассказал о своей работе. Юлька, сразу ужасно заинтересовавшись, слушала, вникала и задавала массу вопросов. Но, к сожалению, экскурсия оказалась недолгой, Кириллу надо было работать. Проводив девушку к выходу, он вежливо попрощался и ушел.

А вечером заявился к Людмиле домой, без звонка и предупреждения, впрочем, большая часть гостей приходила к ним именно так. Юлька открыла ему дверь, провела на кухню, где вместе с хозяевами за столом уже сидело трое гостей, и очень удивилась, когда он сказал:

- Собирайся и пошли.

- Куда?

- Буду тебе Питер показывать.

Странно, судя по его поведению сегодня утром на работе, вроде бы ничего такого – гуляния, свидания, продолжения знакомства – не предполагалось. Он сухо, вежливо, без заигрывания или какой-либо мужской заинтересованности показывал свое производство и так же отстраненно попрощался. Без всяких «увидимся» или «до встречи», без намека на продолжение или приглашения на свидание.

- Ну, пока, – произнес он и вернулся на работу.

Но, конечно же, от предложения посмотреть Питер Юлька не могла отказаться. На несколько недель это стало традицией: Кирилл приходил вечером и распоряжался:

- Готова? Пошли!

Они бродили по городу часами. Белые, нереальные ночи! Какая красота, особое состояние души и разума! Питер великолепен во все времена и погоды, но только белыми ночами он немного приоткрывает свои тайны, шепчет тебе на ухо свои секреты. И только белыми ночами становится прозрачно, призрачно прекрасен, словно парит над землей и глупой действительностью. Эти запахи, шорохи, особая тишина, редкие нереальные прохожие, мокрые улицы, плеск воды о гранитную набережную – все загадочно и вызывает странное смятение, желание познать, разгадать тайну города, стать его частью.

Кирилл знал о городе все: историю каждого здания, кто и когда его построил и кто в нем жил, трагедии и драмы каждого дома, поворота, переулка, каждого метра своего любимого Питера.

И то, что он рассказывал, было потрясающе интересно, завораживало, очаровывало, Юле чудилось, что она попала в другой мир, в другую реальность. Она шла за ним, куда бы он ее ни вел, безропотно подчиняясь, слушала его, впитывала в себя музыку этих улиц, запоминая детали. По выходным Кирилл возил ее за город, в красивейшие места, которые особенно любил, и к друзьям на дачи.

Но вскоре прогулки по Питеру стали невозможны, увы! У Юльки появилась работа.

Денис, муж Людмилы, получил большой заказ и предложил ей работать вместе с ним помощницей. Юлька с радостью согласилась. Пусть это не ее индивидуальный проект и совсем не большие деньги Денис обещал, но она очень соскучилась по любимому делу, а рассчитывать на свой личный проект пока не приходилось.

Своих талантливых дизайнеров в Питере хватало и без Юльки, да она и не мечтала получить заказ. Она всего лишь начинающий дизайнер, имеющий в копилке только два проекта, и те в Москве. Поэтому Юлька согласилась на предложение Дениса не раздумывая и увлеклась, загорелась. Сидела ночами над эскизами, моталась по строительным рынкам и магазинам, ругалась со строителями, иногда сама хваталась за инструменты и показывала, как надо делать.

С Кириллом теперь они встречались только по воскресеньям, и он продолжил их экскурсии по Питеру.

Он был интересным рассказчиком, обладавшим обширными знаниями и умением их преподнести. И, надо признать, интересным мужчиной – немного циничным, самоуверенным до холодности, немного пресыщенным жизнью, позволяющим себе налет скуки в поведении. С женщинами он держался слегка надменно, снисходительно, не хамски, без пережима и мужского шовинизма, совсем нет, но эдакая отстраненность и некое превосходство, подчеркивающее его многоопытность, присутствовали в манерах Кирилла.

Юлька с удивлением видела, что женщины притягивались к нему, как мотыльки к свету, как к запретному плоду, покупаясь именно на это, но сама не поддадала под его, без сомнения сильную, мужскую харизму, удивляясь про себя: «А, собственно, почему?»

Кирилл не ухаживал за ней в традиционном понимании ухаживания – не дарил цветы, не назначал свиданий, не приглашал в рестораны или кафе, не пытался поцеловать или заигрывать. Он звонил или заходил и отдавал приказание:

- Пошли!

И Юлька шла, ожидая с нетерпением, что Кирилл расскажет, покажет, каким сегодня преподнесет ей свой город. А в рестораны и кафе они заходили, когда уставали от длительных прогулок.

- Пойдем поедим, – говорил Кирилл, приглашая ее в какое-нибудь ближайшее заведение.

И оказывалось, он хорошо знал те места, куда они заходили «поесть», советовал, что взять, поясняя, какие блюда здесь наиболее удачные. По пункту «поесть» у них произошло первое столкновение: Юлька решительно заявила, что за себя платить будет сама, Кирилл, снисходительный к женским капризам, по-барски небрежно отмахнулся:

- Не глупи, платить буду я.

- Нет, – ответила она твердо.

- Ну, ты выступила, дала понять, что вся такая независимая и самостоятельная, что тебя на кабак не купишь, и достаточно. Я понял, проникся, но платить буду сам. И попрошу без дебатов!

- Нет! – повторила она и обратилась к подошедшему официанту: – Посчитайте, пожалуйста, нам отдельно.

Кирилл разозлился, собрался что-то сказать, далеко не в нежных тонах, но Юлька его опередила:

- Все! Как ты выразился, никаких дебатов!

Он внимательно на нее посмотрел и промолчал. Видимо, понял, что Юлька не уступит, и сделал про себя только ему ведомые выводы. Главное, что отстал и более не настаивал.

В одно из воскресений, после целого дня прогулки, вечером, они сидели в уютном кафе на улице. Кирилл доел свое блюдо, откинулся на спинку стула, посмотрел на Юлю, задумавшись, и неожиданно произнес:

- По-моему, самое время пригласить тебя ко мне домой.

Юлька напряглась, поняв, о чем он говорит, и сразу мысленно себя одернула: «А почему нет? Новая жизнь, как сказал папа, новые знакомства!»

- Обычно я привожу женщин к себе после первого или второго свидания.

- А у нас были свидания? – попыталась кокетничать Юлька.

- А то как же!

- Хорошо, что ты сказал, а то я не поняла, что это свидания, - поблагодарила она. - Ну, и почему меня ты не затащил в первый же вечер в койку?

- Не надо этих игр, Юлечка, ты не умеешь кокетничать и заигрывать, да тебе и не идет. А что касается твоего вопроса, все просто - ты бы не пошла. И вряд ли бы после первой моей провальной попытки пошла бы вообще.

- И почему ты сделал такой вывод?

- Потому что я разбираюсь в женщинах, и, смею надеяться, неплохо. У тебя были глаза побитой собаки. Страдающие. Ты вся целиком, с потрохами, находилась в своей личной трагедии, уверен, что несчастная любовь.

- Почему же именно любовь?

- Если б это была трагедия в семье, с родителями или близкими родственниками, ты бы давно мне рассказала, ну а коль молчишь, значит, страдания связаны с неудавшимся романом.

Юлька не ответила и быстро ушла от темы:

- А сейчас у меня глаза достаточно веселые, чтобы пригласить меня в постель?

- Сейчас у тебя глаза все той же побитой собаки, но которую уже приласкали и накормили, оживающей псины. Осталось завершить процесс исцеления, - пояснил он и спросил тоном, больше похожим на распоряжение: - Идем?

- Идем, - решила Юлька, как бросилась с обрыва, и грустно подумала: «В собачий питомник, долечиваться!»

«Питомник» при ближайшем рассмотрении оказался шикарной квартирой в старом доме на набережной, занимавшей половину верхнего этажа.

- Ого! - удивилась Юлька, входя в «хоромы». - Откель дровишки-то у простого реставратора?

- Излишнее любопытство сгубило кошку! - усмехнулся Кирилл. - Я богатый наследник своей многочисленной и очень небедной родни. И, что самое привлекательное: единственный! Раньше при таком стечении обстоятельств дворянские семьи били тревогу, полагая, что род вымирает, и брали крестьянскую девку для оздоровления крови. Она рожала детей, их признавали наследниками, а мамашу отправляли назад в имение.

- Тогда тебе надо в народ, на поиск здоровой, розовощекой русской красавицы!

- Я подумываю над этим.

Юлька обошла всю квартиру, рассматривая картины на стенах, мебель, но больше интересуясь интерьером, качеством ремонта и дизайна. Ну кто про что, как водится. Она остановилась возле висевшей в кабинете прекрасной светлой акварели с изображением Петропавловской крепости, освещенной встающим солнцем. Подошел Кирилл, протянул ей бокал с красным вином.

- Вина? - спросил он.

«Да! - подумала Юля, принимая бокал. - И как можно больше - напиться и забыться!»

Напиться он ей не дал. Когда они чокнулись и отпили вина, Кирилл забрал у нее из рук бокал, поставил на письменный стол, притянул Юльку к себе, взял рукой за подбородок, посмотрел несколько секунд внимательно в глаза и поцеловал.

И ничего не случилось! Поцелуй как поцелуй, целовалась она и раньше, и не только с Ильей, но про его поцелуи следовало забыть навеки! Ожидаемого чуда, теснения в груди, тока крови по жилам и всего, что случается в такие моменты, – нет, не произошло!

«К черту Илью! К черту!» – разозлилась она и обняла Кирилла двумя руками, прижалась к нему сильнее и углубила поцелуй.

Юлька проснулась и огляделась вокруг. Кирилла не было ни в постели, ни в комнате, залитой ярким утренним солнцем. Она улыбнулась, потянулась, как довольная кошечка. Встав с разоренной кровати, обернулась махровой простыней, которой они укрывались, подошла к окну и подставила лицо солнышку.

Они занимались любовью всю ночь, заснув под утро. Кирилл проявил себя прекрасным, внимательным любовником: то нежным, то стремительным и страстным. Юльке было хорошо.

Хорошо, и не более!

Ничего такого, что она испытала с Ильей: никакого безумия, растворения друг в друге, единения, страсти до слез, нежности, от которой разрывается сердце, улетания сознания от одного прикосновения – ничего!

«И слава богу! Не надо мне этих страстей и умираний! Нет уж, спасибо! Мне хорошо с Кириллом, радостно и приятно, вот и замечательно! К черту страсти!» – решила она и пошла искать Кирилла.

- Кирилл, ты где? – крикнула Юлька, выходя в коридор.

- Я на кухне! – отозвался он. – Иди сюда!

Юлька прошла в кухню. Кирилл босиком, в одних брюках, не застегнутых на ременную пуговицу, висевших на бедрах, готовил завтрак.

- Привет! – обрадовалась ему Юлька.

Подошла, чмокнула Кирилла в щеку, он поставил на стол тарелку с бутербродами, которые приготовил, обнял ее крепко двумя руками и легко поцеловал в губы.

- Доброе утро! Садись. Давай скорее завтракать, мне надо на работу.

- Мне тоже! – сказала Юлька, усаживаясь за стол.

- Кофе? – спросил Кирилл.

- Да. Если можно, покрепче, побольше и с молоком.

- Можно, – кивнул он.

Кирилл сварил кофе, налил в две большие керамические чашки, поставил перед ней одну, другую себе и сел напротив Юльки за стол.

- Я сегодня вечером заеду к Людмиле и заберу твои вещи. Ты после работы не заходи к ним, иди прямо сюда, - сказал он ровным, почти равнодушным голосом, отпивая кофе из кружки.

Юлька перестала улыбаться, медленно положила бутерброд назад на тарелку, так и не откусив от него, и уточнила, правильно ли она поняла:

- Ты предлагаешь мне переехать к тебе?

- Да. Будешь жить со мной, - тем же ровным тоном, без эмоций подтвердил Кирилл.

Юлька открыла рот, чтобы возразить, - нельзя же вот так сразу, она не готова! Но Кирилл опередил ее:

- Ты будешь жить здесь, со мной, но только жить, спать вместе и заниматься сексом мы больше не станем, по крайней мере, в ближайшее время!

Она уставилась на него, совершенно не понимая, что происходит-то вообще?!

А он объяснил. Очень доходчиво:

- Ты всю ночь называла меня Ильей. Видишь ли, я предпочитаю, чтобы женщина занималась любовью со мной, а не представляла на моем месте другого мужика, когда я ее беру.

У Юльки пробежали мурашки внутри, мелкие, противные, неприятно щекочущие, ей показалось, что она окаменела.

- Я должна извиниться? - хриплым, чужим голосом спросила она.

- За что? За то, что любишь какого-то там мужика, который, как я полагаю, тебя обидел? Да люби себе на здоровье и страдай, если нравится. Только я не тот «клин», которым это выбивают. Я очень себя люблю и уважаю, потому не могу согласиться на такую роль. Уж извини.

- Зачем тебе тогда надо, чтобы я жила здесь?! - заорала Юлька. - В качестве кого? Да и на фига?!

- Чего ты кричишь? - искренне удивился он. - Мне так удобно и тебе, что тут непонятного!

- Что тебе удобно? Видеть меня каждый день и знать, что я называла тебя в постели другим именем? Что я, по сути, воспользовалась тобой и обидела тебя?

- Да что ты кричишь-то? - тоже повысил голос он, но сразу успокоился. - Я трудный мальчик, с людьми не уживаюсь и не переносу никого на своей территории. А ты как-то сразу вписалась в квартиру, с тобой мне спокойно и уютно, уж не знаю почему. Еще ни одна баба не совпала с моим житьем, а ты вот совпала. Квартира у меня большая, а я не могу домработницу сюда пустить, когда чужой человек что-то делает в моем доме, меня это сильно напрягает. Будешь следить за хозяйством, займешь левую часть квартиры, можешь водить мужиков, я не против, ну а я стану водить баб непременно.

- Я все равно не понимаю, зачем тебе это? - раздражилась она. - Тебе же неприятно будет меня видеть! Пусть твои бабы и занимаются хозяйством, по очереди, по мере, так сказать, поступления!

- Я ведь уже объяснил. А насчет неприятного не беспокойся, не такой это сильный удар по

моему самолюбию, как тебе показалось. Ну, не сложилось и не сложилось, и ладно! Какие проблемы? Это не повод для прекращения дружеских отношений. Мне будет намного удобнее, когда ты станешь жить со мной, и тебе тоже. Все, хватит базара! Я решил, значит, так будет! Тебе на работу пора? Вот иди и собирайся, я отвезу! И быстрее, я уже опаздываю!

Они стали жить вместе. Странное это было житье.

Квартира на самом деле оказалась огромной. Большая, широкая прихожая и находящаяся прямо напротив гостиная, совмещенная с кухней, делили ее пополам – на правую и левую части. В левой, где поселилась Юлька, располагалось три комнаты: спальня, библиотека, она же кабинет, и гостиная, которая почти не использовалась, ванная и туалет. В правой, Кирилловой, части квартиры находились еще три комнаты: спальня, тренажерный зал, кабинет, в конце коридора большущая ванная, совмещенная с туалетом.

Иногда они не виделись по несколько дней, не совпадая рабочими графиками. Кирилл рано уходил на работу, как правило, где-то «зависал» после нее, в выходные частенько уезжал за город на дачи к родственникам и друзьям, если Юлька была свободна, всегда старался взять ее с собой. Юлька же работала ненормированно, вставая то раньше его по утрам, то отсыпаясь после поздней работы. Она определяла по его обуви и брошенным на столик в прихожей ключам от машины и квартиры, дома он или отсутствует. Бывало, когда приходила совсем уж поздно, Кирилл ждал ее, усаживал за стол на кухне, кормил легким ужином, и они болтали обо всем.

Ей было хорошо с ним, спокойно, он умел слушать, вникать в суть проблемы и дать толковый совет как по работе, так и по жизни.

Но он часто приводил женщин. Пикантность ситуации заключалась в том, что они не оговорили Юлькин статус в свете этой проблемы, как-то не подумав или забыв о том, что дамы Кирилла неизбежно столкнутся с Юлей.

Что, собственно, не замедлило произойти. И первая же малоприятная встреча расставила данный вопрос по своим местам.

Субботним утром Юлька, выйдя из ванной в коротком халатике и в полотенце на голове, зашла в кухню. За стойкой, отделяющей зону кухни от гостиной, сидела девушка в накинутой на голое тело, но не застегнутой рубашке Кирилла. В одной руке гостья держала маленькую чашку с кофе, в другой – дымящуюся сигарету. Девушка посмотрела на вошедшую Юльку и, не сделав никакой попытки прикрыть победно торчащие груди, недоуменно подняв брови, хозяйски спросила:

- Я не поняла: ты кто?

- Это Юля, – за спиной у Юльки ответил Кирилл, заходя в кухню.

Обнял за плечи, чмокнул Юльку в щеку, поправил заваливающееся набок намотанное полотенце у нее на голове.

- Привет, Рыжая, ты сегодня не работаешь?

- Привет, да у меня выходной, – проблеяла Юлька, чувствуя ужасную неловкость.

- Ты что будешь: омлет или бутерброд? – спросил он у нее, ничуть не смущаясь из-за встречи двух представительниц женского пола, одной в голом виде, другой в близком к голому, у себя

на кухне поутру в субботу.

- Так, Кирилл, кто это? - потребовала разъяснений дама, застегивая рубашку.

- Я его сестра! - быстро выпалила Юлька.

Кирилл посмотрел на нее, вопросительно приподняв одну бровь, и скептически улыбнулся.

- Вы не похожи! - не поверила дамочка.

- У нас разные отцы! - сообразила на ходу Юлька.

- Да что вы мне здесь втираете?! - возмутилась девушка. - Какая сестра? Это что, твоя любовница, ты с ней живешь, а меня привел для остроты ощущений?!

- Не бредонось, Зиночка, тебе же объяснили: она моя сестра.

- Ты меня за идиотку держишь? Что здесь происходит?! Ты что, предполагал секс на троих?

- Зин, хватит! - повысил голос Кирилл. - Юлька моя сестра, она здесь живет, прекрати истерить!

- Я знаю тебя третий год, никакой сестры у тебя отродясь не было. Хорошо, я догадалась: наверняка девица приезжая, ты ее приютил, потрахал, и тебе стало неинтересно. Ладно, всякое бывает, мы полгода не виделись, это понятно, но сейчас пусть она немедленно уйдет!

- Так! - сурово сказал Кирилл и вышел из кухни.

Пока его не было, Юлька, повернувшись к Зине спиной, что-то судорожно переставляла на столешнице. Кирилл принес вещи девушки, подошел к ней, взял за локоть и потащил за собой к входной двери.

- Ты что, спятил?! - закричала Зина.

Не отвечая, он распахнул входную дверь, вытолкнул на площадку возмущающуюся подругу, сунул ей в руки вещи, вернулся в прихожую, взял ее туфли, сумочку, вышел, поставил перед девушкой на пол.

- Все, дорогая, свободна! Спасибо за прекрасную ночь! - и, поцеловав девушку в щеку, вернулся в квартиру, захлопнув дверь.

- Зачем ты так с ней? - возмутилась Юлька. - Некрасиво как получилось!

- Не бери в голову! - спокойно ответил Кирилл. - Так что, омлет или бутерброд?

- Я, знаешь ли, очень неловко себя чувствую! - не дала сбить себя с толку Юлька. - Давай договоримся: если я остаюсь здесь, ты будешь предупреждать своих подруг, что живешь с сестрой.

- Хорошо! - легко согласился он.

Определившись, как себя вести с девушками Кирилла, Юлька почувствовала себя непринужденно и, сталкиваясь с ними, лучезарно улыбалась и сразу представлялась:

- Здравствуйте, я сестра Кирилла!

Постепенно она так свыклась с ролью сестры, что стала сама воспринимать себя таковой, так оказалось спокойнее и удобнее. Но однажды произошел смешной казус с ее мнимой родственной связью.

Юлька пришла с работы около восьми вечера, для нее это совсем уж рано, но сегодня выдался очень напряженный день, она несколько часов сидела, скорчившись на полу, внося срочные дополнения и изменения в проект прямо на месте ремонта. Спина болела, ноги гудели. Сбросив туфли в прихожей, Юлька босиком прошла в кухню и остановилась на пороге от неожиданности.

За столом сидел Кирилл в компании неизвестной женщины. Незнакомка Юльку поразила - натуральная блондинка, с зелеными яркими глазами, тонкими классическими чертами лица, стройная. Держа идеально ровной спину, она сложила перед собой на столе узкие аристократические кисти рук с длинными тонкими пальцами. Очень стильная, изысканная, холеная и... прекрасная! Да, да, именно так подумала о ней Юлька - прекрасная! У нее руки зачесались, так захотелось немедленно нарисовать портрет этой знакомки, ее лицо просилось на полотно, а Юлька уже видела, как, в каком ракурсе и свете, ее надо писать.

Определить возраст женщины оказалось невозможно, но было понятно, что она старше Кирилла, и намного, лет на десять, пожалуй. Странно. Кирилл предпочитал девушек младше себя, у него, насколько знала Юлька, и ровесниц-то не было.

Они сидели за накрытым торжественно столом - небольшой букетик роз в центре, две свечи в высоких подсвечниках, полная сервировка, бутылка дорогого вина.

Юлька растерялась и от неожиданности понесла всякую «пургу»:

- Вы не беспокойтесь, я сестра Кирилла!

- Странно, - ответила дама красивым грудным голосом, не окрашенным эмоциями.

Она взяла бокал, не спеша поднесла к губам, сделала глоток и так же медленно, величественно поставила его на место. Юлька зачарованно смотрела на руку дамы, только не открыв рот, так ее поразили и голос женщины, и ее плавные движения.

- Насколько мне известно, - продолжила знакомка свою мысль, - я родила только одного ребенка - Кирилла, и в нашей семье больше не было детей, никаких двоюродных или троюродных братьев и сестер у него нет.

- Юль, знакомься, моя маман, и зовут этого ангела Карелия.

- Благодарю за «ангела», - улыбнулась женщина, позволив себе окрасить голос эмоциями.

- О, господи! Как неудобно получилось! - смутилась Юлька, не зная, куда деваться со стыда.

- Не стоит так переживать, Юля, - успокоила дама.

- Я сейчас все объясню! - сделала попытку исправить положение Юлька.

- Расслабься, Юлик! - рассмеялся Кирилл. - Кара свой человек, весьма современных взглядов! И я уже все объяснил.

- Садитесь, Юлечка, - предложила «свой человек». - Если вы заметили, прибор для вас приготовлен.

Юлька плюхнулась на стул, рассматривая Карелию с более близкого расстояния. Заметив столь пристальный интерес, Карелия приподняла вопросительно одну бровь, точно таким же движением, как делал это Кирилл.

- Мне хочется вас нарисовать, у вас лицо создано для картины, - объяснила Юлька.

- А вы умеете?

- Умеет, умеет! - сказал Кирилл, наливая Юльке вино в бокал. - Еще как! Если ты ее попросишь, она покажет тебе свои работы. Как специалист могу сказать - хороши! Очень хороши!

- Тогда я попрошу, - пообещала Карелия и подняла бокал, предложив тост: - За знакомство. И, Юлечка, давайте обойдемся без брудершафтов и сразу перейдем на «ты».

- Не знаю, мне будет трудно, - призналась Юлька.

- Кара! Прекрати пугать Юльку своим светским тоном! - потребовал Кирилл.

- Ну ладно! - звонко рассмеялась Карелия, сразу став моложе, и в ее зеленых глазах блеснули чертики. - Давайте, дети, рассказывайте, как живете!

Юлька приняла в сердце эту женщину сразу и безоговорочно, влюбившись в нее и проникнувшись к ней огромным уважением. Карелия оказалась совершенно необыкновенной - богатая светская львица, при этом жизнерадостная, живая и очень молодая.

Духом, а впрочем, и всем остальным!

Она никогда не работала и четыре раза выходила замуж. Первый муж, отец Кирилла, очень известный художник, был намного старше Карелии и умер давно, когда Кирилл был еще совсем маленьким. Второй оказался учеником первого, не менее известным, но только скульптором. Однако он эмигрировал за границу еще в те, советские, времена. Карелия отказалась наотрез ехать с ним, она нигде не хотела жить, кроме Санкт-Петербурга, тогда Ленинграда. В связи с чем у нее возникли проблемы с властями. Чиновник из министерства, занимавшийся оформлением ее развода с нелегальным эмигрантом, и стал ее третьим мужем, переходным этапом между вторым и четвертым, как, смеясь, рассказывала Карелия. Это он познакомил жену на министерском приеме со своим начальником, который стал ее четвертым и, как она говорила, окончательным мужем. За коим Карелия и находилась сейчас благополучно замужем. Он умудрился пережить все постперестроечные изменения и в данный момент, по словам Кирилла, стал очень «крутым» дядечкой, в какой именно области, Юлька не поняла, а уточнять не захотела.

Карелия согласилась позировать для портрета. Юлька аж пицала от удовольствия, когда писала его. Она так увлеклась, что порой забывала спать и есть, и работу забросила, что вызвало недовольство Дениса, но закончила портрет быстро, за несколько недель.

Карелия брала картину домой, показать мужу, и портрет ему так понравился, что он его купил, отвалив Юльке целую кучу денег, которые приехал отдать самолично.

- Ну, покажите мне этого художника! - услышала Юлька громкий насыщенный бас,

разливавшийся по всей квартире.

Постучавшись, к ней в кабинет вошел огромный солидный дядька, пропустив вперед казавшуюся миниатюрной на его фоне Карелию, и взял в ладони Юлькину руку.

- Благодарен и очень доволен! Портрет понравился, удался, вы талант! - произнес он несколько пафосно.

Гость отпустил ее ладонь и полез в карман пиджака, доставая портмоне.

- А талант должен оплачиваться.

- Я не хотела продавать портрет, - проямлила Юлька.

- И разговору быть не может! Как это не продавать? Для чего ж тогда рисовать?

- Я хотела его себе оставить, мне он очень нравится.

- Мне тоже! - громко, широко рассмеялся муж Карелии. - А я больше и го-о-ораздо богаче! Берите деньги, барышня, портрет я вам все равно не отдам!

- Леша, что ты пугаешь девушку? - видя Юлькино смятение, вступилась Карелия. - Но портрет мы тебе, Юлечка, не отдадим, это точно!

Ее муж отсчитал и протянул Юльке небольшую пачечку долларов.

- Да вы что?! - возмутилась Юлька. - Я не такого уровня художник!

- Зато моя жена такого уровня, и мне за ее портрет, знаете ли, платить меньше не пристало!

- Бери, Юля, и не спорь! Тебе же деньги нужны! - распорядилась Карелия.

Да, деньги ой как были нужны. Денис обиделся, встал в позу, считая, что Юлька бросила работу на последнем этапе. Но, если честно, она сделала практически всю работу, о которой они договаривались, и многое сверх того, но Денис расслабился, используя ее, и вдруг выяснилось, что надо вкалывать над проектом, а не только отдавать указания. Ему, как говорится в известном фильме: «Вожжа под мантию попала», он позвонил и холодным, официальным тоном сообщил, что больше в ее услугах не нуждается.

Впрочем, в тот момент Юльке было безразлично. Она вся с головой погрузилась в работу над портретом Карелии и могла думать только об этом. Но, закончив картину, расстроилась, пыталась что-то объяснить Денису, уж больно ей не хотелось никаких недоразумений, испорченных отношений с ним и с Людкой соответственно. Она готова была ринуться замаливать грехи и доделать весь проект до конца. Но Кирилл остановил.

- Ты свою подругу хорошо знаешь? - спросил он.

- Ну... - неуверенно произнесла Юлька. - Не так чтобы очень, закадычными подругами мы никогда не были.

- Я с Людмилой знаком мало, зато Дениса знаю давно и достаточно хорошо. Он мужик, конечно, талантливый и широкой души, но иногда, в некоторых вопросах, бывает редкостной сволочью.

- Ты о чем? - удивилась Юлька.

- Тебе знать не надо! - ответил он и щелкнул ее по носу. - Но работать с ним ты больше не будешь.

- Но я ведь его подвела!

- Чем же это? Тем, что вытянула на себе весь проект и сделала основную работу?

- Неправда, Денис работал, и еще как!

- Ну да, только на другом объекте, о котором тебе ни он, ни Люда ничего не сказали. Этот объект делала ты, а деньги за него получит Денис.

- Не может быть! - не поверила Юлька.

- Может! Нельзя же быть такой овцой, Юлька! Ладно, процент твой он тебе заплатит! - жестко отрезал Кирилл.

Юлька призадумалась.

«А почему же ты мне ничего не сказал? Если ты знал, что он втихаря параллельно делает еще один объект, а этот полностью выполнен мной и по моим эскизам, почему же ты, Кирюша, промолчал? Потому что ты дура, Юлечка! Ты же сама выполняла основную работу и все видела и понимала: и то, что работаешь по своим рисункам, и то, что Дениса практически никогда нет на объекте, и то, что тебе приходится делать все самой! Что же ты не возмутилась? А? Боялась и такую работу потерять, или увлеклась, или скандала не хотела? Сама во всем виновата! А я и не спорю, но почему Кирилл ничего не сказал? Воспитывал, что ли, так?»

Видимо, Кирилл имел разговор с Денисом, Юлька могла только догадываться, но он позвонил и извинился за «наезд»:

- Рыжая, ты уж извини, я что-то устал, вымотался, а тут еще ты пропала, и заменить тебя было некем, ну, вот я и вспылал. Не со зла, уж не обижайся! А деньги на следующей неделе я тебе отдам. Как и договаривались.

Отдал он больше, чем Юлька рассчитывала и чем они оговаривали изначально, она взяла и вопросов не задавала. Спасибо Кириллу за помощь!

Таким образом, Юлия Раскова стала обладательницей весьма приличной суммы, полученной за портрет и работу. Часть денег она отослала родителям с требованием тратить.

- Мам, я работаю! - соврала она, разговаривая по телефону. - На жизнь хватает. Ты же знаешь, Кирилл не разрешает мне тратить на хозяйственные расходы свои деньги, принципиально! Так что это вам подарок, и не смейте откладывать, тратьте! Не слышу утвердительного ответа!

- Слышишь! - рассмеялась мама. - Приказ дочери выполним! Мы с отцом хотим в отпуск съездить, на это твои денежки и потратим.

- Замечательно! - обрадовалась Юлька. - Молодцы! А куда?

- Еще не решили. Да и не сейчас, на носу Новый год. Весной. А ты когда к нам приедешь? Мы соскучились ужасно и совсем тут одичали без тебя!

Юлька встрепенулась, насторожилась, по привычке. Не поедет она в Москву! Нет уж, спасибо!

- Мам, а давайте вы ко мне. Квартира у нас огромная, потеряться можно! Я бы вам Питер показала, с Кириллом познакомились бы, с Карелией! А?

- Юль, ты за него замуж собралась? - спросила мама, меняя тон на осторожный.

- За кого, за Кирилла? - не сразу сообразила Юлька.

- А что, есть еще кто-то? - совсем уж тревожно спросила мама.

- Нет! По обоим пунктам нет! - весело ответила Юлька.

- Ну ладно, это твое дело. Тебе видней, - быстро отступила мама.

Юлька не знала, как объяснить родителям их с Кириллом странное совместное проживание, поэтому ничего и не объясняла. Не по телефону же говорить! А родители сделали единственно логичный вывод, напрашивающийся сам собой: что они живут в так называемом гражданском браке. Юлька решила, что все расскажет, когда увидится с мамой и папой.

Только вот когда это произойдет?

Юлька очень, очень скучала по родителям, по друзьям, по родному городу, но ехать в Москву боялась, себя боялась, находиться рядом с Ильей Адориным боялась.

А может, ну его! Чего бояться-то?

С Ильей она не встретится и не пересечется никак, может, мотнуть на выходные домой?

Сколько же времени прошло? Уже четыре месяца!

ИЛЬЯ

Он точно знал, сколько прошло времени, - дни считал. Не специально, а скорее вопреки его воле дни и месяцы считались сами собой.

Он заставил себя забыть, прекратить эту пытку воспоминаниями и обвинениями. Приказал себе - не вспоминать, не мучиться угрызениями совести! И ему это почти удалось, любое, даже мимолетное воспоминание о Юльке и той их ночи он гнал из сознания. Все нормально: Тимка, работа, занятия спортом, женщины! Все нормально! Его жизнь шла по накатанной колее, голова была занята рабочими делами, редким отдыхом!

Но когда он разговаривал с Игорем по телефону и тот сообщил между делом, что Юлька живет с каким-то парнем и все у них хорошо, Илье стало плохо!

Такая ярость полыхнула, стоило ему представить свою Юльку (!) в объятиях этого незнакомого мужика! В глазах потемнело и бросило в жар. Он ослабил галстук, расстегнул верхнюю пуговицу на воротнике и мотнул головой, отгоняя ударившую в голову дурь. Быстро сославшись на срочный важный звонок по другой линии, извинился перед Игорем, бросил трубку, поднялся, прошелся по кабинету, достал из маленького кабинетного холодильника минеральную воду и выпил сразу полбутылки из горлышка, не до стакана было!

Юлька!

Его Юлька и с другим мужчиной!

«А чего ты хотел? Чтоб она тебе верность хранила, идиот?! Ты же сам от нее отказался!»

Значит, правильно отказался!

Значит, все правильно! Поплакала, попереживала, и прошла «великая» любовь! Он же знал, знал, что именно так будет, что это детство в ней играло и ничего больше!

Хорошо, что уехала! Хорошо, что он ее не видит, не слышит и что она далеко! А то бы мог не выдержать, сорваться, заграбастать ее себе и не отпускать! Наперекор всему, всем друзьям, всем мнениям. И не остановило бы его, что он потерял бы самых близких друзей, Игоря с Мариной, а приобрел бы в их лице врагов, и то, что Юльке бы жизнь сломал, заставив выбирать – он или родители. И своих бы родителей убил этим – они Юльку всю жизнь как внучку воспринимали, любимую и балуемую.

Все бы сломал!

И свою бы жизнь к чертовой матери! Потому что как легко Юлька прыгнула сразу в другую постель, так бы легко ушла и от него, поняв, что не любит.

А он остался бы подыхать!

«Все! К черту! Выбрось из головы и займись работой!» – приказал Адорин себе.

ЮЛЯ

Карелия нашла ей клиентку, одну свою давнишнюю знакомую.

Дама оказалась сложной, привередливой, приходилось многое менять в первоначальном проекте по ходу работ. Юлька расстраивалась, уставала от ее бесконечной глупости, но терпела.

А куда деваться – на то он и клиент, может многое себе позволить. Зарботок обещал внушительную сумму, и Юлька старалась. Сцепив зубы и натянуто улыбаясь, выслушивала бесконечные идиотские требования, звонки по пустякам по телефону в любое время суток, когда у дамочки возникала «идея», тактично соглашалась, но умудрялась настоять на своем.

Жаловалась Карелии, когда они встречались в кафе или та приходила к ним домой, заставая Юльку ползающей по полу среди разложенных ватманов, исправляющей и добавляющей детали в эскизы.

– Господи! Где ты ее нашла! – ругалась Юлька. – Это же невозможная баба! Кара, ты представляешь, она мне говорит: «А нельзя окошко перенести с этой стены на ту?» Я отвечаю: «Нет. Эта стена у вас общая с соседями. Или вы хотите смотреть сериал «За стеклом» в непосредственной близости? А она удивляется: «Ну и что? Вы мне там нарисуете что-нибудь типа сквера». «Хорошо, – говорю, – нарисуем прямо на стене, а хотите, фотообои сделаем на всю стену: парк, сквер, что угодно, хоть Смольный!» И как ты думаешь, что она мне отвечает?

– Что? – смеялась Карелия.

– «Нет, не хочу фото, хочу окошко, за окошком как-то живей!»

– Так пошли эту дамочку подальше, а хочешь, я ее приструню?

- Как? - вздыхала Юлька.
- Да запросто! Намекну, что я недовольна, как она себя ведет с дизайнером, она отвяжется от тебя навсегда!
- И останется недовольна моей работой! Нет уж, я сама. Если я переживу эту бабу, то справлюсь с любой клиенткой.
- Значит, характер закаляешь! - кивнула Карелия.
- А то!

ИЛЬЯ

В конце августа у Ильи обозначился и укрепился роман с Анной. Она работала креативным директором в известной рекламной фирме, с которой Адорин подписал контракт. Там они увидели друг друга первый раз. Потом встретились на корпоративной вечеринке, где отмечался успех рекламной кампании их фирмы, с которой ушли, всеми замеченные, в разгар веселья и поехали к Адорину домой.

Анна оказалась интересной, красивой, умной и весьма уверенной в себе женщиной. Она ему нравилась, им было хорошо в постели, и она смогла так выстроить отношения, что Адорин чувствовал себя с ней спокойно и свободно.

Анна ненавязчиво, но настойчиво уговорила Илью вести что-то вроде светской жизни. Они посещали театры, рестораны, презентации и вечеринки, устраиваемые известными людьми. Илья ходил сначала неохотно, соглашаясь, чтобы не обидеть ее невниманием, но скоро стал получать какое-то удовольствие от такого времяпровождения, отключаясь среди людей от своих трудных мыслей.

Как-то, сидя с ней в китайском ресторане и слушая вполуха, что она рассказывает, Адорин вдруг подумал: «А может, жениться на ней? Она умница, спокойная, красивая и в постели хороша. А что?»

Он положил палочки на тарелку, откинулся на стуле и присмотрелся к ней в свете этой идеи, делая вид, будто внимательно слушает. Анна говорила спокойно, интересно, с юмором, давая острые, едкие и точные оценки клиентам, а Илья думал: «Может, действительно жениться? Смотримся мы вместе прекрасно, она будет заниматься своей карьерой, это уж точно, я стану помогать, клиентов подброшу. По статусу мне очень даже такая жена подойдет - стильная, молодая, деловая. Родит мне ребенка, и с Тимохой у них вроде неплохие отношения сложились».

- Ты меня не слушаешь, как я поняла? - спросила Анна, отвлекая его от матримониальных мыслей.
- Слушаю, - ответил Илья и повторил в сжатом виде то, что она говорила: - Они заказали весь рекламный пакет, но требуют, чтобы сохранили их цветовое видение и концепцию, а она не совпадает с вашей.

Анна негромко рассмеялась.

- Я забываю иногда, насколько ты хороший бизнесмен. Ты умеешь выполнять несколько дел сразу. Например, слушать и одновременно думать о своем.

- Почему забываешь?

- Наверное, потому, что постоянно тебя хочу и думаю, как бы это устроить прямо сейчас.

- Хорошая мысль! - улыбнулся Илья. - Есть несколько вариантов: прямо сейчас в машине, но увидят все проходящие и проезжающие мимо, в моем кабинете, но Ольга догадается сразу и узнает вся контора, можно зайти в туалетную кабинку, а можно на пару часов заехать ко мне домой. Что выбираешь?

- Домой! Люблю все делать с комфортом.

Илья махнул рукой официанту, подзывая для расчета.

- Тогда домой, и быстро! У меня сегодня еще куча дел.

- У меня тоже! И можем начать в машине, продолжить в лифте и закончить на коврике в прихожей!

- Поосторожней, дамочка, я могу и забыть о комфорте!

Илья почему-то не любил приводить ее к себе, предпочитая приезжать к ней на Мичуринский и оставаться на ночь. Первый раз придя к Адорину, Анна очень тактично не стала осматривать его квартиру, а может, весьма продуманно, бог знает, но не стала, и ему было приятно. Однако во второй свой приход заинтересовалась Юлькиными картинами и спросила:

- Можно?

- Пожалуйста, - разрешил широким жестом Илья.

Адорин не любил, когда кто-то смотрел Юлькины работы, - это только его, и только он, как ему казалось, по-настоящему их чувствует и понимает.

Анна обошла всю квартиру, внимательно и вдумчиво разглядывая каждую картину, и вернулась в гостиную, с которой начала осмотр, к «Поиску», постояла, посмотрела.

- Это писал один художник? - поинтересовалась она.

- Художница, - буркнул Илья недовольно.

- Сильно. Необычно. Мне понравилось.

- Но? - спросил он, поняв по ее тону, что будет продолжение.

- Странно. Отображены такие разные настроения, диаметрально противоположные, создается впечатление, что писали разные люди. Прага потрясающая: передан дух города, прозрачность и тяжелое Средневековье одновременно. Очень выразительные полотна - летящие, радостные, но без однобокости восприятия. Замечательные. «Старушка» совершенно потрясающая, я глаз отвести не могла! Я бы у тебя ее купила за любые деньги!

- Увы! - развел руками Илья.

Черт возьми, ему было приятно слышать такой профессиональный отзыв о Юлькиных картинах. И как-то потеплело в груди, словно он погладил Юльку по голове.

- Нет так нет, - согласилась она.

Анна села на диван рядом с Ильей и указала рукой, в которой держала бокал с вином, на «Поиск».

- Но вот эта картина...

- Что? - заинтересованно спросил Адорин.

- Если в других можно увидеть руку одного художника, хотя они и очень разные, то эта словно написана другим человеком. Мрачная. Тревожная. Слишком много боли. Эти изломанные квадраты, фиолетовые сполохи, красный, почти разорванный рот, незаконченные обрывающиеся геометрические формы, удерживаемый ладонями огонь. Сплошные страдания, изломы, разрывы. Такое впечатление, что писал человек измученный. Больной. Зачем ты ее здесь повесил? Ведь это место твоего отдыха, она тут не нужна, извини, ты сам спросил мое мнение. Здесь гораздо лучше смотрелся бы тот крымский пейзаж, который висит на кухне. Светлый, легкий, кажется, что чувствуешь запах моря. Вот он здесь в самый раз. Кстати, а можно познакомиться с этой художницей? Я бы, не задумываясь, переманила ее к нам работать на очень большие деньги.

- Нельзя ни познакомиться, ни переманить. Она занимается дизайном и сейчас не живет в Москве, - ответил, стараясь быть любезным, Илья.

Адорин не расстроился, а остыл как-то и даже расслабился - не поняла!

Не увидела и ни черта не поняла! Ни про саму картину, ни про него, ни того, почему он повесил ее именно здесь. Только Юлька и поняла, услышала каким-то внутренним чутьем, что происходило в нем, и передала в красках, уж у нее-то не возник вопрос, почему «Поиск» висит именно тут, она знала без слов и разъяснений.

«Нет, нет, дорогой! Никакой Юльки! Все! У нее своя жизнь, у тебя своя! Порознь! И слава богу!» - опомнился Илья, сразу же запретив себе представлять мысленно, какой «своей» жизнью она живет и с кем.

Адорин стал частенько и всерьез обдумывать идею жениться на Анне. Словно подготавливая долгосрочный контракт, просчитывал все плюсы этого решения, склоняясь к мысли, что прав: надо начинать новую жизнь, да и с Темкой рядом будет женщина.

Тимошка скучал по матери. Раз в неделю они долго разговаривали по телефону, мальчик рассказывал ей о своей жизни: что делает, где бывает, чем занимается. К сожалению, Тимка проводил большую часть времени с бабушкой и дедушкой. Адорин по обыкновению много работал, к тому же старался не посвящать сына лишней раз в перипетии своих отношений с женщинами, поэтому забирал его у родителей в основном на выходные. Предпринятые несколько раз попытки найти няню, чтобы ребенок всегда жил с ним дома под присмотром, не увенчались успехом.

Тима вообще трудно, опасно сходилась с незнакомыми людьми, а особенно с женщинами. Общение с нянями заканчивалось ревом и надутыми губами, и Илья забросил это безнадежное предприятие. Мама, восстановившись после той аварии, с удовольствием занималась внуком и неоднократно предлагала:

- Давай съедемся. Найдем большую квартиру, такую, чтобы мы с отцом не мешали твоей личной жизни, но при этом Тимка будет с тобой, а мы за ним приглядим.

Илья неоднократно обдумывал такой вариант, однако, зная, как родители болезненно относятся к его холостяцкой «разудалой» жизни, оттягивал решение вопроса.

А вот жениться, пожалуй, можно.

Анна будет заниматься Темкой, она, конечно, тоже много работает и карьеру свою не оставит наверняка, но пойдет на уступки, пересмотрит свой рабочий график – все-таки семейная жизнь, ребенок.

И все же! Все же!

Он неожиданно решил, что, прежде чем делать предложение Анне, должен сам, лично посмотреть, как и с кем живет Юлька. Не признаваясь себе до конца, хотел убедиться, что был прав! Прав!

И, подсознательно ковыряя рану, увидеть, что она переболела свою девичью влюбленность. Увидеть, убедиться, что нет у него и призрачной надежды!

Илья придумал себе командировку в Санкт-Петербург. Командировка оказалась совершенно реальной, но, как и в случае с Прагой, он вполне мог не ездить. Его питерские партнеры, весьма заинтересованные в контракте, по деловому этикету должны были сами приехать в Москву. Но Илья, сославшись на еще одно деловое мероприятие в городе на Неве, изъявил желание прибыть сам.

Продумав тактику и стратегию предстоящей встречи, отнюдь не с партнерами, к которым летел, Адорин позвонил Расковым за несколько дней до Нового года. Трубку подняла Марина.

- Марин, привет, это Илья, - поздоровался он.

- Ильюша! Привет, как я рада тебя слышать! Сто лет не общались, не встречались! - обрадовалась ему Марина.

- Я тоже рад тебя слышать. Игорь дома?

- Дома, тебе Игорь нужен?

- Да нет, вы оба. Я, собственно, что звоню: я сегодня улетаю в Питер по делам, может, что надо Юльке передать?

- Ой! Надо передать, обязательно! - воскликнула она. - Это замечательно, что ты сможешь с Юлькой увидеться! Она собиралась к нам на Новый год, но у нее не получается. Юлька делает дизайн квартиры какой-то трудной клиентке и будет заниматься этим до самого праздника. Игорь! - закричала она. - Илья звонит, он в Питер едет, может Юльке от нас посылку передать!

- Я стою у тебя за спиной, чего ты кричишь? - весело спросил Игорь.

- Призываю! - рассмеялась Марина.

Илья услышал их диалог и улыбнулся. Это самые родные для него люди. Илья восхищался их взаимоотношениями, тем, что они сумели сохранить тепло и любовь друг к другу за столько лет! И помогли ему, и спасали, и выручали, и учили своим примером отношениям в семье, многому учили!

И подарили ему Юльку!

«Стоп! Ты собрался жениться на Анне! Значит, размышляй в этом ключе, и ничего более!»

Расковы приготовили дочери кучу подарков, Марина уложила в сумку какие-то вкусности к праздничному столу, которые доченька обожала, а готовить умела только мама. Они дали ему Юлькин адрес и телефон, когда Адорин заехал за гостинцами, успели рассказать, не скрывая гордости, о ее достижениях.

Илья слушал, улыбался, поддакивал, и у него портилось настроение.

«Московского гостя» встречали честь по чести. Расчувствовавшиеся от его личного прибытия потенциальные пока еще партнеры отвезли Адорина в лучшую гостиницу, предложили любой вид отдыха, с намеком на девочек или что пожелает душа важного гостя. Илья вежливо отказался и предложил заняться работой, невзирая на позднее время суток.

Про себя он уже все решил, посчитал и, проводя переговоры, делал заинтересованное лицо, не слушая, что там говорят господа переговорщики, расписывая перспективы, уже зная, на каких условиях подпишет данный контракт. Это оказалось неактуально.

Он весь, всеми потрохами и разумом, был в предстоящей встрече. В Юльке. И ничего не мог поделаться с прокручивающимися в голове сценами той их единственной, прекрасной ночи.

Он познал ее всю. Как только может познать мужчина женщину. Он думал о ней и, черт возьми, - хотел!

Хотел. Гораздо больше, чем раньше, когда не знал, какой у нее запах и вкус кожи, как матово она светится в темноте, не знал, как загораются ее бирюзовые глаза, когда он в нее входит, как она тихо вскрикивает и орет во все горло, достигая вершины, не признавая никаких условностей и полутонов!

Господи! Как же он ее хотел! До одури!

Да боже мой, что объяснять! Все нормальные мужики поймут - эту безудержную тягу к женщине, которую ты столько лет хотел и получил наконец! Это убивающее сознание, отказывающееся слушать какие бы то ни было резоны!

Сумасшедшую страсть мужика, которая уж если вырвалась из-под контроля, не оставляет тебе шансов! И не удержит тебя ничто: ни сознание и понимание, что ты приносишь несчастье и страдания близким, ни то, что разрушаешь себя, пуская свою жизнь под откос, теряя по ходу друзей, родных и привычный образ жизни!

Черт бы все побрал! Как с этим жить?!

Как ложиться в постель с другими бабами, когда познал, попробовал нечто наивысшее?! Как жить без счастья, от которого сам, сознательно, подчиняясь условностям, отказался, уже держа его в руках, обладая им?!

Как?! Твою мать!!!

А вот так - вяло, постно, вполсилы, вполжизни, довольствуясь тем, что имеешь: хорошим, весьма достойным сексом, красивой, умной женщиной рядом и спокойным течением бытия!

Вот так!

«Анна! Думай только о ней! Вспоминай ее! С этой женщиной тебе будет спокойно и устойчиво, с ней не грозят разрушительные страсти! Она хороша в постели, с чем можешь себя поздравить! А Юлька – было и прошло, не воротишь! Да и незачем! Вот сейчас увидишь, убедишься, что с ней все в порядке, простишься внутри! И все! Все!»

Он приехал к ней утром. В десять. Попросив еще в Москве Марину позвонить дочери и предупредить ее, что он завтра зайдет в первой половине дня и отдаст гостинцы.

ЮЛЯ

- Юлечка! – радостно сообщила мама. – Илья улетел в Питер, в командировку, мы тебе с ним послали подарки на Новый год. Он просил предупредить, что завтра с утра зайдет к тебе. Сможешь быть дома?

Юлька замерла, оторопев.

«Нет! – было первой ее мыслью. – Только не это! Я так убегала, я в Москву из-за него не ездила ни разу! Нет, не надо, господи!» – взмолилась она.

Но деваться некуда. Кирилл рано утром уходил на работу, и оставить подарки от родителей было некому, кроме нее. Юлька закрыла глаза и сильно-сильно сжала телефонную трубку.

- Ау! Дочь! Ты где? – поинтересовалась мама.

- Я здесь, мамуль! – постаралась взять себя в руки Юлька. – Я поняла. Я задержусь, подожду его. За подарки спасибо! Я с ним передам свои подарки вам.

- Ой, да ладно, не суетись и его не загружай! Мы скоро встретимся, тогда и отдашь!

Юлька справилась со своей паникой и спросила:

- Когда это скоро? Ну-ка, колись, что задумали!

- Вот черт, проболталась! – спохватилась мама. – Ладно, скажу, раз уж так вышло. Мы с отцом приедем в начале февраля.

- Ура-а! – обрадовалась Юлька. – Прекрасно, мамочка! Я так соскучилась!

- Ты только отцу не скажи, что я раскололась.

- Нет-нет! Буду молчать, как партизан на допросе! – пообещала Юлька.

Она не могла заснуть всю ночь. Думала, вспоминала, мучилась, видя перед глазами Илью.

«Надо успокоиться! – уговаривала она себя. – Ну, приедет, и что? Спокойно, ровно, дружески! По сценарию: ничего не было, ничего не помню!»

И так всю ночь Юлька уговаривала себя и свое непослушное, растревоженное сердце. Она уснула под утро, измучившись, исстрадавшись и приняв твердое решение – дружеское участие, такая же дружеская радость от встречи! Никаких намеков, обид, демонстраций оскорбленной девицы, никаких воспоминаний, замираний, слез-сопель!

Ни-че-го!

Спокойно и приветливо: «Здравствуй, Илья!» – вежливо, отстраненно.

- Что с тобой? – поинтересовался Кирилл за завтраком.

- А что? Ничего! – сразу приняла «стойку» Юлька, испугавшись, что он почувствует, поймет ее напряжение.

Ничего, конечно, если не считать сбежавшего кофе, уроненного на пол бутерброда, добавленного в чашку с кофе кефира вместо молока, подрагиваний рук и бешено стучащего сердца.

- Влюбилась? – спросил Кирилл, не поверив ей.

- Нет, – рассмеялась Юлька, – вот это точно нет!

- Рисовала всю ночь? – допытывался он.

«Ага! Илью, мысленно!» – мелькнула у нее мысль.

- Ну, не всю – соврала она.

- Может, забьешь на работу и выспишься? – предложил Кирилл.

- А бог его знает, может, и забью, так я от этой дамочки устала!

Кирилл уехал на работу. Юлька маялась. Слонялась по квартире, работу решила задвинуть на самом деле. Повалялась в ванне, зачем-то накрутилась, а когда сообразила зачем, быстренько смыла всю косметику.

Услышав звонок в дверь, замерла, впадая в какой-то ступор.

«Может, не открывать? – трусливо подумала она и одернула себя. – С чего бы это! Ты же приняла решение: вы друзья, как раньше, ничего не изменилось!»

Но это был не Илья.

Открыв дверь, Юлька увидела Карелию и от радости и облегчения заорала на весь дом:

- Кара! Какое счастье, что ты пришла!

- Ты таки пристукнула клиентку? Девушка Кирилла залетела? Юля влюбилась? Инопланетяне? – усмехнувшись, спросила Карелия.

- Все гораздо хуже! – кричала Юлька.

Она схватила Карелию за руку и втащила в прихожую.

- Кара, давай выпьем!

- Спиртное до десяти утра? – приподняла бровь Карелия. – Милая, ты начала осваивать образ жизни бомонда? Или жизнь не удалась?

- Второе! – ответила Юлька, затащив Карелию в кухню. – Сейчас Илья придет! Сюда!

- Ого! – обрадовалась Карелия. – Воссоединение любимых? Мужчина не выдержал разлуки с

тобой?

Юлька давным-давно рассказала Карелии про Илью, про свою любовь к нему – да все рассказала, как исповедалась! Кара, как называл ее Кирилл, а следом за ним и Юлька, была такой мудрой и стала близкой, родной для Юльки.

Никому на свете она не рассказывала о своей любви и трагедии, с которой жила, – никому! А вот Карелии рассказала сразу!

Наверное, кончились силы держать этот болезненный груз в себе, а может, не было рядом такого близкого человека, кроме родителей, но их она оберегала от своих откровений.

- Не угадала! – ответила Юлька.

Она достала из холодильника бутылку шампанского. Сегодня было двадцать девятое декабря, и Кирилл подготовился к грядущему празднику, купив десять бутылок игристого напитка и уложив их в холодильник.

- Будешь? – спросила она, демонстрируя бутылку.

- Давай! – согласилась Кара. – Так по какому случаю встреча?

- Он в командировке, и мама передала с ним подарки для меня на Новый год, только и всего.

- А ты разволновалась! – кивнула Карелия. – Ночь не спала и извелась вся!

- Ну, есть немножко, – пробормотала Юлька.

- А честнее? – не поверила Кара.

Юлька открыла шампанское, без взрывов и моря пены, посмотрела на Карелию и призналась, простонав:

- А честнее – по полной программе!

Она достала высокие бокалы, порезала яблоко, разложила на тарелке, разломала, выложив на другую тарелку, дежурную шоколадку, разлила по бокалам шипучий напиток.

- Я не хочу его видеть! И ужасно хочу! Я соскучилась, я тоскую по нему, он снится мне каждую ночь! Я приняла решение: дружеский тон, как раньше, и никаких намеков на то, что произошло! Ничего не было, точка! Но мне плохо, тошно! Страшно! Я не знаю, что делать, Кара!

- Ну, для начала выпить, – спокойно ответила та и подняла свой бокал.

Юлька быстро села за стол напротив нее, они чокнулись, отпили шампанского, и Юлька устала на Карелию в ожидании совета.

- Что ты так на меня смотришь, девочка? – усмехнулась Кара. – Я не знаю, что тебе сказать. Дай мне сигарету, у Кирилла где-то должны быть.

Юлька удивилась – Карелия не курила вообще, – встала и взяла из ящика пачку дорогих сигарет. Кирилл и Юлька не курили, но сигареты в доме держали на всякий случай, для себя, если вдруг настроение такое, или для гостей.

Карелия закурила, выпустила дым и посмотрела на Юльку. У Юльки внутри что-то екнуло – взгляд женщины был странным, печальным, словно она вспомнила о старой боли. Юлька никогда раньше не видела, чтобы Карелия так смотрела.

- Я любила только одного мужчину в своей жизни, – грудным, полным сдерживаемой застарелой боли голосом сказала она, – отца Кирилла. Я любила его до одури, до умирания! Он был старше меня на двадцать пять лет и так же, как твой Илья, считал, что все несерьезно, что девочка заигралась, а он не имеет права на эту любовь. Господи, как же я страдала!

- Кара-а! – протянула Юлька, жгуче сочувствуя.

- Что Кара? – усмехнулась она. – Я не похожа на женщину, которая может страдать от любви? Это я теперь такая, а тогда была моложе тебя нынешней и любила как сумасшедшая!

- Но... – сделала попытку возразить Юлька.

- Это ты о том, что я все-таки вышла за него замуж? – перебила ее Карелия. – Вышла! И все годы, что мы прожили вместе, я была самой счастливой женщиной на земле! Каждую минуту!

- Он решился, понял? – спросила Юлька.

- Нет, не он. Артур был очень порядочным мужчиной. Он не мог себе позволить такое счастье. Мучился, страдал ужасно, потому что я была его единственной любовью. Когда я призналась Артуру в своем чувстве, он сказал: «Нам нельзя, девочка. Для меня это великое, неожиданное счастье, но я сломаю тебе жизнь, если разрешу себе его». Я прорыдала три дня подряд, понимая, что он окончательно все решил. А потом подумала – нет! Ни за что не откажусь от своей любви и Артуру не позволю! Пришла к нему домой с чемоданчиком и заявила с порога: «Никуда не уйду! Можешь меня убить, это единственный твой шанс от меня отделаться. Других я тебе не дам!»

- И он принял тебя? – потрясенным шепотом произнесла Юлька.

- Он встал передо мной на колени, обнял мои ноги и плакал от счастья. Мы прожили десять лет. Единственных счастливых десять лет моей жизни. Через пять лет у нас родился Кирилл. Муж так любил меня, так оберегал от всего, он был настоящий рыцарь и превратил нашу жизнь в каждодневный праздник. Артур умер от рака. Он умирал в страшных мучениях, долго, но шутил и улыбался, стараясь подбодрить меня до последней своей минуты. Последние месяцы жизни он лежал в больнице и уже не мог вставать и двигаться. А я, знаешь, выносила за ним утку, шла по больничному коридору и думала: «Господи, какая я счастливая! Я самая счастливая женщина на свете! У меня есть такая любовь и такой мужчина!» Вот как! Налей! – жестко велела Карелия.

Потрясенная услышанным, Юлька налила шампанское, оно поднялось пенной шапкой в бокалах и перелилось на стол. Карелия взяла салфетку, вытерла лужицу, ножку бокала, отпила половину без всяких слов, посмотрела на девушку в упор:

- Если ты действительно его любишь, если знаешь, чувствуешь, что этот мужчина любит тебя, – борись! Не отдавай свое счастье обстоятельствам, людям, пустому мещанскому непониманию и глупостям! Вопреки всему: чужим мнениям, своим и его страхам! И пусть не поймут родные и друзья – не отдавай! Прости ему то, что он тебя отверг и не принял твоих чувств, прости и не смей отдавать никому, даже ему самому со всеми его «благородными» побуждениями и «правильными» мыслями, с его желанием защитить тебя от непонимания близких людей!

Карелия допила одним глотком шампанское, поставила на стол бокал, посмотрела в него, задумавшись, улыбнулась и весело сказала:

- А лучше не слушай меня! И делай так, как считаешь нужным! Может, он не стоит твоей любви! Забудь, что я тебе здесь наговорила, ведь это только мой опыт.

Юлька собралась ответить, но ее перебил звонок в дверь.

- Ну вот и герой твоего романа, как я полагаю! - произнесла Карелия. - Иди, открывай, и поменьше эмоций!

ИЛЬЯ

Илья постоял перед дверью, поднял руку, чтобы позвонить, но в последний момент остановился. Он волновался - кто его знает, захочет ли вообще она с ним разговаривать?

Адорин решительно нажал кнопку звонка. Захочет, не захочет - чего гадать, посмотрим!

Юлька распахнула ему дверь.

- Илья, привет!

Весело, радостно, по-дружески радушно. Дружески, и ничего более, он сразу почувствовал.

- Как здорово, что ты приехал! - радовалась Юлька. - Проходи!

За этим должны последовать приглашение на чай, кофе, завтрак (нужное выбрать), легкая беседа и непринужденное пояснение, чтобы снять напряженность, что-то типа: «Ты извини, что я тебе тогда истерику закатила, ты же знаешь, какой у меня характер! Было все прекрасно, мне понравилось, но ты прав, нам лучше оставаться только друзьями. Давай забудем, что случилось!»

И дальше по тексту в том же духе. Что-то в этом ключе.

Подумав так, Илья почему-то разозлился, злость окатила волной, остужая ум.

Значит, так, ладно! Хорошо! А чего, собственно, ты ожидал?

Но Юлька, как обычно, удивила его, все сделав совсем не так, как он предполагал.

- Шампанское будешь? Мы тут выпиваем в преддверии праздника с утра пораньше! А заодно по поводу моего неожиданного выходного дня и твоего приезда!

Она говорила быстро, задорно, таща его за рукав в кухню.

«Мы, - подумал, продолжая злиться, Илья. - Значит, решила меня познакомить со своим мужчиной! Или знакомство было специально запланировано в виде демонстрации того, как счастливо она живет?» Но Илья снова ошибся.

- Знакомьтесь, это Карелия, - представила Юлька Адорину очень красивую блондинку, сидящую за столом. - Кара! Это Илья, друг нашей семьи!

Тем же жизнерадостным, девчоночьим непосредственным тоном щебетала Юлька, представляя их друг другу, а заодно давая определение их с Адориным отношениям.

Да понял он! Понял - «друг семьи»! И на том спасибо, могла бы и прогнать.

- Очень приятно, - светски ответил Илья. - С утра пораньше познакомьтесь с красивой женщиной - это к удаче.

- Желаю, - отозвалась Карелия, улыбаясь.

- Рыжик, ты так быстро меня втащила, - поддерживая тон, который она задала, сказал Илья. - Вот тебе подарки от родителей!

И передал ей в руки тяжелую сумку, которую принес с собой, хотел добавить подарков и от себя, но в последний момент передумал - бог его знает, может, он Юльку обидит этим или она не примет, откажется, а Илья не хотел нагнетать и без того сложную встречу.

- Спасибо тебе огромное! - обрадовалась она.

- Не за что. Юль, как я понял, у тебя выходной, тогда, может, пойдем прогуляемся? Покажешь мне город, дела я закончил, самолет вечером.

- Пошли! - легко и радостно согласилась она.

Странно, Илья был уверен, что откажет и ему придется уговаривать ее или, того хуже, посидев с ней и этой Карелией некоторое время за столом, поболтав ни о чем, так и уехать, ничего для себя не поняв про ее нынешнюю жизнь. Впрочем, основное он, кажется, уяснил: Рыжик в порядке, у нее новые друзья, новая жизнь, и Юлька ею вполне довольна.

- Вы поболтайте, шампанского выпейте, а я соберусь!

И Юлька умотала с кухни, словно ее ветром сдуло.

Они приятно и мило поболтали с Карелией, поделились всякими великосветскими сплетнями - она питерскими, он московскими, - выпили по бокалу шампанского за знакомство. В кухню так же стремительно влетела Юлька.

- Я готова, пошли!

Они бродили по Питеру. Юлька показывала Илье город, который узнала и полюбила, рассказывала о своих делах, смешила его, изображая свою трудную клиентку, расспрашивала Адорина о его жизни, о Тимке, о родителях. Он отвечал, делился бытовыми проблемами и некоторыми рабочими моментами. Они зашли в уютное кафе, перекусили.

Юлька не переставала что-то жизнерадостно говорить, весело звеня голосом, и Илья понял: она боится, что он затронет тему их последней встречи, поэтому и старается безостановочно болтать, подробно рассказывая о своей работе.

- А кто эта Карелия? - перебил Адорин поток ее красноречия.

- Подруга, - остановилась на полуслове Юлька. - Мать Кирилла.

- А Кирилл, как я понимаю, это мужчина, с которым ты живешь?

Интересно, зачем он спросил? Ему бы обойти тему.

Посмотрел, убедился: Юлька счастлива и беззаботна, никаких страданий, переживаний.

Весела, здорова и вернула все на круги своя: он добрый друг, родной человек, старший брат, и не более того!

«Чего тебе еще-то, Адорин?! На хрена ты в расспросы полез?! – мысленно прикрикнул он на себя. – Это же то, что ты хотел, – убедиться, что Юлька в полном порядке: никаких сожалений и обид, вся придуманная любовь слетела «как с белых яблонь дым». Эта девчоночья влюбленность до одури – пока не получила то, что так капризно хотелось, потому что было запретно и не давали. Ну, дали, попробовала, и что? И куда все страдания делись, стоило встретить другого?

Все правильно, все так, как и должно быть, ты ведь именно это предполагал, а теперь уверился на все сто в своей правоте!» – подумал он, соглашаясь сам с собой.

Только почему же хреново на душе? А? Так, что выть хочется!

А на его вопрос она не ответила. Промолчала.

- Я что, неправильно спросил? Он жених, будущий муж?

- Кирилл он и есть Кирилл, – туманно ответила Юлька. – Ты лучше скажи, как там Лена в Америке? Приезжала?

Значит, не будет рассказа о мальчике Кирилле, ну, что ж, может, оно и к лучшему. Адорин уже все и так понял, собственно, за этим и приезжал.

Ну вот, убедился!

- Лена в порядке. Живут они с мужем хорошо, у нее интересная работа, звонит, собирается весной приехать на пару недель. Тимка по ней скучает. Ждет не дождется, часами по телефону болтают.

Они расстались возле такси, которое поймал Илья, – ему пора было ехать в гостиницу за вещами и в аэропорт.

- Обязательно поцелуй за меня Тимку, передай привет своим родителям и расскажи моим, что я в порядке, – прощаясь, проговорила Юлька.

- Передам, – пообещал он, открывая дверцу ожидающего его такси. – Ну все, Рыжик, пока! Очень рад был тебя увидеть.

Он наклонился к ней и поцеловал ничего не значащим поцелуем, в щечку. Дружески, братски, легко и непринужденно, как в ее детстве.

- Я тоже очень рада была тебя увидеть! С наступающим, Ильюша!

- И тебя, Юленька! – отозвался Адорин.

Он повернулся к ней спиной, придержал рукой полупальто, собираясь сесть в машину, но в последнее мгновение оглянулся – хотел сказать то, чего избегал весь день, попросить прощения, что ли, да не знал, что сказать ей на прощание. Но и уехать так, без объяснений, сделал вид, что ничего не было, тоже не мог.

Повернулся и остолбенел, налетев, как на стену, на Юлькин взгляд!

Господи, боже мой, что же плескалось в ее глазах!

Юлька, не ожидавшая, что он обернется, перестав притворяться и скрывать за наигранной бравадой и беззаботностью свои чувства, смотрела на него, как смотрит человек, потерявший все! В бирюзовых глазах плескалась непереносимая боль, прощание навсегда и... любовь!

Илья интуитивно подался к ней, рванулся – спасти, согреть, защитить от всего на свете! Но она отшатнулась, резко повернулась и зашагала прочь. Илья хотел кинуться за ней, догнать, объяснить что-то, но Юлька шла так, что по ее походке, движениям было совершенно и однозначно понятно: если он хочет ее остановить, то может сделать это только единственным способом – навсегда!

Ей не нужны, да она и не примет, утешения, пустые слова, оправдания, ее не надо спасать и жалеть, ей нельзя даже сочувствовать! Ее можно только забрать – совсем, навсегда!

«Ну!!!» – заорал он на себя мысленно и...

И отступил! Во второй раз!

Ссутулился, придавленный непомерной ношей, сел в такси, назвал гостиницу водителю, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

И уехал. А через час улетел в Москву.

ЮЛЯ

Юлька очень старалась. Она контролировала каждое свое слово, жесты, движения, интонации, даже вдохи и выдохи. У нее устало лицо от постоянно удерживаемой на губах улыбки.

И ей удалось! Она убедила Илью и почти смогла убедить себя – дружба! Такая же, которая была у них все эти годы, – дружба и больше ничего!

А ничего и не было! Подумаешь, переспали один раз, ну и что!

У нее все получилось, но в самый последний момент выключатель непринужденности, радости от приятной прогулки, дружеского расположения, который так хорошо работал целый день и не подводил ее, щелкнул, и из-под контроля вырвалось то, что металось, рвалось, болело внутри.

И Илья увидел! Зачем он обернулся?! Зачем?!

Юлька ушла, преградив мысленно всеми своими силами ему дорогу к себе.

«Забудь! Не думай! Забудь!» – приказала она, повторяя это снова и снова всю обратную дорогу домой.

Юлька оказалась так загружена в предновогодней суете и работе, в сжатые сроки доделывая мелочи, которые, как известно, самые кропотливые и трудоемкие. Ей некогда было спать и есть, не то что думать об Илье, она и не думала. Юлька не знала, как с ним общаться, если они еще раз встретятся, и решила, что никак, – не станет она с ним встречаться, и все! Будет ездить к родителям, а с ним поводов встречаться нет, разве что Темка, по которому она скучала, но с Темочкой можно увидеться и у старших Адориных, где присутствие Ильи необязательно! И хватит бояться ездить в Москву к родителям.

К черту Илью Адорина и все эти переживания! К черту! У нее новая жизнь! А то, что он увидел ее истинные чувства, – увидел и увидел, не побежал же следом, не остановил! Уже второй раз! Значит, все осталось, как прежде, – она ему не нужна! А то, что переспали, с кем не бывает – мужик выпил, переживал стресс, вот она и подвернулась! Хватит этого душевного мазохизма! Пора признаться себе, что никогда и ничего у нее с ним не получится! Кара права, надо выбросить прошлые боли и страдания и начинать жить здесь и сейчас!

Кирилл предупредил Юльку, что будет встречать Новый год со своей девушкой, с которой встречался дольше обычного, – целых два месяца. Они собирались на дачу к друзьям на три дня. Юльку пригласили и Денис с Людой, и Карелия с мужем. К Каре девушка идти не хотела – у них своя, весьма непростая компания.

И она приняла приглашение Зосимовой.

Тридцать первого Юлька работала до восьми вечера. Ее клиентка с мужем торжественно приняли работу, уговорив выпить по бокалу шампанского, отметить окончание проекта, рассыпаясь в благодарностях и восторгах по поводу своего обновленного до неузнаваемости жилья.

Так что домой она попала около десяти вечера, а надо еще успеть принять душ, переодеться, сделать праздничный макияж, взять подарки и приготовленные накануне торт и лобио – ее вклад в общий стол.

Юлька торопливо стянула сапоги, бросила на вешалку дубленку и сумку и побежала в ванную, раздеваясь на ходу. Приняв душ, вырулила в халате на кухню и...

Обнаружила там Кирилла. Немного пьяного, мрачного и, как оказалось, голодного.

- Ты что, никуда не поехал? – удивилась Юлька.

- Нет, – ответил он ворчливым тоном. – Юлик, накорми меня чем-нибудь, жрать хочу ужасно!

- А сам? Еды полно, чего ты голодаешь сидишь?

- Сам не хочу! Хочу, чтобы ты приготовила и подала, праздник как-никак! И где тебя носит? Я уже запарился ждать!

- Может, перекусишь, а я соберусь и пойдем к Денису, там и поедим? – предложила она.

- Не хочу я к ним! Ты иди, только накорми меня сначала и уматывай, я и один посижу!

- Да с какой печали?! – возмутилась Юлька. – Я с тобой прекрасно праздник встречу! Мне к ним тоже не особая радость идти, с тобой гораздо интересней и лучше!

- То-то же! – поднял палец вверх Кирилл, подчеркнув важность данного утверждения. – Ну, давай уже что-нибудь пожрем!

Юлька быстро положила ему на тарелку какую-то холодную закуску и сделала чай.

- На, это для начала. Я сейчас переоденусь и накрою шикарный стол! Шампанского у нас завались, так что – гуляем! И, знаешь, это замечательно, что мы будем вдвоем встречать Новый год, мне не очень хотелось к ним идти, – искренне порадовалась она и рассмеялась. – И торт сами съедим, он вкусный получился!

Торт-то получился, а праздник - нет!

Сначала все было замечательно - Кирилл, громко хлопнув пробкой, открыл шампанское, они выпили с последним ударом курантов, поздравили друг друга, расцеловавшись, и преподнесли подарки. Кирилл подарил ей набор дорожных кистей, духи и веселую шапочку с помпоном, а Юлька торжественно вручила его небольшой портрет, который рисовала втайне ото всех, в основном по ночам, и красивый скандинавский свитер.

Но вскоре праздник превратился в странные, пьяные откровения Кирилла.

Он стремительно, тупо и целенаправленно напивался, что было совершенно ему несвойственно. За все время, что они жили вместе, Юлька не видела Кирилла пьяным. Он ценил дорогие коньяки, хорошо разбирался в винах, любил иногда выпить бокал, отдавая предпочтение красным сухим винам. И еще ни разу она не видела его не то чтобы пьяным, а даже в легком подпитии.

- Кирилл, твоя Лариса что-то натворила? - спросила Юлька.

А что она еще могла предположить?

Лариса - та самая девушка, с которой у Кирилла проистекал роман последнее время. Юльке она нравилась спокойной, несуетливой манерой держаться, умом, сдобренным хорошей порцией скрытой хитрости, немногословием, улыбчивостью, про таких говорят: «Себе на уме». Кириллу было с ней хорошо, а остальное не Юлькино дело, она и не пыталась давать оценки его дамам - сам разберется.

- Она-то? - переспросил Кирилл, допивая шампанское в бокале. - Она-то ничего не натворила. Мы с ней расстались.

- Сегодня?

- Да, днем.

- Почему?

- Не знаю, Юлик, как-то мне неинтересно стало!

- Да с какого перепугу?! - возмутилась Юлька. - Все было в порядке, ты говорил, что из последних твоих девушек Лариса самая лучшая и достойная, и вдруг - на тебе! Расстались! Она что, другого встретила?

- Не-а! Никого она не встретила. Мне надоело! Плакала, представляешь? Лариска - и плакала! Мне казалось, она кремень, Снежная королева, а она расплакалась! Мне ее жаль, ей-богу! Она хорошая баба, но, увь! Не греет как-то. А тянуть, мучить ее, думать, как бы не обидеть или как обидеть, чтобы побыстрее расстаться, - это не для меня!

- А что для тебя?! - разозлилась Юлька.

- Ты, - без всяких эмоций ответил Кирилл. - Ты, и это самое хреновое, Рыжая! Когда я тебя увидел, все сразу про себя понял.

Он пьяненько засмеялся и покачал головой, удивляясь.

- Меня всякие любви, романтические слюни не касались никогда, принципиально, это вообще

не из моей жизни. Влюблялся, конечно, и страсти были такие, что аж кровь кипела! Но чтобы любить! Это, извините, к другим мальчикам! Ну, не умел я и не хотел, такой вот уродился, и счастливо жил, заметь!

«Боже мой! – подумала Юлька. – У меня что, планида такая – выслушивать пьяные мужские откровения?»

Наверное.

Юлька подумала: а не напиться ли ей самой, до того тошно стало и мерзко, – и почувствовала себя распоследней дрянью. Нечем ей было Кириллу ответить, она уже все раздала по этим счетам!

И такая злость Юльку взяла!

– Какого черта тогда ты настоял, чтобы я с тобой жила?! Это неправильно, вот на фиг тебе видеть меня каждый день?!

– За тобой надо было приглядывать! Ты от своей этой несчастной любви могла натворить глупостей всяких. Или связалась бы с козлом каким-нибудь! И не хотел я, чтобы ты жила у своей подруги.

– Господи! Да какие проблемы? Сняла бы квартиру! Что ты несешь?! Каких бы я глупостей наделала? Спилась или колотья стала? Да ни черта подобного!

– А ты уверена? – спросил он и погладил ее по голове. – Уверена, что не бросилась бы в какую-нибудь муть? Ты ведь тогда была такой, словно жизнь остановилась, закончилась.

– Уверена! И ты уверен! Как бы мне хреново не было, ничего подобного я с собой делать не собиралась, и ты об этом знаешь! Зачем, для чего тебе надо было устраивать себе такой душевный мазохизм?

– Не скажи. Мне с тобой хорошо живется, уютно. И потом...

Он замолчал, не договорив, открыл еще одну бутылку шампанского, налил в бокалы.

– Выпьем? – спросил весело.

– Давай, – мрачно ответила Юлька.

Чокнувшись с ней, он выпил залпом весь бокал. Юлька поморщилась, вспомнив, как проделала подобный эксперимент в шестнадцать лет. Не самое приятное воспоминание.

«Как бы его спать уложить? Он уже совсем хорош. И не надо мне, Кирюша, твоих откровений, ну не надо! Пожалуйста! А вот что мне надо, так это срочно искать квартиру! И дергать отсюда куда подальше!»

Но Кириллу было уже не остановить.

– Я сначала думал, что ты не выдержишь – рванешь к нему. Каждый день ждал. А потом понял – нет, ты к нему не побежишь. Туда ты себе дверь закрыла. Вот тогда я тебя в постель и пригласил. Ну, про нашу ночь я все уже объяснял. Но решил – пусть будет рядом, оботрется, отойдет от той любви, а к тому времени привыкнет ко мне, как к чему-то постоянному, необходимому и надежному, а там и полюбит!

- Господи, боже мой! Что ты наворотил в своей голове!

Юлька поняла, что, пока Кирилл не выскажется, остановить его она не сможет, так он решил. Прорвало мужика. Ну почему именно сегодня?!

- Ничего не наворотил! Ну не отдавать же тебя другим мужикам!

- Да где они, другие, - ау?! - злясь все больше, возмутилась Юлька.

- А потому и нет, что ты при мне и я за тобой приглядываю. А так бы считать устала!

- Да что за ерунда! Это не мое кредо - менять мужиков!

- Потому что ты себе цены не знаешь! Есть в тебе что-то... - он щелкнул пальцами, подбирая слово, - женская энергия, загадка, тайна - нечто такое сильное, отчего у мужиков крыша едет. К тебе тянет, как к магниту, ты вызываешь какое-то первобытное желание.

- Да что ты выдумываешь! Мужиков вообще тянет ко всяким женщинам!

- Тянет! - согласился он. - Но к тебе по-особенному! Ты со своим Ильей разлюбезным спала? - неожиданно спросил Кирилл.

Юлька не ответила, удивленно уставившись на него. Кирилл кивнул утвердительно, убеждаясь в правоте данного предположения, налил себе в бокал еще шампанского, выпил.

- Значит, все! - заявил он. - Пропал мужик! С потрохами. Если он с тобой спал - все, будет до конца жизни мучиться, искать в других тетках такого же притяжения, беса! И ни хрена не найдет! А почему он тебя бросил? Или ты его?

- Я не хочу об этом говорить! - отрезала Юлька.

Вообще-то она уже ни о чем не хотела говорить, и слушать его пьяные рассуждения-откровения тоже! Ну что за засада?!

- А почему? Нет, ты скажи! Раз у нас вечер откровений!

- Это у тебя вечер откровений! Пьяных.

- Ну да, а ты поддержи разговор! Нет, на самом деле, почему вы расстались? Это даже странно: раз ты его любишь и он с тобой спал - и при таком раскладе тебя отпустил. Он что, женат?

- Нет! Он меня не любит! И отстань от меня!

- Да? - удивился Кирилл. - Значит, дурак! А ты не врешь? Может, между вами что-то другое?

- Да что другое?! - окончательно разозлилась Юлька. - Он старше меня намного и любит как младшую сестру, дочку его друзей!

- Что-то не верится! - засомневался Кирилл, покачав головой. - Если все так, как ты говоришь, тогда какого хрена он затащил тебя в постель? Подумаешь, намного старше! Мой отец был старше Кары на двадцать пять лет, ну и что! Он умер, когда мне исполнилось пять лет, а я до сих пор помню, какая у них была любовь! Не-ет, Рыжая, что-то ты врешь или не понимаешь!

- Да ничего я не вру!!! - сорвалась на крик Юлька. - Он переспал со мной, а наутро испугался и отказался от меня! И не смей больше об этом говорить!!!

- Ну, не хочешь, и ладно! Чего ты орешь?

Он откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза и пожаловался:

- Я, кажется, совсем перебрал. Что-то мне хреново!

- Идем, я тебя уложу! - подскочила Юлька, вмиг остывая от своей злости.

- Сам уложусь! - отказался Кирилл. - Видишь, что ты с мужиками творишь, Рыжая! Я так напивался последний раз в институте, курсе на втором или третьем.

Он с трудом поднялся, покачнувшись. Юлька кинулась к нему, поддержала, обняв рукой за талию, и, уговаривая, как капризного ребенка, повела в спальню. Он расслабился как-то в один момент: что-то пьяненько объяснял, хихикал, останавливался то и дело и начинал что-то втолковывать Юльке.

- Идем, мой хороший, сейчас ляжешь, уснешь, а утром все наладится, - уговаривала она его, не слушая, что Кирилл говорит.

Юлька привела его в спальню, практически притащила на себе, но когда подвела к постели, он решительно оттолкнул ее руки.

- Я сам!

- Детский сад! - воскликнула Юлька.

- Все, иди! - велел он. - А то я начну к тебе приставать. Мне очень хочется к тебе пристать и затащить тебя в постель. А может, ты сама захочешь?

Юлька уложила его и пошла к двери.

- Юль, - позвал Кирилл.

Она обернулась. Кирилл смотрел на нее измученным взглядом.

- Забудь его, Юль, - сказал он заплетающимся языком, - забудь, совсем! У тебя есть я. Нам будет хорошо вместе. Тебе будет хорошо со мной, вот увидишь!

Она не ответила. Отвернулась, потушила свет и медленно вышла.

Днем первого января позвонила Кара.

- Юлечка, здравствуй, поздравляю тебя с Новым годом!

Юлька так обрадовалась, что чуть не расплакалась.

- Кара! Какое счастье, что ты позвонила!

- Что-то случилось? - забеспокоилась Карелия. - Ты разругалась с Денисом и Людой? Поэтому дома?

- Нет, нет, я к ним не ходила! Кара, приезжай!
- Да что произошло?
- Ничего страшного, не пугайся, никаких катастроф, но ты приезжай прямо сейчас!
- Еду! – сказала она и положила трубку.

Юлька измаялась в ожидании ее. Чтобы занять себя чем-то, накрыла праздничный стол в гостиной, все-таки Новый год, пусть и испорченный!

Услышав звонок в дверь, она пулей метнулась открывать.

- Так, что у тебя случилось? – с порога спросила Карелия.
- Кирилл напился вчера в зюзьку!
- Значит, он не поехал с Ларисой на дачу, – не спросила, а констатировала Карелия, входя в квартиру.
- Нет, они расстались.
- Понятно.

Карелия прошла в гостиную, села на диван за праздничный стол. Они не виделись с того дня, когда приезжал Илья, только перезванивались, и то редко – все были заняты предновогодней суетой, а Юлька еще и работой.

- Ну, и что ты так переполошилась? – спокойно поинтересовалась Кара. – Я так понимаю, Новый год вы встречали вдвоем. Ничего удивительного, что мой сын напился, когда-то это должно было случиться. Бедный Кирилл, у него никаких шансов против твоего Адорина.

Юлька обалдела, плюхнулась, не глядя, в кресло, стоявшее напротив дивана у стола, и с придыханием произнесла:

- Ты знала?..
- Что? – уточнила Карелия. – Что Кирилл тебя любит? Конечно, знала – он мой сын, и я всегда вижу и чувствую, что с ним происходит.
- Но почему ты не сказала мне?
- Зачем? Что бы это изменило?
- Как что? – поразилась Юлька. – Я бы не стала здесь жить и мучить его своим присутствием, сняла бы квартиру!

Карелия махнула рукой, слегка поморщившись, отменяя Юлькины слова.

- Перестань. Во-первых, он бы тебя не отпустил, и правильно сделал, а во-вторых, с точки зрения материнского эгоизма мне очень выгодно, что ты живешь здесь, так спокойней: сын не один, под присмотром, всегда ухожен и накормлен, что немаловажно. И потом, я тебя люблю и категорически против, чтобы ты ютилась в какой-нибудь конуре за бешеные бабки. За тобой тоже присмотр нужен.

- Да не нужен за мной никакой присмотр! Вы что, сговорились?
- Ага! – усмехнулась Кара. – Значит, Кирилл тоже так думал, помимо всего остального, и, как я полагаю, вчера тебе это изложил?
- Он много чего вчера мне изложил! – проворчала Юлька. – Но, Кара, я не понимаю, зачем же себя так мучить: жить рядом с женщиной, которую любишь, зная, что она тебя не любит и ничего с ней не получится! Ему же плохо от этого! Он вон вчера напился до чертиков, спит до сих пор!
- Ничего. Иногда это даже полезно! – улыбнулась Карелия. – А знаешь, я пока не увидела твоего Илью, втайне надеялась, что у вас с Кириллом что-то получится.
- Он не мой! – возразила Юлька мрачно.
- Твой, твой! – не поверила ей Карелия. – И, увы, Кириллу рассчитывать не на что. Он, конечно, интересный мужчина, мой сын, но против Адорина проигрывает. Может, с годами что-то изменится. Понимаешь, у Кирилла сильный мужской характер, но проявлять его моему сыну приходилось только в учебе и работе. На его долю не выпадало никаких испытаний и трудностей, негде, да и незачем было закалять силу воли. А Илья мужчина не просто интересный, он мужчина во всех отношениях и очень сильная личность.
- И бог с ним! – попыталась прекратить этот разговор Юлька. – Он сам по себе, я сама!
- Не думаю, – задумчиво покачала головой Карелия. – Илья тебя любит, мучается и страдает. Это видно, хоть он и старается скрыть свои чувства.

Юлька подскочила с кресла и закричала, так ей все надоело:

- Да не любит он меня!!! Я для него никто – девочка, подросток, дочка друзей, маленький Рыжик! Я Илье не нужна! И все, все, Кара, хватит!
- Нет, девочка, – спокойно возразила Карелия, никак не отреагировав на взрыв Юлькиных эмоций. – По-моему, ты не видишь очевидного. Но, впрочем, ты права – хватит об этом, давай Новый год праздновать.

ИЛЬЯ

Встретив Новый год с родителями и сыном, в тесном семейном кругу, на следующий день Илья с Тимкой улетел на горнолыжный курорт. Когда он был там в прошлый раз, то внимательно изучил, как инструкторы занимаются с маленькими детьми, узнал, какие меры безопасности предпринимаются, проверил, присмотрелся и решил в январе обязательно взять с собой ребенка и поставить его на горные лыжи. Тимке исполнилось шесть лет, а на курорте были детки и поменьше, даже трехлетние. После двух дней, проведенных под неусыпным надзором инструктора, мальчик уже лихо рассекал на своих маленьких лыжках и ни черта не боялся. За него боялся папа – испытывая состояние, близкое к панике, и каждый раз останавливая себя, чтобы не кинуться к ребенку поддержать, поднять, если сын падал.

Они замечательно провели десять дней, катались, гуляли, посетили все местные достопримечательности и детские развлечения.

Им было очень хорошо вдвоем – папе и сыну.

Вернувшись в Москву, Адорин с головой окунулся в работу. Народ трудно отходил после долгих новогодних праздников, расслабился, ленился, приходилось поругивать, наказывать – обычная рутина. Но с каждым днем Илья чувствовал, что внутри нарастает некая пустота, мешая работать, думать, сосредотачиваться. Он становился более раздражительным и чувствовал себя бесконечно усталым. Выпотрошенным. Пустым.

И вот сегодня сорвался, не выдержав!

Он прошел на кухню.

«Надо бы что-то поесть, наверное?» – без всякого желания, отстраненно подумал Адорин.

Он послонялся по кухне, открыл холодильник, посмотрел, закрыл, взял со столешницы бутылку воды, отпил, поставил на место и вернулся в гостиную на диван, лег и поглядел на ставший за сегодняшний день близким товарищем белый потолок.

«Надо как-то вычистить это из себя! Нельзя же постоянно так жить! Стереть из памяти этот ее взгляд, да все про нее стереть!»

И вдруг резко сел, ошеломленный мыслью, пришедшей в голову, уперся локтями в расставленные колени и уткнулся лицом в ладони.

«Господи! Что я делаю?! Какая Анна, какая женитьба?! Второй раз на те же грабли! Твою мать! Ведь уже было все это с Леной! Чужой человек рядом, да пусть сто раз мне с ней хорошо в постели – она чужая! Ты идиот, Адорин! Кого ты пытаешься обмануть? Себя? Думаешь, женишься, и все само собой пройдет – Юлька исчезнет из твоей жизни, из твоей крови?!»

Илья замер, пораженный от следующего, пришедшего за первым открытия.

Он испытывал такое чувство, которое испытывал, когда занимался наукой. Когда долгие и сложные вычисления никак не дают искомого результата и неожиданно неизвестно откуда приходит понимание, как правильно, как надо делать, – и ты проверяешь, вычисляешь, уже зная, что нашел – и вот! Вот он результат, получилось!

Он испытал сейчас такое же непередаваемое чувство познания истины, добытой трудным, сложным путем многих ошибок и просчетов, когда начинаешь сначала – снова и снова – и находишь!

В эту секунду он сделал открытие, от которого закружилась голова в восторге от познания единственно правильной и выстраданной истины! Илья понял, почувствовал душой, умом, кожей, всеми потрохами, что ничего вообще не имеет значения – никакое общественное мнение, неважно, умное или глупое, никакие люди с их взглядами и рассуждениями о морали.

Все это чушь, пыль, мусор!

Они просто должны быть вместе – он и Юлька!

Илья точно знал, понял вот сейчас, в это мгновение, что она любит его по-настоящему – сильно и глубоко! Только его! И всегда любила!

Да какого хрена?! Они должны быть вместе!

И не имеет значения, кто и что скажет, поймут их или не поймут – это все неважно! И если

друзья превратятся во врагов, а родные осудят и не примут случившегося – это выводы и решения тех людей, и к ним с Юлькой они не имеют отношения!

Господи! Как все просто!

Он застонал от простоты открывшейся истины, которую не видел многие годы!

Юльке давно уже не шестнадцать лет – ей двадцать четыре! Что он себе напридумывал, какие такие препятствия и «нельзя»! Можно! Можно и нужно!

Это он так испугался своего желания, когда ей было шестнадцать, что долгие годы продолжал бояться его по инерции. Боже мой! Сколько лет потеряно, сколько боли перелопачено! По глупости, по тупому непониманию!

И вдруг, вдогонку, дополняя и углубляя знания, полученные только что, Адорин понял со всей невероятной ясностью, пришедшей как озарение, откуда-то свыше, самое важное!

Если бы он позволил, разрешил тогда, восемь лет назад, себе Юльку – ну, подождал бы, пока ей исполнится восемнадцать, и забрал бы ее себе, – то за физической близостью, невероятным ярким сексом не разглядел бы ее, не пустил бы к себе в душу, не прочувствовал и не понял всей глубины любви к ней.

Ревновал бы каждый миг, ожидая, что она уйдет в мир своих ровесников, привязывал бы к себе сексом, деньгами, детьми – и все равно бы боялся!

Пройдя, как через чистилище, через муки запретного, нереализованного желания и любви, он смог разглядеть Юльку настоящую, узнать как личность, как человека и незаметно, совсем не желая этого, впустить в свою душу, сердце, кровь сильное, глубокое, истинное чувство. Постепенно познавая ее характер за эти годы, привычки, творчество – увидел и попал в унисон, в один музыкальный лад с нею!

И хотел ее всю! До каждой мысли, каждого вдоха, всех ее трудностей и радостей – не довольствуясь уже только физической близостью, а неистово желая полного слияния, – всю!

И не было бы ее любви такой же силы и накала, как его, не было бы Тимки и Юлькиного «Поиска», а может, и «Старушки», и того прозрачного, искрящегося, переливающегося всеми красками потрясающего дня в Праге – много чего не было бы, если б он взял ее в восемнадцать Юлькиных лет!

Адорин мгновенно принял решение! И заспешил, загорелся.

Он заберет ее. Попросит прощения, объяснит, как сможет и что сможет, – и заберет!

Себе! Заграбастает и никуда больше от себя не отпустит! Никогда! Вот прямо сейчас поедет и заберет!

Она должна его простить, понять! Ведь не может не простить? Этого не должно быть! Тогда вся жизнь летит к черту! Юлька простит! Он ей расскажет все-все: про себя, про них, про то, что он сейчас понял и открыл!

Господи, сделай так, чтобы Юлька поняла и простила!

Он быстро оделся и остановился у входной двери, поняв, что, прежде чем ехать к ней, надо

сделать одно очень важное дело.

Илья поймал такси, не собираясь садиться за руль, потому что выпил. Он попросил водителя остановиться у супермаркета, купил бутылку дорогущего коньяка, хотел взять к нему закуску – лимоны, шоколад, сыр, что-нибудь еще, – но, постояв перед прилавком, передумал. Он не на сиделки едет, его вполне реально могут послать – ладно с бутылкой пришел поговорить, не получился разговор, ну что ж, а когда еще и закуску принес, это что-то не то – вроде как заранее просим пардону!

По мере приближения к месту, куда он ехал, Адорин становился все более хмурым. Нет, внутри, в себе он хранил ощущение радости, ясности (за столькие-то годы!) и восторга от принятого решения, но ему предстоял неприятный, трудный разговор. Скорее всего, первый из очереди предстоящих объяснений.

Дверь открыл Игорь.

- Илья! – обрадовался он. – Вот так сюрприз!

Но, присмотревшись к нему повнимательнее, быстро спросил:

- Что-то случилось?

- Случилось, – признался Илья, – надо поговорить.

- Проходи, чего ты стоишь в дверях! – заторопился Игорь.

Тут вышла из комнаты Марина, услышав их разговор.

- Ильюша, что случилось? Тимка? Родители? – перепугалась она.

- Нет, нет, Мариночка, с ними все в порядке. Мне надо с вами поговорить.

- Проходи в комнату скорее, не пугай меня таким началом! – потребовала она.

- А пошли в кухню, – предложил Илья, – выпьем.

Он протянул Игорю бутылку.

- Илья, ты, в самом деле, говори, что случилось, не томи!

Адорин, сняв пальто и пристроив его на вешалке, прошел в кухню, взял стул, поставил на середине, сел, как на скамью подсудимых. Марина начала было суетиться, вынимая из шкафов какую-то закуску, рюмки, Илья попросил:

- Марин, сядь.

Не зная, что и думать, но заранее испугавшись, она, встревоженно глядя на него, села, прижав к груди рюмки, которые достала с полки. Игорь с Мариной сидели у стены, с разных краев стола, и смотрели на него, отчего ощущение, будто он присутствует на судебном процессе, усиливалось. Илья оперся локтями на ноги, сцепив в замок кисти рук, и с ходу заявил хриплым от переживаний голосом:

- Я люблю Юльку!

- Ну и что, мы тоже ее любим, - не сразу понял Игорь.

- Я люблю ее как женщину. Сильно. И хочу на ней жениться.

- О господи! - воскликнула Марина, бросила на стол рюмки, зазвеневшие и раскатившиеся по столешнице, и прижала ладони к губам от потрясения.

- Та-ак! - протянул Игорь. - И давно?

«Ну вот и началось! - подумал с тоской Илья. - А чего ты хотел? Ты же знал, что все так и будет!»

- Давно, - ответил он. - Сначала я любил ее как сестренку, как дочку, как маленькую девочку, а потом...

- Что потом? - допытывался Игорь.

Он открыл бутылку, не сводя с Ильи взгляда, поставил брошенные Мариной рюмки, налил всем и протянул одну Адорину.

- Я ее захотел! Очень сильно. Когда ей исполнилось шестнадцать лет. И испугался.

Игорь выпил, Адорин тоже, а Марина все смотрела на него расширившимися от потрясения глазами, не отнимая пальцев от губ. Илья кинул на нее быстрый взгляд и перевел его на Игоря.

- Испугался и запретил себе даже думать об этом, потому старался держаться от нее как можно дальше. Она росла, а я влюблялся все сильнее. И запрещал еще жестче.

- Боже мой! - сказала Марина надрывным от переживания голосом, и крупные капли слез покатались у нее по щекам. - Какие же вы идиоты!

Илья не понял - посмотрел на нее удивленно. А Марина пояснила, чуть не рыдая:

- Она ведь любила тебя все эти годы! Зачем же вы столько лет мучаете друг друга?! Страдаете так?!

- Марин, ты что, ничего не имеешь против? - не поверил Илья.

- Да какое против?! - возмутилась она. - С чего? Сначала мы с Игорем думали, это у нее девчоночье, пройдет, а потом увидели, поняли, что она тебя любит по-настоящему, сильно, и мучается, страдает ужасно!

Он не мог поверить! Да не может быть! Не может же быть, чтобы они приняли его чувства к Юльке так просто!

- Игорь? - спросил Адорин ошеломленно.

- А почему мы должны быть против, Илья? - изумился в свою очередь тот.

- Я старше, намного, - ответил Илья. - Вы мои друзья, ты мой учитель, она ваша дочь!

- Да какое это имеет значение? Ты что, был уверен, что мы не пойдем? Не примем ваших отношений и брака?

- Да, думал, - кивнул Илья.

- Так спросил бы, если сомневался! - воскликнул Игорь. - Марина, не плачь!

- Не буду! - пообещала она, вытирая слезы. - Дурак ты, Адорин! Хоть и крутой бизнесмен, и доктор наук, а дурак! Сам измучился, Юльку измучил!

- Дурак! - согласился Илья. - Это не все. Я ее обидел.

- Как? - быстро спросил Игорь.

Илья, глядя ему в глаза, четко произнес:

- Я с ней переспал.

Игорь взял бутылку, налил им с Адориным в рюмки коньяк и выпил.

- Это, конечно, не самая лучшая новость, которую отец может узнать о дочери, но позволь спросить: ну, переспал, и что?

- И отказался от нее! Объяснил, что она меня не любит и отношения между нами невозможны.

- Бедная Юлька! Вот почему она два дня лежала пластом без движения! - проговорила Марина и снова заплакала.

- А сейчас решил жениться? - продолжил допрос Игорь.

- Не могу больше! Все! К вам приехал поставить в известность, мне уже безразлично, кто и что скажет и подумает! Пошлете вы меня или нет.

- А если она не согласится?

- Не знаю! - вздохнул Илья. - Уговорю, буду просить прощения, объясню, как смогу! Не знаю!

- Юлька простит, Илья, она тебя так любит! - сказала Марина убежденно.

- А если не простит? - продолжал спрашивать Игорь. - У нее наладилось все как-то, она с парнем живет, а ты вот так приедешь и уговоришь?

- Не знаю я, Игорь! Но никаким мужикам я ее больше не отдам!

- Игорь, ну чего ты? - возмутилась Марина.

- Да того! Что вы, Юльку не знаете? Упрется в своей обиде - столько-то лет терпеть! Не поверит ему, и что? Изломает жизнь и себе, и Илье!

- И что ты предлагаешь? - спросила Марина.

- Поедем все вместе! Если у Ильи не получится, мы с ней поговорим.

- Нет, Игорь, - не согласился Адорин. - Я сам. Ну а если она откажется, значит, заслужил, значит, слишком поздно спохватился. Спасибо вам, я не ожидал, что вы поймете и примете ситуацию.

- Да почему?! Почему? - воскликнула Марина. - Мы что, изверги какие-то, идиоты? Ну, любите
Далекий мой, единственный...-«Не могу тебя забыть»]

вы друг друга, и слава богу! Мы только счастливы!

- Спасибо! - еще раз поблагодарил он, с трудом проталкивая застывший в горле ком.

- Ты когда ехать собрался? - поинтересовался Игорь, но уже легко, без нажима.

- Сейчас.

- Как?

- Да как угодно - самолетом, поездом, машиной, наконец!

- Ты себя в зеркале видел? У тебя лицо человека, который не спал трое суток! Синяки под глазами, щетина, к тому же ты выпил. Ты так хочешь к ней приехать?

- Да как угодно!

- Нет. Сейчас мы накроем стол, ты поешь горячего, посидим, поговорим спокойно, выпьем за ваше с Юлькой счастье. Останешься у нас, выспишься, а утром поедешь с нашего благословения.

- Да я в Питере сниму номер в гостинице, помоюсь, побрежусь! - сопротивлялся Илья любому промедлению.

- Зачем тебе гостиница? - неожиданно рассмеялась Марина. - А вдруг Юльку украсть придется?

- Как это? - ошарашенно произнес Адорин.

Илья расслабился, в груди растекалось тепло от любви и благодарности к этим родным, дорогим ему людям. Да как он вообще мог сомневаться, что они не поймут?! Годами жил в глубокой убежденности, что не примут его любви! Права Марина - идиот!

- А вот так! - смеялась Марина. - Если упрется - бери в охапку и тащи! А там разберемся всем миром!

- А что! - рассмеялся следом за женой Игорь. - Неплохой вариант! Предлагаю за это выпить и, главное, поесть!

- Да вы что? - заражаясь их весельем, неким ухарством, приходящим после тяжелого, трудного дела, поддержал тон Илья. - Юльку - и украсть! Она же орать будет на весь Питер!

- Обсудим варианты! - хохоча, предложил Игорь.

Он встал и начал помогать Марине накрывать на стол.

- Может, кляп? - спросил Игорь.

- Или скотч! - подхватила Марина.

Они долго сидели за столом, разговаривали, смеялись. Марина накормила Адорина горячим вкуснейшим ужином, как на убой, и его разморило, повело от тепла.

Илья улегся на Юлькиной постели и улыбался, вдыхая ее запах, еле уловимый.

Но рано утром ему уехать не удалось, пришлось срочно решать дела с Морозовым.

Адорин давно уже стал партнером и соратником Алексея, у них сложился прочный союз двух глубоко уважающих друг друга людей.

Илья приехал утром домой переодеться, принять душ, побриться, собрать вещи. Он решил ехать на машине, сам. Джип свой Илья любил, и дорогу любил, но, посмеиваясь про себя, думал, что не поехал бы, однако ж Расковы заронили мысль – а вдруг действительно придется хватать Юльку в охапку и уматывать по-быстрому, мало ли? Умом он понимал, что ничего такого не сделает, но все же, а вдруг...

От этих мыслей его отвлек Морозов, который долго и громко ругался в трубку, не выбирая выражений, описывая, кто Адорин после того, как пропал на полсутки!

- Не ори! Я женюсь, Морозов!

- Прямо сейчас? – ехидно поинтересовался Лешка. – Или все же успеешь на подписание контракта?

- Прямо сейчас не получится, сначала надо невесту уговорить!

- Бог в помощь! Появись на пару часов, введи меня в подробности сделки и мотай – уговаривай, женись!

- Ладно, сейчас приеду, – сказал Илья, понимая, что нельзя, конечно, так вот бросать дела и подставлять Алексея.

- Я что-то не пойму, – спросил Морозов, успокоившись, – неужели Анна не согласилась сразу и ее надо уговаривать?

- Это не Анна, – усмехнулся Илья.

- О как! – поразился Лешка. – А кто?

- Ну вот если уговорю, узнаешь!

Адорин приехал в Питер рано утром, он гнал всю дорогу, втапливая педаль газа в пол до упора, и думал, что он ей скажет и как.

Нужны цветы, обязательно, решил Илья. Он поколесил по улицам, поспрашивал редких прохожих и таки нашел на вокзале круглосуточный цветочный павильон. Не считая, взял из ведерка все, сколько было, алые розы и не глядя рассчитался.

В подъезде старого дома, где на верхнем этаже находилась квартира, в которой жила Юлька, не имелось лифта. Поднимаясь по лестнице, с каждой ступенькой Илья волновался все сильнее. И то, что казалось в Москве естественным и простым – приеду, объясню, попрошу прощения, уговорю, – становилось с приближением к заветной двери все более нереальным и сложным.

Что и как ей объяснить? Где найти правильные слова? Как убедить и попросить прощения?

Илья смотрел на высокую двустворчатую дверь.

Букет ему мешал.

Он поставил его на пол, прислонив головками цветов к одной из дверных створок, которая не открывалась. И решил! Вот сейчас он ее увидит и поймет, что надо сказать!

И нажал кнопку звонка.

ЮЛЯ

После Нового года Кирилл к разговору о своих чувствах к Юльке не возвращался. Сказал только безапелляционным тоном:

- Даже не вздумай искать квартиру и уходить из дома! Ты здесь живешь, и все!

«Ну и ладно!» - решила Юлька.

Юлька давно не виделась с Карелией, - они с мужем уезжали куда-то за границу, а как только вернулись, Кара позвонила и предложила встретиться, пройтись, посидеть в кафе и поговорить.

Они сидели в кафе, болтали - Юлька жаловалась, что совсем ей скучно без работы, Кара рассказывала про поездку. И вдруг неожиданно, прервав себя, произнесла:

- Ты знаешь, я смотрю на тебя и понимаю: ты живешь, словно время переживаешь. Надо определиться - если ты решила оставить все в прошлом, значит, начинай новую жизнь.

И потребовала от Юльки обещания, что она сядет и разберется наконец со своими чувствами и желаниями. Напишет все на бумаге, переосмыслит и будет строить новую жизнь.

Юлька промучилась весь день. Сначала пыталась что-то писать, но бросила, потому что получалось плохо.

Воспоминания, спровоцированные попыткой что-то понять в себе, излить душу на бумаге, выскочили, как черт из табакерки, и проходили через нее, текли, не кусками и событиями, а стройным, последовательным фильмом, начиная с того дня, когда она первый раз увидела Илью. И старательные Юлькины попытки засунуть их обратно, туда, где они сидели до сих пор и не рыпались, не увенчались успехом.

Кирилл не пришел ночевать именно в эту ночь, а она надеялась, что он поможет отвлечься, прервать болевой поток. Но, видимо, какие-то высшие силы, неподвластные ее разуму и приказам, решили, что настало время пережить все заново, и...

А вот что и? Легче не стало, боль не ушла, а в куче с ней и обида на судьбу, сопровождаемая неизменной подругой безнадегой.

Юлька смирилась.

Она подумала, что это, наверное, оттого, что у нее в данный момент нет работы. Ей бы заняться чем-то, загружая себя, выталкивая трудные мысли делами и не давая им ни одного шанса. Она рисовала, но без вдохновения, так, кое-какие наброски, эскизы, всякую ерунду - настроения после Нового года не было никакого.

Промаявшись весь день и ночь потоком воспоминаний, Юлька заснула утром тяжелым сном без сновидений и проспала до вечера, когда пришел Кирилл и разбудил ее, позвав ужинать.

Следующим утром она встала очень рано, чувствуя непонятное беспокойство – тоску или ожидание чего-то.

Непонятно.

«Может, заболела? Простыла где-то?» – попыталась разобраться в своих ощущениях Юлька. Но на простуду ее состояние никак не тянуло, скорее непонятное беспокойство.

Может, случилось что с родителями? Вряд ли – тогда бы ей сразу сообщили об этом. Но она все-таки решила им позвонить, чуть позже, чтобы не будить сейчас.

Что же с ней происходит? Она прислушалась к своим ощущениям, смутная тревога, а вот по поводу чего, так и не поняла.

Юлька готовила завтрак, когда раздался звонок в дверь.

Она уронила нож, резко повернулась, и у нее быстро-быстро забилося сердце.

- Да в чем дело?! Кажется, я совсем сбрендила от воспоминаний и переживаний? – возмутилась она и пошла открывать.

ЮЛЯ И ИЛЬЯ

Юля решительно распахнула дверь.

Илья медленно вдохнул, увидев ее, и забыл выдохнуть.

На ней была длинная легкая юбка, широкий тонкий свитер с большим вырезом, который спадал на один бок, оголяя плечо, на ногах домашние туфельки на каблуках, без задников, с открытыми носками. Почему-то именно эти туфельки потрясли Адорина – из них выглядывали маленькие пальчики. Копна рыжих волос, небрежно схваченных заколкой, подсвечивалась лучами солнца, добравшимися через окно кухни до прихожей.

Илья увидел и осознал ее всю в одно мгновение.

Они смотрели друг другу в глаза и молчали.

И что-то неслышное, понятное в этот момент только им происходило между ними.

Он говорил ей глазами обо всем – просил прощения, вставал на колени, признавался в любви – взглядом! Всем своим существом! Он не мог ничего сказать вслух. Да это было и не нужно.

Она смотрела на него и не верила. Невероятно! Не может быть, чтобы было так!

Может, – возражал он! Уговаривал, просил, требовал!

И любил!

И Юлька поверила!!! Задохнулась от нахлынувшего, прорвавшегося через все запреты, через страдания, отречения счастья!

Илья медленно поднял руку и протянул ей навстречу, предлагая весь мир. Юлька зачарованно смотрела на его открытую ожидающую ладонь, предлагающую ей весь мир. Осторожно, боясь спугнуть, поверить до конца, она вложила в руку Ильи свою ладошку. Он не делал никаких

движений, не тянул к себе, оставляя право окончательного решения за ней.

И Юлька сделала шаг, переступая порог, не отводя взгляда от глаз Ильи.

- Юлик, кто пришел? - спросил Кирилл у нее за спиной, выходя в прихожую, и замер.

Она сделала еще один шаг к Илье, придвинувшись к нему вплотную и близко-близко заглянув ему в глаза.

- Юля! - позвал Кирилл.

Юлька и Илья, не отрывая друг от друга взглядов, развернулись и пошли к лестнице.

Медленно.

- Юля, ты куда? - крикнул Кирилл.

А они заторопились, стали быстро спускаться по ступенькам, держась за руки, - он впереди, она за ним.

- Юлька!!! - Кирилл выскочил из квартиры. - Оденся, там же мороз! Ты куда?

Она бежала за Иллей, стуча каблучками по ступенькам. Кирилл перегнулся через перила и крикнул:

- Юлька, вернись! Он уже один раз от тебя отказался, он снова откажется!

- Пусть!!! - радостно закричала в ответ Юлька, не останавливаясь. - Но это будет потом!!!

Они выскочили на холодную, морозную улицу, у подъезда стоял джип Адорина. На бегу он отключил сигнализацию, распахнул пассажирскую дверь, затолкал Юльку в машину, оббежал спереди, сел за руль и тронулся с места, взрывая снежные фонтаны из-под задних колес.

Отъехав пару кварталов, Илья остановил машину, повернулся к ней и произнес первые слова с момента их встречи:

- Никогда! Я никогда от тебя не откажусь и никому не отдам!

- Почему? - спросила она, сияя навстречу счастливым взглядом.

Непереносимая, невозможная рыжая бестия - ей надо, чтобы он сказал, все сказал!

- Потому что люблю!

Он притянул Юльку к себе и поцеловал, вложив в этот поцелуй все годы отказов и запретов, все мучения - свои и ее!

Оторвался, посмотрел близко.

- Люблю и хочу ужасно!

- Мы куда-то едем? - шепотом спросила Юлька, глядя на него затуманенным от поцелуя взглядом.

- Да! Домой!

- Хорошо! - прошептала она. - Значит, дорога предстоит длинная, вот ты и расскажешь: как меня любишь и хочешь. Подробно и с чувством!

Илья рассмеялся, завел машину и тронулся с места. Он рассказал Юльке, как ее любит, и подробно, не стесняясь в выражениях и деталях, - как хочет. И, не выдержав, загнал машину в карман трассы и показал - не всю озвученную им программу - немного, чтобы почувствовать ее, поверить в счастье и не сойти с ума до Москвы!

Они приехали в Питер в августе на джипе. Адорин наотрез отказывался отпускать ее одну, а Юлька не хотела добираться самолетом или поездом.

И ворчала, поднимаясь по лестнице:

- Нельзя было приехать раньше? Жара, душно, тяжело!

Илья поддерживал ее под локоть, помогая подниматься по ступенькам. Он поставил на пол, прислонив к стене возле знакомой двери, коробку с картинами, которые Юлька привезла Кириллу с Карелией в подарок, чмокнул ее в нос.

- Нельзя! - наконец соизволил ответить Илья. - Он в тебя влюблен и наверняка надеялся, что ты сбежишь от меня к нему. Теперь мои права на тебя видны всем, и никто не может их оспорить! Пусть твой Кирилл увидит, что надежды у него нет!

Юлька была на шестом месяце беременности. Адоринское «право на нее» выпирало весьма красноречиво.

- Ах, вот почему ты отказывался меня везти и мне не давал ехать! - ахнула Юлька и шлепнула его по рукам.

- Стратегия! - рассмеялся Илья. - Доказательство того, что ты принадлежишь мне, идет впереди тебя!

Илья еще разок поцеловал ее в нос и пошел к лестнице.

- Ты не зайдешь? - спросила Юлька.

- Нет, вам надо поговорить, а парню совсем не обязательно видеть счастливого соперника. Я в машине подожду.

Он быстро и легко спускался по ступенькам, что-то насвистывая. Юлька рассмеялась. Перегнувшись через перила, крикнула ему:

- Ты ведешь себя как сытый самодовольный кот, наевшийся сметаны!

- А я такой и есть, Рыжик! - весело ответил Адорин.

Но тут же остановился, посмотрел вверх на нее и громко крикнул:

- Немедленно отойди от перил! У тебя может закружиться голова!

Юлька махнула ему рукой и вернулась к двери. Потом решительно вдохнула и нажала на звонок.

- Привет, Кирилл! - поздоровалась Юлька, когда он открыл дверь.

- Юля? - удивился Кирилл.

- Возьми, пожалуйста, коробку, - попросила она. - Это картины для тебя и Кары.

Юлька привезла две новые работы. Она для них, своих питерских друзей, и рисовала, думая и вспоминая время, проведенное в Санкт-Петербурге, Кирилла, их жизнь вдвоем, его признание...

Кирилл с Карелией зимой собрали брошенные ею при побеге вещи и отправили машиной в Москву. Юлька не знала, как их благодарить, - самой ей было некогда этим заняться, она не могла оторваться от Ильи. Кара смеялась по телефону, когда Юлька рассыпалась в благодарностях:

- Да брось ты! Все понятно, тебе не до вещей, у тебя затянувшийся медовый месяц!

- Что-то в этом роде! - смеялась в ответ Юлька.

Она рассказала Кириллу о своих делах, хотя что рассказывать, как сказал Илья, все и так видно. Оба старательно обходили тему их взаимоотношений, чувствуя некое смущение.

И все же, когда она уже собиралась уходить, Кирилл неожиданно произнес:

- Знаешь, когда ты сбежала, я очень разозлился, обиделся страшно - ну как же, меня, такого офигенного мужика, и бросили, проигнорировали, предпочли другого! Хотел все твои вещи и картины выбросить, пил три дня, ущемленное самолюбие выло ужасно. А когда первая шоковая реакция прошла и я смог рассуждать трезво, то неожиданно понял, что ничего бы у нас с тобой не сложилось, Рыжая.

Юлька притихла и смотрела на него внимательно.

- Как оказалось, я тебя и не знал совсем, не понял, не раскумекал до конца твоего характера. Это ты тихая была, потому что боль переживала, раны лечила и не представляла, как жить дальше. И просто устала за много лет от своих мучений. А когда ты рванула раздетая, в одних тапочках по морозу за ним, я понял, что в тебе такое неистовство есть - безудержное, наотмашь, рыжее, огненное! И живешь ты так, это твое нутро, которое ты здесь совсем не проявляла. Я понял, что не потянул бы такие страсти. Я другой, мне нужна женщина, для которой я непререкаемый авторитет, которая никогда не будет делать наперекор, если она так решила. Я не смог бы долго жить с твоим темпераментом, с огнем этим, с твоей самостоятельностью. Не потянул бы! У тебя все на полную катушку - жизнь, любовь, нелюбовь, творчество! И ты сильнее меня, а этого я не приемлю, когда женщина сильнее меня! Ладно, Рыжая, проехали! Считаю это моим преклонением перед тобой как личностью! И женщиной.

Он усмехнулся и поцеловал ее в щеку, прощаясь.

- Будь счастлива, Рыжая!

- Буду! - пообещала Юлька.

Пять лет спустя

Иногда Адорин просыпался по ночам. Он осторожно выбирался из постели, чтобы не разбудить

Юльку, и шел проверять детей. Илья заходил в комнату Тимки, поправлял на нем одеяло, гладил по голове, стоял, смотрел несколько минут на старшенького сына. Уже совсем большой – одиннадцать лет! У Тимки начинался подростковый возраст, который несколько не испортил его характер. Они пережили Ленины отчаянные попытки забрать мальчика в Америку в прошлом году. Илья не возражал, но настоял на том, что сын сам должен решать, ехать ему или остаться. Собрали семейный совет, поговорили о том, что ему даст жизнь в Америке, рассказали о перспективах, стараясь не давить. Лена не сомневалась, что он поедет, но Темка, выслушав родителей внимательно и молча, твердо отказался. Все были поражены! Как?

- Мам, я тебя люблю и буду приезжать каждые каникулы, но жить хочу здесь, с папой!

Лена уговаривала, рыдала, просила, обвиняла Адорина, что это он настраивает мальчика против нее, но Тимка, проводивший с матерью все время, пока она гостила в Москве, что-то ей там такое объяснил, и она успокоилась. Юлька с Ильей поражались силе его характера и спокойной убежденности в правоте своих решений. Да, мальчик растет и станет настоящим мужчиной!

Илья выходил из его комнаты и заглядывал во вторую детскую. Там горел ночник – смешной пузатый гном со светящимся фонарем в руке. Юлька купила его в Австрии, в деревенском магазине, когда они ездили вдвоем отдыхать.

Пятилетний Федор спал, раскинув руки и ноги, сбив в кучу одеяло, тихонько посапывая во сне. Илья улыбался, расправлял одеяло и укрывал сынишку – дело, в принципе, бесполезное, через минут десять одеяло будет в том же состоянии: скомканное и где-нибудь сбоку. Илья целовал Федора в макушку и переходил к другой детской кроватке, где спала полуторагодовалая Катерина.

Папина дочка! Любимица всей семьи.

Проверяя по ночам детей, Илья всегда испытывал такие сильные, непередаваемые чувства – перехватывало горло и грудь сжимало от любви и нежности к ним, его детям. Он так и не привык к этим чувствам, каждый раз переживая их, как впервые.

Илья обожал своих детей, свою семью и пугался, если кто-то заболел, – с ума сходил! Катьку вообще с рук не спускал, когда у нее были младенческие колики. Возвращался с работы, переодевался, умывался, брал дочь на руки и так и ходил с ней – держа малышку на левой руке, ел, телевизор смотрел, работал с бумагами, покачивая девочку.

Проверив детей, Илья шел назад, в кровать. Прижимал осторожно Юльку к себе, но она все равно просыпалась, чувствуя его настроение даже во сне, всегда просыпалась, как бы он ни старался не разбудить ее. Вот и сегодня жена уткнулась Адорину в плечо и сонно прошептала:

- Ты знаешь, что это странно – бояться счастья? Все люди боятся быть несчастными, а ты наоборот.

- Я не боюсь быть счастливым! Я оберегаю наше счастье, проверяю! Спи!

- Я твоё счастье и дети! Чего нас проверять – здесь мы! – усмехнулась, не проснувшись до конца, Юлька.

- Я на страже Родины, поэтому все на месте и все в порядке.

- Пограничник ты наш, может, тебе Трезора завести?

- Что, ты сдалась и согласилась на собачку? - поддел Адорин.

Тимка с Федей клянчили у них разрешения завести собачку. Юлька отстаивала свое категорическое «нет», даже когда Илья давал слабину, будучи не в силах смотреть на умоляющие мордашки сыновей и слушать их нытье.

- Ни в жисть! - улыбнулась она, не открывая глаз.

- Даже если мы купим дом и переедем за город? - поинтересовался Илья, выдав свои тайные планы, которые вынашивал последнее время.

- Дом? - проснулась Юлька.

- Дом, - подтвердил Илья. - Правда, не сразу, не завтра - таких денег одновременно нет, но очень скоро это будет вполне реально.

- Я сейчас проснусь и начну думать! - сказала Юлька.

Адорин тихо рассмеялся и поцеловал ее в лоб.

- Спи. Завтра подумаешь.

- Ладно, - сразу согласилась она, - я в нем такой дизайн сделаю! Красоты страшной!

- Договорились! - улынулся Илья.

- И обязательно цветы, много цветов! - прошептала засыпающая Юлька. - И деревья, лучше хвойные, разные.

- Сколько захочешь! - согласился Илья.

Юлька посопела, поерзала, устраиваясь поудобней у него на плече, и совсем тихо, почти во сне, добавила:

- И ладно, так уж и быть, заведем тебе Трезора - станете с ним обходить территорию по ночам. Чем тебе не охрана Родины, а, Адорин?